

И. М. ДЪЯКОНОВ

РАЗВИТИЕ
ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В АССИРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1949

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
<i>Глава I.</i> Очерк земельных отношений старо-ассирийского периода	10
<i>Глава II.</i> Земельные отношения средне-ассирийского периода	37
<i>Глава III.</i> Земельные отношения ново-ассирийского периода	80
Заключение	147
Список сокращений	151

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является опытом построения по возможности связной картины истории развития земельных отношений в Ассирии.

Для разрешения принципиальных социально-экономических вопросов истории Древнего Востока клинописные памятники Вавилонии и Ассирии представляют наиболее благодарный материал, так как в значительной своей части являются частно-правовыми документами, деловыми письмами и документами хозяйственной отчетности. Ассирийские документы особенно удобны для изучения развития хозяйственной жизни общества, ибо представляют собой три компактных и удобообозримых группы документов, достаточно многочисленных и относящихся к трем наиболее важным периодам истории ассирийского государства—к периоду до создания ассирийской державы, к периоду первого подъема и расцвета Ассирии в середине II тысячелетия до н. э. и к периоду „мирового господства“ Ассирии, непосредственно предшествующему падению державы.

Ассирия не принадлежала к числу наиболее типичных речных культур Древнего Востока, как Египет и Вавилония, но может считаться довольно характерным образцом среди других древневосточных обществ, в которых речное земледелие сочеталось с земледелием, основанным на колодезном орошении и на использовании дождевых вод, а также со скотоводством. Для нас не менее важно составить себе ясную картину социально-экономического развития в этих обществах, чем в ведущих областях—Вавилонии и Египте. Кроме того, Ассирия создала в I тысячелетии до н. э. первое „мировое“ государство, охватившее территорию всех обществ классического Древнего Востока и явившееся предшественником государств Навуходоносора, Кира, Александра и следовавших за ними. И с этой точки зрения детальное исследование социально-экономических отношений внутри ассирийского общества является весьма существенным.

До сих пор социально-экономической истории Ассирии не уделялось достаточного внимания. На Западе в общеисторических работах излагается почти исключительно внешне-политическая история, а в работах социально-экономических ассирийское общество вообще не отделяется от общества вавилонского, причем факты приводятся без различия из всех эпох истории как

Вавилонии, так и Ассирии, начиная с ранне-шумерского периода и кончая периодом державы Саргонидов. То же верно и в отношении русских дореволюционных работ¹. Это стоит в связи с антиисторическим взглядом на Древний Восток, как на общество, лишенное какого бы то ни было развития. Указанными работами, как правило, можно пользоваться только в той мере, в какой они содержат фактический материал.

В советской литературе социально-экономической истории Ассирии также пока еще не уделялось достаточного внимания. Дискуссия о древне-восточном социально-экономическом строе (в работах акад. В. В. Струве и Н. М. Никольского) велась преимущественно по поводу вавилонского и шумерского материала. В своей „Истории древнего Востока“² акад. В. В. Струве излагает социально-экономическую историю Ассирии в общих чертах; ряд деталей, приводившихся им в первом издании его труда³, выпущены во втором, очевидно вследствие спорности или недостаточной исследованности вопроса. Экономика Ассирии затрагивается акад. Н. М. Никольским в некоторых его работах⁴, но также лишь в самом общем виде, причем целые большие группы источников остались им вовсе не использованными. По большинству конкретных вопросов советские работы отсутствуют.

Из западно-европейских работ для нашего исследования можно было использовать лишь публикации филологов, издававших тексты, и частью интерпретации юристов, занимавшихся данными источниками с формально-правовой точки зрения. Для старо-ассирийского периода из этих работ нужно отметить труд G. Eisser und J. Lewy, *Altassyrische Rechtsurkunden vom Kül-Tepe*, MVÄG 1933⁵, а также разбросанные по различным изданиям автографии и переводы деловых документов и писем из ассирийских колоний в Каппадокии, — материал, вкратце обобщенный в маленькой работе Бенно Ландсбергера⁶, главы разгромленной фашистами лейпцигской школы ассириологии.

Для памятников средне-ассирийского периода, за исключением Судебника, неоднократно подвергавшегося обработке в трудах Зелольфа, Кошакера и других, и наиболее полно в большой работе.

¹ Ср., например, хотя бы „Аграрную историю древнего мира“ Макса Вебера, стр. 62 русского издания, а из русских работ — например „Монархии древнего мира“ Н. И. Кареева и т. п.

² Акад. В. В. Струве. История древнего Востока, Госполитиздат, 1941, гл. XX, XXVI, XXVIII.

³ См., напр., акад. В. В. Струве, I том „Истории древнего мира“, ГАИМК, т. I, стр. 372—373 (о кормлении воинов).

⁴ Акад. Н. М. Никольский, Рабство в древнем Двуречье, ВДИ, I (14), 1941, стр. 57 след.; Частное землевладение... в древнем Двуречье, Минск, 1948, стр. 99 след.

⁵ К сожалению, мне не был доступен том III—IV этой работы. Основные документы, касающиеся темы настоящей работы, собраны, впрочем, в I—II томе.

⁶ B. Landsberger. *Assyrische Handelskolonien*, in *Kleinasien*, der A. O. 24, 4.

Драйвера и Майльза¹, основой для исследования являются все еще издания текстов в автографиях Шрёдера и Эбелинга², лишь частично и далеко не совершенно изданных в транскрипции и переводе Эбелингом и Давидом³. С юридической стороны частно-правовые документы этого времени подверглись подробнейшему анализу в работе Koschaker'a, *Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit*⁴. В той мере, в какой Кошакер в этой работе касается социальных вопросов, он, однако, не идет далее предположения о существовании феодальной системы в средне-ассирийскую эпоху⁵—конечно, в буржуазном понимании этого слова, т. е. как строя, в котором существуют отношения вассалитета.

Деловые и хозяйственные документы ново-ассирийского времени, в своем большинстве происходящие из Куянджикского архива, хранящегося в Британском музее, изданы в автографии, изложении и с комментариями, в основном, Джонсом в его „*Assyrian Deeds and Documents*“⁶, а в транскрипции и переводе собраны в книге J. Kohler'a и A. Ungnad'a, *Assyrische Rechtsurkunden*⁷. Несмотря на то, что филологически издание Колера—Унгнада стоит значительно выше работы Джонса, с точки зрения толкования и обработки документов краткое юридическое резюме Колера дает очень мало. Гораздо больше дают комментарии Джонса. Несмотря на устарелость в отдельных частях, на чрезвычайную несистематичность и загроможденность ненужным материалом (как, например, детальнейшим анализом первых попыток чтения ассирийских документов Оппертом и другими пионерами ассириологии) трехтомные комментарии Джонса содержат множество разбросанных, но основательных наблюдений—результат более чем двадцатилетней работы над источниками, — являющихся и поныне очень важным материалом для изучения ново-ассирийского общества. Каких-либо обобщений, однако, у Джонса нет.

Книга Джонса „*Assyrian Deeds and Documents*“ и другая его работа „*An Assyrian Doomsday-Book*“⁸, где издан ассирийский реестр земель и населения Харранской провинции, остаются до

¹ G. R. Driver and John C. Miles, *The Assyrian Laws*, Oxford, 1935. Там же полная библиография.

² Otto Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts*, WVD OG 35, L. 1920; Erich Ebeling, *Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts*, WVD OG, 50, L. 1927.

³ M. David und E. Ebeling. *Assyrische Rechtsurkunden*, *Zeitschr. f. vergl. Rechtswissenschaft*, XXIV, Stuttgart, 1929; E. Ebeling, *Urkunden des Archivs von Assur aus mittelassyrischer Zeit*, L. 1933.

⁴ В „*Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der sächs. Akademie der Wissenschaften*“, L. 1928.

⁵ P. Koschaker, *ук. соч.*, стр. 44—45.

⁶ C. H. W. Johns, *Assyrian Deeds and Documents Recording the Transfer of Property etc. chiefly of the Fth Cent. B. C.*, I—IV, 1898—1922.

⁷ Leipzig, 1913.

⁸ C. H. W. Johns, *An Assyrian Doomsday-Book or Liber Censualis*. *Assyriologische Bibliothek*, L. 1901.

сих пэр основой для изучения ново-ассирийского общества, тем более, что первая из этих книг содержит множество документов, изданных только в автографии, которые нигде и никем более не обрабатывались и незаслуженно не пользовались вниманием.

Хуже, чем с юридическими документами, обстоит дело с использованием писем. По старо-ассирийским письмам не имеется сводных и достаточно современных работ—если не считать упоминавшегося краткого очерка Ландсбергера. Поэтому я отказался от использования этого трудного и мало разработанного материала в настоящей работе. Небольшое количество средне-ассирийских писем издано Шрёдером и Эбелингом¹, но они ничего не дают для темы нашей работы. Богатый архив ново-ассирийских писем, изданный в клинописном тексте Харпером², а в транскрипции и переводе,—не считая частичных тематических изданий³,— Уотермэном⁴, не может считаться достаточно обработанным с точки зрения современных требований науки. В частности, переводы Уотермэна совершенно недостаточно учитывают достижения таких исследователей, как Джонс, Унгнад и Ильвисакер в области поздне-ассирийской лексики и грамматики, и являются крайне ненадежными⁵. Для того же, чтобы давать вполне точные и достоверные переводы этих писем, потребовалось бы заново основательно переработать весь этот огромный материал. Все же, хотя и в ограниченном масштабе, я счел возможным привлекать данные ново-ассирийских писем.

Для исторических надписей основной сводкой является книга Luckenbill'a, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, Vol. I-II, 1927, содержащая переводы (впрочем не всегда вполне точные, в особенности в отношении технических терминов) всех известных надписей, и полную библиографию всех изданий автографий, транскрипций и переводов⁶. Эти издания слишком многочисленны, чтобы их перечислять здесь. Лишь немногие из исторических надписей дают материал для темы настоящей работы.

Различным сторонам ново-ассирийского общества было посвящено множество отдельных работ, однако, все эти работы—основанные на письмах и исторических надписях—касаются главным образом системы государственного управления, и мало или

¹ E. Ebeling, UAA, автографии в KAV.

² R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, vol. I—XII, 1892 и сл.

³ Напр. E. Klauber, *Keilschriftbriefe*, Der A. O. 1910; H. H. Figulla, *Der Briefwechsel Bêl-ibnis*, 1912; E. Behrens, *Ass.-bab. Briefe kultischen Inhalts*, 1906. и др.

⁴ L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, Vol. I—IV, Ann. Arbor, 1930—36.

⁵ Ср., например, его беспомощный перевод юридического документа, NABL 609, с переводами аналогичных документов в гораздо более ранней работе Колера и Унгнада и даже Джонса.

⁶ Поскольку книга Лукенбилля содержит библиографию исторических надписей, я буду в настоящей работе преимущественно ссылаться, имея в виду удобство читателя, незнакомого с клинописью, на эту книгу, хотя она и содержит только переводы.

почти ничего не дают для нашей темы. Таково же положение и с общими историями Ассирии, например S. Smith, *Early History of Assyria*, A. T. E. Olmstead, *History of Assyria*, и с общими работами по истории Древнего Востока.

Таким образом, реконструировать историю земельных отношений в Ассирии приходится, преимущественно, опираясь на собственный разбор первоисточников, причем далеко не всегда имеется возможность опереться на предыдущие исследования.

Первой проблемой моей работы я считал, естественно, исследование классовых отношений, существовавших в сельскохозяйственном производстве.

В работе, посвященной земельным отношениям в древне-восточном обществе, должны были, в частности, явиться предметом исследования разнообразные формы общины и различные формы землевладения, складывающиеся на общинной основе.

Маркс учит, что членство в общине, как естественно сложившемся коллективе, является „предпосылкой для присвоения земель“¹ равно и в восточной и в западной древности. „Изолированный индивид так же мало мог бы иметь собственность на землю, как и говорить“². При этом Маркс различает несколько основных форм общины. Форма общины, в которой „каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее“³—та форма, которую Маркс условно называет „восточной“ или „азиатской“—есть типичная для Древнего Востока, но не является единственной и неперменной формой общины, исключительно и монополюс существующей к востоку от некоего воображаемого меридиана. Так и еврейское общество Маркс в некоторых отношениях ставит на одну доску с Грецией и Римом⁴.

Устойчивость общины на Востоке в противоположность Западу зависит от неизбежности применения коллективных видов труда в ирригационном хозяйстве, определяется, следовательно, местными природными условиями и является поэтому фактором, лишь модифицирующим производственные отношения, но не создающим их. Характер этой модификации чрезвычайно существен при анализе древне-восточного общества. В разные периоды истории возможны различные формы землевладения на общинной основе, как и разные формы существования самой общины.

Этим очерчивается тот круг задач, которые надлежит, в меру наличия материала, попытаться разрешить в настоящей работе для одного из обществ Древнего Востока. При этом я попытаюсь дать картину качественного исторического развития этого

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Политиздат, 1940, стр. 9.

² Ук. соч., стр. 17.

³ Ук. соч., стр. 11, прим.*.

⁴ Ук. соч., стр. 10.

общества, полагая, что одной из важнейших ошибок большинства исследователей до сих пор являлось то, что они видели в истории Древнего Востока фактически лишь количественное, а не качественное развитие.

Само собой разумеется, что это является лишь первой попыткой исторического изложения одной из сторон социально-экономического строя данного древне-восточного общества, и результаты могут быть только предварительными и приблизительными.

Необходимо сказать несколько слов об объекте настоящей работы. Таковым является ассирийское общество, а не ассирийская „нация“, народность или этнос. В древности связующим моментом является община или единство общинных коллективов; язык же, происхождение и раса членов имеют мало значения. Понятия „ассириец“, „вавилонянин“, „египтянин“ и т. п. на Древнем Востоке всегда означают государственную или общинную принадлежность, а не языковую, антропологическую или этнографическую. Существовавшие языковые и этнические особенности не были, как правило, социальным фактором, коль скоро распалось племенное объединение, и государственная или общинная принадлежность ощущалась гораздо более, нежели языковая. В Вавилонии мы видим мирно сосуществующих в пределах одних и тех же государств и одних и тех же общин людей семитского и шумерского языка¹; точно также в Ассирии на всех этапах ее истории мы видим сосуществование различных языковых и этнических групп, но всякие попытки связать эти этнические группы с определенными социальными слоями являются тщетными.

Совершенно смехотворной является фашистская попытка превратить ассирийцев из семитов (какими они являются по языку) в субарейцев, а субарейцев—в „арийцев“ по расе, и делать отсюда далеко идущие выводы об изначальной якобы „государствотворческой“ способности „арийцев“. Всюду, где в настоящей работе будет говориться об ассирийцах, субарейцах, шумерах, вавилонянах, индо-иранцах, семитах и т. п., будет всегда иметься в виду либо государственная принадлежность, либо язык, и ничего более.

Естественным результатом такого подхода к объекту исследования является различный объем исследуемого объекта в различных частях работы. Если в первой главе разбираются земельные отношения в городе Ашшуре и его колониях, то во второй—разбираются эти отношения в собственно Ассирии на среднем течении Тигра, а в третьей—в великой ассирийской державе во всем ее объеме. Это является вполне закономерным, ибо нельзя понять общества Ассирии, не поняв городской общины, из которой она выросла, и нельзя понять общества великой ассирийской державы, не поняв более раннего общества, которое ее создало.

¹ T. Jacobsen, JAOS, 1939, 4, p. 485 сл.

Тема настоящей работы выросла из небольшого доклада о ново-ассирийских социальных отношениях, читанного мной в студенческие годы в Ленинградском Государственном университете и в Государственном Эрмитаже. Для выяснения ряда вопросов пришлось в дальнейшем заняться также и предшествующими периодами истории Ассирии, в особенности в связи с писавшимися мною для „Всемирной истории“ Академии Наук СССР главами по ассирийской истории. В ходе моей тогдашней работы неоценимую помощь мне оказывал мой покойный учитель проф. А. П. Рифтин, предоставлявший мне свою богатую словарную картотеку и повседневно помогавший советами и указаниями. В частности, я обязан ему введением меня в понимание трудных каппадокийских текстов. Особенно благодарен я А. П. за полученную мной основательную лингвистическую подготовку, которая позволила мне разрешать вопросы толкования клинописных памятников.

Говоря о моих университетских учителях, я не могу не упомянуть о безвременно ушедших А. Я. Борисове, И. Г. Франк-Каменицеком и Н. В. Юшманове. Они ввели меня в семитскую филологию, знание которой на каждом шагу оказывалось для меня столь существенным. Я чрезвычайно много обязан также коллективу Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Наконец, должен отметить, что замечания, сделанные мне в связи с моими первыми докладами на эту тему, а в особенности чрезвычайно ценные замечания акад. В. В. Струве на настоящую работу, сделанные им в качестве официального оппонента при защите ее как диссертации, были мною с благодарностью учтены. За поддержку высказанных в настоящей работе мыслей я чрезвычайно признателен также моему второму оппоненту, проф. Н. Д. Флиттнер. За ценные юридические указания я должен сердечно поблагодарить проф. Я. М. Магазинера.

По техническим причинам в настоящей работе пришлось упростить общепринятую ассириологическую транслитерацию и транскрипцию¹ и значительно сократить число приводимых на языке оригинала текстов.

¹ Долгий гласный обозначается двоеточием, звук „ш“—русским „ш“, эмфатические s, k и t—знаками ц, q и т; язычковое h—русским х. Прописными буквами обозначены идеограммы, когда их чтение неизвестно или не приводится, мелким шрифтом над строкой обозначены детерминативы и фонетические дополнения. Омофонические знаки различаются цифровыми показателями по системе Туро-Данжэна—Даймеля. Шумерские и аккадские слова шрифтом не различаются.

Формы терминов в I главе—старо-ассирийские, во II—средне-ассирийские, в III—преимущественно приведенные к нормам литературного ново-аккадского. Отсюда видимость некоторого расхождения в терминах.

Г л а в а I

ОЧЕРК ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТАРО-АССИРИЙСКОГО ПЕРИОДА

I

Очень рано между различными областями Передней Азии установилось известное разделение труда; в III тысячелетии до н. э. мы уже видим, что существуют области, производящие почти исключительно сельскохозяйственные продукты (Вавилония, Элам), области, производящие преимущественно металлы (Тавр, Армянское нагорье), области, поставляющие лес и камень (окраины Иранского плато, Северная Сирия) и, наконец, области, для экономического значения которых играл большую роль факт прохождения через них коммуникаций между всеми этими областями; такие области являлись промежуточными инстанциями в происходившем между различными экономическими районами Передней Азии обмене.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что Вавилония, являвшаяся в течение многих столетий экономически и культурно ведущей областью Передней Азии, не могла существовать без импорта металлов и строительных материалов и что поэтому обмен между экономическими районами уже в очень ранний период являлся жизненной необходимостью для Передней Азии.

Поэтому, разбирая экономику какой-либо одной страны Древнего Востока—как в данном случае Ассирии,—мы должны совершенно ясно дать себе отчет в той роли, которую данная страна играла в экономике Передней Азии в целом.

Ассирией в узком смысле в древности называлась область, расположенная в средней части долины реки Тигра. Северная граница Ассирии проходила несколько ниже того места, где река Тигр, текшая до тех пор с запада на восток между Армянским Тавром и грядой Тур-Абдин, поворачивает к юго-востоку, отделяя холмистую, все более сглаживающуюся к югу и превращающуюся в равнинную степь Месопотамию, от гористой страны, лежащей на востоке. В пределах Ассирии Тигр принимает с востока два крупных притока—Большой и Малый Заб. Южной границей Ассирии является место слияния рек Малого Заба и Тигра. С северо-востока Ассирию замыкают отроги гор Загроса,

с юго-востока—Малый Заб, с запада — степь. Имея в тылу горы, Ассирия обращена к степям Месопотамии, доходящим до Тигра: С юга к Ассирии примыкают: западнее Тигра — северная часть Аккада (Вавилонии), восточнее его — долины рек Адема и Диялы, место скрещения путей, ведущих из Ирана и Элама в Аккад и Северную Месопотамию, так как долины этих рек являются наиболее удобными проходами в горах, окаймляющих Иранское плато.

Другой важнейший путь для экономических связей Вавилонии проходит через самую Ассирию. Это — наиболее удобный путь, связывающий Элам и Аккад с Сирией, а далее с Палестиной и Египтом. Он идет вверх по Тигру, а затем через культурные и населенные части Северной Месопотамии (верховья рек Хабура и Балиха, текущих с севера к Евфрату) к переправам в районе большой дуги Евфрата, отделяющей Месопотамию от Сирии. Имелся, правда, и другой путь из Вавилонии в Сирию — западный — по Евфрату, но он имел тот недостаток, что был подвержен нападениям кочевников, занимавших степи по обе стороны реки¹. Этот путь, впрочем, также проходил не далее, чем в 200 км от пределов Ассирии.

Наконец, еще один важный торговый путь, а именно идущий по Тигру из Малой Азии и Армении, также проходил через Ассирию, и в ее пределах соединялся с восточным путем из Вавилонии в Сирию. Таким образом, медь, серебро, лес, шедшие из северной Сирии, Малой Азии и Армении в Вавилонию, золото, шедшее из Египта (а может быть и из Закавказья и Индии), целый ряд продуктов Ирана, а косвенным образом Средней Азии и Индии, продукты сельского хозяйства и ремесла Вавилонии и Элама, шедшие в обмен на сирийские, малоазийские и другие товары, — все это текло по путям, либо прямо проходившим через Ассирию, либо лежавшим с нею в непосредственном соседстве.

Это чрезвычайно важное обстоятельство определило специфику развития древней ассирийской экономики. С самого начала возникновения широкого обмена между экономическими районами Передней Азии — а он возник чрезвычайно рано, прежде всего в связи с развитием земледелия в Вавилонии, лишенной металлов и годного для строительства и ремесла леса, — Ассирии приходилось играть роль передаточного пункта, промежуточной инстанции в торговле между этими различными экономическими районами. И та особая роль, которую Ассирии пришлось сыграть в истории, была обусловлена именно ее благоприятным положением на торговых путях и тем особым местом, которое Ассирия занимала вследствие этого в экономике Передней Азии в целом. Поэтому для понимания истории Ассирии, более, чем какой-либо иной

¹ Третий путь, прямо через Сирийскую пустыню, был обычно непригоден для регулярных сношений по причине той же опасности кочевников и трудности снабжения караванов водой, в особенности в условиях отсутствия верблюда, как транспортного животного.

страны, по существу недостаточно анализа ее внутренней социальной жизни; но самую эту социальную жизнь необходимо рассматривать в общем контексте экономики всего древнего Востока. Мы будем в связи с этим неоднократно вынуждены обращаться к вопросу о внешнеполитическом положении Ассирии на различных этапах ее истории.

Сама Ассирия в экономико-географическом отношении разделяется на два района: первый — земледельческий, расположен вдоль реки Тигра, чьи воды, наряду с колодцами, используются для искусственного орошения¹. Однако природные условия здесь таковы, что не позволяют Ассирии даже отдаленно сравниться по плодородию с аллювиальными низовьями Тигра и Евфрата. Второй район расположен на предгорьях Загроса и в долинах Большого и Малого Заба. Частично это также район земледелия (с использованием дождевых вод), но главным образом — являющего скотоводства, где скот летом выгоняется на горные луга. Зимой в Ассирии может выпадать снег, а летом солнце выжигает травяной покров. Природа здесь не мягче и не суровее множества сходных областей Передней Азии — в этом смысле географическая среда не могла влиять ускоряющим образом на ход развития ассирийского общества по сравнению с развитием соседних обществ.

Из земледельческих продуктов Ассирия производила обычные для всей Месопотамии сорта злаков — в первую очередь ячмень и эммер, а также мало распространенный в Вавилонии виноград. Северная граница распространения финиковой пальмы проходит южнее Ассирии².

II

Имеющиеся памятники как археологические, так и письменные, совершенно недостаточны для суждения о конкретных условиях формирования классового общества в Ассирии. Предполагается лишь, что древнейшим населением Ассирии были, по всей вероятности, хуррийцы (субарейцы)³, создавшие на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. ряд укрепленных общинных поселений, подобных существовавшим в Южном Двуречье⁴. Однако очень рано здесь

¹ Географическую характеристику Ассирии см. у Blanchard, *Asie occidentale*, в VIII томе *Géographie Universelle* под ред. P. Vidal de la Blanche et L. Gallois, 1929. Климатические данные для Ашшура у W. Andrae, *Das wiedererstandene Assur*, S. 197—204.

² В настоящее время северная граница распространения финиковой пальмы проходит севернее Текрита, посредине между Багдадом и Мосулом.

³ В. В. Струве, *История древнего Востока*, 1941, стр. 239; S. Smith, *Early History of Assyria*, 1928, p. 73.

⁴ V. Christian, *Alttertumskunde des Zweistromlandes*, Bd. I, S. 127 сл.

появляются выходцы из Шумера и Аккада¹, что, несомненно, связано с той нуждой в сырье, которую Южное Двуречье испытывало во все периоды. По документам из Южного Двуречья² мы знаем, что для приобретения камня, леса, металла, а также и рабов, общины Шумера и Аккада высылали в длительные путешествия своих торговых агентов— „тамкаров“. Повидимому, с целью обеспечения безопасности и бесперебойности обмена оказалось необходимым на основных торговых путях организовать целую сеть постоянных факторий и колоний, сыгравшую большую роль для шумеризации (а впоследствии вавилонизации) культуры Передней Азии. Как такие опорные пункты—и притом важнейшие из них—мы можем рассматривать на Евфрате—Мари, на Тигре—Ашшур³. Последний (ныне Кала'ат Шеркат) стоял на правом берегу реки Тигра, несколько выше впадения Малого Заба. Именно Ашшур и явился ядром будущего ассирийского государства.

Обстоятельства возникновения и сложения государства в Ашшуре, как уже упоминалось, нам неизвестны, и в настоящей работе мы вынуждены отказаться от изложения социально-экономического генезиса ассирийского общества. Мы знаем лишь, что в тот период, который освещен памятниками, данный пункт имел крупное значение в торговле Передней Азии, и это определило его развитие, как государства; сама же торговля была вызвана к жизни нуждами сельскохозяйственного и ремесленного производства древне-восточного общества в целом.

Первые, может быть легендарные, известные нам имена правителей Ашшура—повидимому хуррийские: это Кикиа, строитель городских стен, и Аушпиа, строитель храма бога Ашшура⁴. Но издавна имевшийся среди населения Ашшура сильный семитский-аккадский элемент очень рано возобладал над прочими (шумерским, хуррийским). Уже наместник шумерской III династии Ура

¹ Шумерский характер культуры Ашшура середины III тысячелетия до н. э. несомненен, ср. W. Andrae, *Das wiedererstandene Assur*, S. 77—78. Первоначально городским богом Ашшура был шумерский Энлиль. Древнейшие (до-аккадские) ашшурские памятники (храм Иштар в слое „Н“ и „G“) несут ряд черт сходства с памятниками Аккада, так, напр., с Мари, Хафалже, Эшнунной и др. (W. Andrae, там же), в особенности с Мари, но также с шумерским югом. Древнейшая (неопубликованная) надпись из Ашшура составлена по-шумерски, ср. E. Fother, *RLA I*, 3, S. 230. Старейшие дошедшие до нас документы не дают, однако, собственных имен шумерского происхождения. Язык их (за исключением упомянутой шумерской надписи) близок к той форме аккадского языка, которая была распространена при Саргоне Древнем.

² Ср., напр., привоз материалов для строительства Гудеи и документы № 293, 310, 313 у М. В. Никольского, *Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи*. Вполне аналогичные документы имеются из Гасура близ совр. Керкука.

³ Иная точка зрения у S. Smith, *Early History of Assyria*, p. 105 сл.

⁴ Аушпиа и Кикиа упоминаются Ашшурримнишешу (IAK I, S. 34—35), Салманасаром I (IAK I, S. 120—121) и Салманасаром III (IAK I, S. 363). Судя по их месту в перечислении царей, они жили до Илушумы.

в Ашшуре пользуется аккадским языком для своей надписи, и в дальнейшем в Ашшуре в официальных надписях и документах пользовались исключительно аккадским языком и клинописью, приспособленной к аккадскому языку. Семитское-аккадское население Ашшура шло при этом в своем развитии самостоятельными, независимыми от Южного Двуречья путями, что видно из того, что здесь выработался особый диалект и особая система клинописи, возможно, выведенная непосредственно из шумерской, независимо от произведенного в Южном Двуречьи приспособления последней к аккадскому языку¹. Лишь позже² и в Ассирии была принята вавилонская система клинописи, имевшая, впрочем, опять-таки свое особое развитие на ассирийской почве. Старейшая опубликованная историческая надпись из Ашшура, представляющая собой посвящение богине Иштар от некоего Итити, сына Якулабы³, сообщает пч-аккадски о завоевании города Гасур. Область Гасура (позднее Нузу)⁴—около современного Керкука в долине реки Адема—отделена от Ашшура Малым Забом и имеет большое значение, как место, где проходят пути в Аккад, Иран и Элам. Завоевание этой области было постоянной целью ассирийцев. Надпись Итити датируется второй половиной III тысячелетия до н. э.

Новейшие предвоенные раскопки в Нузу-Гасуре принесли архив таблечек, содержащий деловые документы середины III тысячелетия. Надо думать, что это—архив аккадской колонии⁵.

Продолжая начатое Аккадом освоение торговых путей, Ашшур основывает целый ряд подсобных факторий и колоний, из которых наиболее известными нам являются важные торговые поселения в Малой Азии. Создание этих колоний, несомненно, прямо или косвенно связано с завоеваниями, производившимися в течение второй половины III тысячелетия династией Аккада⁶

¹ Так, в Южном Двуречье для слогов la, sa, ши, di использовались знаки LA, SA, ШU, DI, а в Ассирии—знаки LA₂(L), ZA, SU, TI; иначе применялись некоторые идеограммы. Совсем иначе развивался курсив.

² Начиная с Шамши-Адада I (ок. 1800 г. до н. э.).

³ IAK I, S. 2—3=KAN II, 1.

⁴ После отдельных случайных находок таблечек местными жителями, Нузу—Гасур был открыт раскопками American School of Oriental Research и Иракского музея в Иордан-тепе близ Керкука.

⁵ Против предположения, что это ашшурская фактория, говорит тот факт, что в документах из Гасура (в отличие от документов из Кюль-тепе) город Ашшур называется „Ашшур“, а не просто „город“ *rag excellence*, а также характер языка и письменности.

⁶ Если даже оставить в стороне поход Саргона Древнего в Малую Азию, засвидетельствованный элической поэмой „Царь битвы“ (Weidner, *Sargons Zug nach Kleinasien*, BoSt, 6), все же достоверно известно, что царство Нарамсина, его внука, простиралось до Армянского Тавра (стела близ Майафарикана) и северной Сирии (дворец в Телль-Ачана). Сын Саргона Маништусу строил в Ниневии (AAA XIX, S. 59, 62, 73, 105, 106).

и III династией Ура. Обе эти державы включали также и Ашшур¹, и, объединяя большие территории в Месопотамии, в предгорьях Загроса и даже в северной Сирии, создавали для освоения торговых путей очень благоприятные условия. Следует при этом отметить, что, вопреки довольно распространенному мнению², в этот период еще не возникало сколько-нибудь крупного государственного объединения вне Южного Двуречья, в которое бы входил или даже центром которого являлся бы Ашшур. Напротив, из текстов III династии Ура³ видно, что Ашшур (он же Шашшурум), Гасур, Симурум, Арбела (вероятно мы можем прибавить и Ниневию) — впоследствии ассирийские города — в этот период все были независимыми государствами.

После III династии Ура торговые города, подобные Ашшуру или Мари, осознали не только удобство единой государственной власти на всех основных торговых путях, но и необходимость создания мощной военной силы для захвата и удержания этих путей в своих руках. Неизбежна была острая борьба за обладание путями, так как должно было быть ясным, что держатель путей снабжения Южного Двуречья явится хозяином этой экономически ведущей области.

Направляющей силой в разрушении владычества Ура являлся, вероятно, город Мари на Евфрате, и при Уре более или менее сохранявший свою независимость; непосредственное же падение державы Ура было результатом совместных усилий горцев — эламитов и кочевых семитских племен, так называемых „амореев“, родственных евреям⁴. Эти племена появились во второй половине III тысячелетия до н. э. на среднем Евфрате, но вскоре проникли в Месопотамию и даже за реку Тигр. Появление кочевников — „амореев“ — еще усложнило положение и обострило борьбу между различными коалициями городов, племен и государств.

¹ Надпись наместника Зарикума из Ашшура (IAK I, S. 2—3=KAN II, 2); в текстах III династии Ура Ашшур, повидимому, называется Шашшурум или Шашшурум (=a:lum ша Ашшигум; Nominativ, поскольку имена божеств чаще всего не склоняются) или Ашшурум. Царями III династии Ура были также завоеваны соседние города: Симурум, Гасур и Урбиллум (=Арбела? Поздняя форма „Arba'ilu“ есть народная этимология).

² Такова точка зрения Юлиуса Леви (OLZ XXVI, S. 533—44) и Форрера, в противоположность Ландсбергеру, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien, Der A. O. 24, 4, 3, 5, и Смигу, Early History of Assyria, p. 147 след., который, однако, колеблется признать Канес и пр. ассирийскими колониями; скептицизм Смита можно сейчас считать чрезмерным. Помимо приведенных у Ландсбергера доводов следует отметить, что в Канесе и других колониях не было постоянных храмов; это доказывает, что эти колонии находились на чужой территории. Культ главного божества державы обязательно вводился в центрах завоеванных провинций и был признаком включения их в одно государство.

³ См. RLA s. v. Datenlisten.

⁴ См. о них мою статью „Аморей“, ВДИ, № 4(9), 1939.

„Аморейский“ этнический элемент заметен и в именах из Ашшура¹. Таким образом, население Ашшура этнически оказывается очень пестрым.

Как и следовало ожидать, в этот период Мари и Ашшур являются двумя ведущими и соперничающими центрами Месопотамии, и вступают на путь завоеваний. Так, ашшурский правитель Илушума—современник предка Хаммурапи Сумуабума—на некоторое время овладел рядом важных районов на нижнем Тигре и в Южном Двуречье². Современник самого Хаммурапи, ашшурский правитель Шамши-Адад I (ок. 1800 г. до н. э.) покорил всю Месопотамию между Тигром и Евфратом, достигал Средиземного моря, осуществлял господство над Мари и оспаривал у Вавилона господство над северным Аккадом³. Он принял также впервые титул „царя множеств“ (или „царя вселенной“). В дальнейшем, однако, Ашшур, как и его соседи, был вынужден подчиниться Хаммурапи.

Завоевание более отдаленных областей Илушумой и Шамши-Ададом носило временный и скоропреходящий характер. Но область, непосредственно примыкающая к Ашшуру, от города Ниневии, лежавшего на левом берегу р. Тигра выше впадения Большого Заба, до города Экаллате к югу от впадения Малого Заба, была к концу рассматриваемого периода уже прочно подчинена Ашшуру⁴. Она составила в дальнейшем то, что мы и называем „собственно-Ассирией“.

Кроме областей, соседивших с Ашшуром и покоренных им, от него зависели, как уже упоминалось, также колонии и фактории в ряде северных областей, в частности в Малой Азии. Важнейшей и наиболее известной нам была колония при „протохеттском“ городе Канес (совр. Кюль-тепе близ г. Кайсарие), затем Бурушханда, Дурхумит, Вахшушана, Залпа и целый ряд более мелких. Документы, дошедшие до нас только из Кюль-тепе, но происходящие не только из Канеса, но и из ряда других колоний и из самого Ашшура, охватывают три поколения и относятся, повидимому, ко времени посредине между царствованиями Илушумы и Шамши-Адада I⁵, т. е. около 1900 г. до н. э.

¹ Таково имя отца царя Шамши-Адада I [la:(h)-kabkabu — написания l-lal-kab-ka-bu (ошибочно l-gur-kab-ka-bu), lu-kabl-ka-bi (ошибочно dEN-ka-bi) и др.—и, возможно, самого Шамши-Адада I (ср. написание Sa-am-si-^dAdad, IAK I, S. 26—27=IR 6, KAN II, 16, RA XXXI, p. 144—191 и др.). В документах из Кюль-тепе часто встречаются аморейские элементы в именах. См. J. Lewy, Zur Amoriterfrage, ZA NF IV, 4, S. 232 сл.

² IAK I, S. 6—9 = KAN II, 4; L. W. King, Chronicles concerning early Babylonian Kings, p. 3 сл., p. 133 сл.

³ IAK I, S. 22 след.; см. также F. Thureau-Dangin, Iasmah-Adad, RA, XXXIV, 3, p. 138.

⁴ F. Thureau-Dangin, ук. соч. стр. 136.

⁵ На одной из таблеток сохранилась печать Шаррукена I, правившего вскоре после Илушумы. Содержание этой таблетки позволяет предполагать, что Шаррукен жил в момент ее составления. Напротив, печать с именем царя III династии Ура Иби-Сина, также оттиснутая на одной из каппадокийских таблеток, повидимому, представляет пример вторичного использования печати.

Из колоний вне Малой Азии известна Уршу, находившаяся на северо-западе Месопотамии¹; кроме того, существовал ряд промежуточных укреплений между Малой Азией и Ассирией.²

В Малую Азию корпорации ашшурских купцов (о которых ниже) везли на ослах караванами продукты ремесла Южного Двуречья и самой Ассирии, в особенности ткани, а вывозили главным образом серебро, свинец, медь, а также шерсть и кожу³. Свинец в этот период, наряду с серебром, играл в Ашшуре и его факториях роль средства обращения.

Чрезвычайно важно учитывать, что торговля эта лишь в небольшой мере была рассчитана на нужды самой Ассирии, в основном же была для Ассирии транзитной.

В условиях Древнего Востока вполне естественно, что эта торговля на путях, проходивших через земли десятков племен и общин, была делом в высшей степени опасным и неверным. Поэтому мы вправе считать, что именно в интересах обеспечения торговли и велись Ашшуром первые завоевательные войны. Держава Шамши-Адада I была первой попыткой создать мощное ассирийское государственное объединение, и более того: это была первая крупная переднеазиатская держава с центром, расположенным вне Южного Двуречья⁴. То, что именно из Ассирии исходило это объединение, объясняется двумя факторами: во-первых, экономическим могуществом Ашшура, в свою очередь объясняющимся благоприятным его положением как торгово-передаточного центра; во-вторых, благоприятным географическим положением Ашшура вблизи от всех важнейших магистралей Передней Азии, что позволяло ему захватывать стратегически и экономически более важные районы, чем могло бы захватить с той же затратой сил какое-либо другое соседнее государство. В истории Ассирии эти факторы действовали постоянно. С каждым же завоеванием Ассирия получала все новые преимущества и для дальнейшего экономического и военного развития.

Но в данном случае Ассирия не смогла использовать этих преимуществ, так как прежде чем она успела закрепить за собой свои завоевания (поскольку объединение пока что, конечно, было весьма рыхлым и включало множество полусамостоятельных

¹ Совр. Урфа (Эдесса)—см. A. Goetze, *Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography*, стр. 41-43.—Ранее отождествлялась с совр. Арсуз, у залива Александретта, S. Smith, Сборник в честь R. Dussaud, 1939, стр. 27 сл.

² Landsberger, *Assyrische Handelskolonien*, S. 8, 26; Delaporte, *Les Hittites*, p. 49.

³ Landsberger, стр. 21 — 26; Delaporte, стр. 51; см. также ряд текстов в AARUK.

⁴ Постулируемое Форрером на основании позднего итинерария более раннее царство Шаррукена I (RLA, I, 3, § 16 ff) принадлежит, несомненно, к области фантазии: Шаррукен, о котором идет речь в этом документе—Саргон Аккадский, а география—середины II тысячелетия до н. э.

районов), ей пришлось встретиться с еще более мощным государством — с Вавилонией царя Хаммурапи. Крушение же государства Хаммурапи не сопровождалось новым подъемом Ассирии. Гегемония в северной Месопотамии в первой половине II тысячелетия до н. э. перешла к новому государству — Митанни, сложившемуся в северной Месопотамии и у узла дорог, проходящих через северную Сирию и дугу реки Евфрата.

III

От древнейших времен и вплоть до воссоздания ассирийской державы в середине II тысячелетия до н. э. Ашшурбаллитом I, ассирийское государство носит название a:lum Ашшиг, что обычно переводится как „город Ашшур“. Этот перевод не вполне точен, так как значение слова a:lu(m) выходит за пределы понятия „город“. Так, в среднеассирийский период у нас имеется множество примеров (о которых смотри ниже, стр. 44 и сл.), из которых видно, что a:lu(m) означает м. пр. „сельское поселение“, „сельская община“.

Термин 'a:lum имеет общесемитские связи. Обычно его сопоставляют с арабским 'ahl(un) — „фамилия“, „люди“, „народ“, в разговорном языке иногда „жилище“, — с южно-арабским 'hl „род“, еврейским 'ohäl < 'uhl „шатер“, сирийским jahla: „кочевое племя“.

Повидимому, это одно из древних общесемитских названий рода и, в частности, места обитания рода.² В результате вполне естественного развития, в классовом обществе древней Ассирии и Вавилонии обозначение a:lum переносится с „родовой общины“ на „сельскую (соседскую) общину“ и уже затем на всякое „поселение“³ и, наконец, на „город“.

„A:lum Ашшиг^{ki}“, городская община-государство Ашшур, управлялся верховным органом, носившим также название „a:lum“, то есть „община“⁴. Так же точно и всякая колония Ашшура, „ka:gum“, управлялась верховным органом, носившим название

¹ Ашшурбаллит I еще не называет себя в официальных надписях „царем Ассирии“ (шаг ma:t Ашшиг) — эта титулатура появляется лишь в правление его внука Арикденилу (IAK I S. 48 — 49 = KAN II, 29); однако в документах и неофициальных надписях титул „царь“ засвидетельствован, начиная с отца Ашшурбаллита, Эреба-Адада I (KAJ 160). Ранее этого царский титул носит Шамши-Адад I (IAK I, S. 22 — 23 след.), но это титул „царя вселенной“ (шаг kiššatim), наряду с этим он остается ишшак^d Ашшиг (IAK I, S. 26 — 27, №№ 3, 4, 5 = KAN II, 16 и др.).

² Аналогично в древне-египетском whj:t „племя“ и „место обитания племени“, М. Э. Матье, Термины родства в древнем Египте, Уч. Записки ЛГУ, Серия исторических наук, вып. 9, стр. 27 — 28.

³ Таково словоупотребление еще в ново-ассирийскую эпоху, о чем подробнее ниже, стр. 118. В поздний период термин „a:lu“ в значении „большого торгового города“ вытесняется термином „таха:зи“, ср. араб. тахо:за: — Fr. Delitzsch, HWB. s. v.

⁴ В. Landsberger, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien, Der A. O. 24, 4, 5, 8 сл. В текстах из Кюль-тепе passim.

„ka:rim“, или полностью „ka:rim N цахег rabi“, т. е. „такая-то колония от мала до велика“. В колониях фактическая власть в этом органе принадлежала знати, так называемым „великим людям“ (awe:lu rabi'u:rim)¹. В отличие от колоний, относительно верховного органа метрополии выражение „цахег rabi“ — „от мала до велика“ в дошедших до нас документах не применяется; может быть, этот орган состоял уже из одних только „великих людей“, а народ в целом от участия в собраниях был устранен². Таким образом, это был, по всей вероятности, род совета старейшин или сената. Совет этот был, однако, довольно многочисленным, и одновременно действовала обычно только „пятая часть“ (хамуштум)³, в связи с чем и год разделялся на пять частей по времени действия каждой „хамуштум“. Каждый год носил имя архонта-эпонима „лимму“ (li:rim) — вероятно, одного из членов совета старейшин, менявшегося ежегодно⁴. По этим „лимму“ велась датировка. Повидимому, тот же „лимму“⁵ стоял во главе казны города, сосредоточенной в доме городского совета“ (bit a:lim)⁶, руководившего деятельностью „тамкаров“ (официальных торговых агентов) и занимавшегося обширными ростовщическими

¹ Ср. следующее место из сохранившегося фрагмента устава „дома колонии“ (bit ka:rim): „...[великие люди] о созыве от мала до велика в собрании своем должны заявить писцу, и писец созовет (всех) от мала до велика; без большинства (?) великих людей отдельный человек по делу о (денежных) расчетах писцу не должен приказывать (ba-lum² a-we-li GAL-u₂-tim nam-e-dim we-dum a-we-lum₂ ша nk-ka-si a-na dur-sar-gim u₂-la₂ i-qa-bi₄-ma) и тот не должен созывать (всех) от мала до велика; если писец без великих людей по требованию отдельного человека (i ri₂-i we-dim) соберет (всех) от мала до велика, то должен отвесить 10 сиклей серебра“, и т. д.

² Впрочем, вероятно, и в „ka:rim“ участие народа в этих собраниях было не особенно активным, выражаясь лишь в криках одобрения и неодобрения или чем-либо подобном, как в гомеровской Греции (Энгельс, МЭ ХVI, стр. 84) и в древнейшем Аккаде (Эпос Гильгамеша, Jastrow and Clay, YOS IV, 3, Col. IV, 37 — 44) и даже у ирокезов (Л. Г. Морган, Древнее общество, Ленинград, 1934, стр. 69 — 70; Ф. Энгельс, МЭ, ХVI, стр. 75). — Неясно, были ли „великие люди“ — члены совета — родовой знатью (что теоретически наиболее вероятно), или просто более состоятельными лицами.

³ AARUK, S. 322 и след. По хамуштум, также как по li:rim, велась датировка.

⁴ В Шуруппаке архонты-эпонимы выбирались по жребиям, выпадавшим на различные округа общины-государства, представителями которых в совете эти архонты, очевидно, и были. Аналогичное положение можно предполагать и в Ашшуре; тем более, что в позднейшее время очередь эпонима прямо и называлась „жребием“ (ri:ru, ARU 128, 437), хотя была уже тогда установлена в строгом порядке иерархии. Li:rim означает „круг“ (в см. „очередь“), но также „род“ = kimtu, II R 29, 74; Это м. б. указывает на то, что члены совета были представителями родов. В Шуруппаке этому термину соответствует bal „правление“. Ср. A. Deimel, LAK, S. 3.

⁵ Ландсбергер (ук. соч., стр. 9) полагает, что речь идет о двух различных должностных лицах, но это кажется мне неполноубедительным.

⁶ Ландсбергер (ук. соч., стр. 8).

и торговыми операциями. Помимо „лимму“ существовал „укуллум“ (ukullum)—лицо, стоявшее во главе судебной и административной деятельности городской общины¹. Должность „укуллум“ обычно, хотя и не всегда, совмещалась с наследственной должностью „ишшаккум“ (аккадская форма шумерского „энси“ или „патеси“)². „Ишшаккум“ носил также титул „наместника бога Энлиля“ (šakin dEnlil)³. Он имел право созывать совет, без которого, по всей вероятности, он не мог принимать важных решений⁴. Характерно, что даже посвятельные надписи, в полном противоречии с обычаем, как Южного Двуречья, так и более поздней Ассирии, „ишшаккум“ посвящал не только от своего имени, но и от имени городского совета старейшин.⁵ По всей вероятности, к собственной сфере ведения „ишшаккума“ принадлежали только религиозные и связанные с ними дела (напр., некоторые виды строительства). Вопросы судебные, экономические, податные и т. д. лежали вне ведения „ишшаккума“, и городской совет сносился с колониями по этим вопросам без его ведома⁶. Неясно, кто ведал военными делами—„ишшаккум“ или „укуллум“ или особое должностное лицо (Итити, оставивший надпись о завоевании Гасура, был „укуллум“),⁷ но поскольку эти должности обычно совмещались в одном лице, то это и несущественно. Первый крупный завоеватель, Шамши-Адад I, принял титул „царя вселенной“ (? или „множеств“—šar kiššatim)—однако еще не „царя Ассирии“.

Таким образом, так называемый правитель Ашшура сравним с греческим басилевсом, а по своему государственному строю Ашшур этого времени приближался к типу олигархической республики. „Ишшаккум“ по объему своей власти мало отличался

¹ Ландсбергер, ук. соч., стр. 9, и ср. ниже, стр. 58. Термин ukullum—из шумер. ugula (идеогр. PA, этимол. ugu + la(l) „поднимающий народ“). В текстах из Шумера—в значении „староста“, „надзиратель“.

² Iššakkuim из ipšakkuim из шум. формы ensake, ensage—закономерная форма слова ensi₂ (идеограмма PA.TE.SI) в родительном + эргативном падеже.

³ Засвидетельствовано, начиная с Шамши-Адада I.

⁴ Надпись Иришума I (IAK I, S. 12-13 = KAN II, 11) и ср. Эпос Гильгамеша, YOS IV, 3, Col. IV 37-V, 1. Судя по тому, что „ишшаккум“ бывал, в свою очередь, „лимму“, он, очевидно, сам был членом совета.

⁵ Надписи Шалимахума, Иришума I и Икунума, а также Пузур-Ашшура IV, Элльильнасира II, Ашшурбелнишешу, Ашшурримнишешу и даже Ашшурбаллита I и его сына Элльильнерари. Формула „за жизнь моего a:lum“ (начиная с Пузур-Ашшура IV—„за благополучие моего a:lum“) не встречается в надписи Итити, в надписях завоевателей Илушумы и Шамши-Адада I, изредка опускается в надписях других правителей, но окончательно исчезает лишь с созданием „царства Ассирии“ (šar gi:it ma:t Aššur) при Арикденилу. См. IAK I под соответственными именами царей.

⁶ В деловых документах и письмах из Кюль-тепе говорится только об „a:lum“, „ишшаккум“ же никогда не упоминается. Представитель Ашшура в колонии называется ga:bi:um ša a:lum—„легат города“. Постановления исходят также непосредственно от a:lum. С ним же ведется официальная переписка. Ср. Landsberger, ук. соч., стр. 8 след.

⁷ IAK I, S.2-3 = KAN II, 1.

от греческого *басилевса*.¹ В этом факте сказывается то, что городская община *Ашшур* сравнительно недавно выросла из общины еще первобытной. *Энгельс*² указывает, что государственные органы обычно вырастают частью из органов родового строя (и это, естественно, наиболее древние из государственных органов), и частью создаются на-ново, в противовес органам родового строя. В *Ашшуре* мы встречаемся преимущественно с государственными органами, возникшими именно из органов родового строя, а следовательно, с очень архаической формой государства и классового общества. Особая роль, которую играл *Ашшур* по сравнению с другими общинами Древнего Востока, а именно роль посредника в снабжении Южного Двуречья в ввозе и вывозе, привела к преждевременному росту этого населенного пункта, превращению его в центр транзитной торговли с необычайно сильным для этой ранней эпохи развитием торговых отношений³; но, как мы уже подчеркивали выше, это не результат внутреннего развития производственных отношений внутри самого *ассирийского общества*, а результат развития всей экономики Древнего Востока в целом. Транзитная торговля не успела еще в этот период внести сколько нибудь сильного элемента разложения в *ассирийское общество*, которое само по себе остается вполне типичным архаическим древне-восточным ранне-классовым обществом.

Такая точка зрения на старо-ассирийское общество подтверждается тем немногим, что мы знаем об *ассирийских земельных отношениях* этой эпохи. До нас дошло всего около полудесятка документов, касающихся отчуждения недвижимости—среди нескольких сот документов, найденных на месте *ассирийской колонии* в *Кюль-тепе*. Два документа⁴ представляют собой купчую на дом и запись, где упоминается покупка дома. Продавцами в обоих случаях являются *ассирийцы*, покупатель в одном случае⁵ неизвестен,

¹ С. Смит, считая деспотический характер государства для Востока от века совершенно обязательным, называет точку зрения на старо-асс. строй, как на „почти республиканский“, „грубым анахронизмом“. Однако он исходит из обычной датировки по эпонимам, не учитывая остальных фактов.

² „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, МЭ XVI, стр. 88.

³ Деловые документы из *Кюль-тепе* (G. Eisser und J. Lewy, ук. соч. и др. издания) знают торговые компании, развитой кредит и т. п. Вообще почти все эти документы и письма касаются прямо или косвенно торговых операций.

⁴ Eisser und Lewy, AARUK № 107: „Дом, купленный Перувой, сыном Валахшины у Икунума, сына Самайи, за 1/2 мины и 4 без 1/4 сикля, купила у Перувы за 1/2 мины и 4 без 1/4 сикля Умминара. Серебром он удовлетворен“.—AARUK №-235: „1 пакет—10 2/3 мины 9 1/6 сикля серебра *Ашшур-имитти*, сына *Энн-Анума*, 1 связка—1 мина 5 сиклей серебра, покупная цена дома, для моего представителя (а-па ша ki-та ja-a-ti₂)—все это я поручил *Ашшур-на'да*, сыну *Сутии*, и *Балтушару*“. Ср. также фрагментированный № 219 и выражение BJ:TAM(bi₄-tam) ша-та-ат, которое *Леви* переводит как „дома сделай для меня закупки“, но которое естественнее понимать, как „дом мне купи“ (AARUK № 284).

⁵ Eisser und Lewy, AARUK № 235.

в другом это туземец. В двух случаях¹ мы имеем заклад (ипотеку) дома. В обоих этих случаях обе стороны принадлежат к туземному населению. Наконец, в одном случае мы имеем передачу пустоши в счет уплаты долга².

Даже если учесть, что эти документы происходят из торговой колонии, существовавшей посреди чуждого населения, которое подчинялось своему „князю“ (giba'um), все же ничтожное количество операций с землей нельзя объяснять только тем, что купцы из Кюль-тепе были заняты лишь чисто коммерческими операциями.³ Сами эти коммерческие операции в обществе земледельческом не могли бы не захватить и область недвижимости, если бы она была в той же мере отчуждаемой, как и движимая собственность. Это наглядно видно при сравнении купцов и ростовщиков из Каппадокии с жившими почти одновременно с ними ростовщиками из Ларсы в Вавилонии⁴. К тому же документы из Кюль-тепе касаются не одной только колонии Канес, но и метрополии: там делаются закупки, проводятся разные сделки и т. д. Сохранился, например, документ о разделе имущества, по всей видимости, составленный в Ашшуре и касающийся недвижимой собственности как в Канесе, так и вне его.⁵ Имеются и другие документы, составленные в Ашшуре. С другой стороны, немало есть документов, касающихся сделок в Канесе и других колониях между колонистами и туземцами. И тем не менее, перечисленными выше документами (плюс, быть может, еще два-три неясных или фрагментированных текста) исчерпываются документы, касающиеся отчуждения земельной собственности. Мне кажется, что на основании изложенного выше можно предположить, что отчуждение земли в старо-ассирийскую эпоху было сильно ограничено. В дальнейшем мы увидим, что это подтверждается и материалами средне-ассирийского периода.

Быть может, эту же большую архаичность старо-ассирийского земельного строя подтверждает и следующее, до сих пор не разъясненное место из надписи „ишшакума“ Иришума I.⁶

¹ Eisser und Lewy, AARUK № 99: „18 сиклей серебра за Ханой и Бетианалькой имеют Хумадашу и Илалиска. Они (женщины, т. е. Хана и Бетианалька) отвесят серебро из платы за пахоту (?). Дом они держат в качестве залога (ша-раг-тим). Серебро они (женщины) отвесят, и те уйдут из дома“. Кроме того, ук. соч., № 188 (см. ниже); ср. также ук. соч. № 14, где сделка о займе 1 мины серебра (туземцем у колониста) заканчивается условием: „(на) дом его, жену и детей его я буду рассчитывать (? букв. „глядеть“)“.

² Ук. соч., № 215.

³ Так Кошакер, NKRA, S. 54.

⁴ Ср., например, известного ростовщика Бальмунамхе, бывшего одновременно и скупщиком земли. См. А. П. Рифтин, Старо-вавилонские документы в собраниях СССР, № 15 (и прим. 7); № 28; № 29; и др.

⁵ В. К. Шилейко, Документы из Гюль-тепе, ИРАИМК I, Eisser und Lewy, AARUK № 9. Ср. Stephens, Old Assyrian Letters and Documents, № 222 (завещание дома).

⁶ IAK I, S. 12—15.

„Когда я избрал для постройки дом¹..., (то) мой a:lum заседал по моему требованию² и я установил „освобождение“ (a-du-ra-gu) серебра, золота, меди, олова, хлеба, шерсти до..... остатков (?) и соломы; ... от (городских) „Ворот мелкого скота“ до „Ворот людей“ я дал выбрать дома“.

Сущность так называемого „освобождения“ (andura:gu, addu-ga:gu, также просто durgu:gu,³ шумер. amag-gi) недостаточно полно освещена в существующей литературе.⁴ Мне известны для ранних периодов ассиро-вавилонской истории следующие значения для andura:gu и соответствующего шумерского слова amag-gi: 1) освобождение из рабства⁵, 2) освобождение от угнетения⁶, 3) мораторий долгов. Часто эта мера связывается с определенными религиозными мероприятиями, например с храмовым строительством (Урукагина; Гудеа, где впрочем она не названа amag-gi, и др.). В позднее время andura:gu (напр. КАН I, 52 сл; II, 9) переводится как zakutu, что значит „иммунитет“.

Повидимому, применение термина andura:gu было известно в Месопотамии и для земельного передела. Акад. В. В. Струве любезно указал мне на документ из Ханы на среднем Евфрате, по времени довольно близкий к нашему тексту, где указывается, что на подаренную царем землю не могут распространяться raq-gum (исковая претензия) и andura:gum⁷.

¹ В тексте „E₂.TI[...]“⁴, но в лакуне, может быть, текста не было. Речь повидимому, идет о храме Ашшура, строительство которого упоминается многими текстами Иришума. Если же лакуны в тексте нет, естественно было бы читать идеограмму E₂.TI как bi:ti(ti) и переводить „дом мой“.

² a(!)-li a-na ri₃-a u₂-ši₂-ib. Перевод Мейсснера „auf seinen Befehl (gehorsam) hingesetzt“ не может считаться правильным, исходя из i ri₃-i we-dim в тексте AARUK № 290 (см. выше стр. 19 пр. 1). Глагол \sqrt{wshb} в см. „заседать“ см. еще эпос Гильгамеша, XI, стр. 19 (dE₂-a it-ti-shu-ni ta-shib-ma).

³ Meissner, BAW I, 44.

⁴ Так, напр., Мейсснер чрезвычайно неопределенно говорит в IAK I, стр. 96: „adurag=andurag применяется к людям и вещам... В первом случае, вероятно, означает свободу от крепостного права и барщины, а также защиту от несправедливого обращения (так уже у Урукагины; ср. Thureau-Dangin, VAB I, S. 52, XII, 22; для более позднего времени ср., напр., КАН I, 52, II, 5 ff), или же политическую свободу от чуждого господства (см. Boissier, RA XVI, p. 159 и 162, 20), во втором случае, пожалуй, освобождение от пошлин или умеренный налог на оборот (ср. Thureau-Dangin, TU, pl. 16, 2a: an-du-ra-ra=za-ku-tu₂“

⁵ Так в КН, в юридических документах III дин. Ура.

⁶ Напр. Boissier, ук. соч.

⁷ M. Schorr, Urkunden des Altbabyl. Zivil- und Prozessrechtes (VAB V) L. 1913, S. 302-3.—Значение „земельного передела“ этот термин имел, повидимому, в Палестине. По древне-еврейским законам VII—V вв. до н. э. (Второз., 15,1—4,8—14; Лев., 25,8—12,23—34) раз в семь лет должно было производиться среди единоплеменников „прощение“ долгов и освобождение рабов-должников (šəmita), а раз в 7 × 7 лет должно было устраиваться „освобождение“ (dəro:k<durgu:gu), причем аннулировались и все сделки об отчуждении земли. Можно предполагать, что первоначально это был срок земельного передела. Хотя, быть может, эти установления—лишь

В тексте Иришума „выбор домов“ стоит в какой-то связи с „освобождением“—*anduga:ru*, а оно, в свою очередь, связано с подготовкой к постройке „дома“ (т. е., вероятно, храма).

Слово *bi:tu(m)* (обычно „дом“) в ассирийском диалекте означает также „земельный участок“¹, и мне кажется, что в тексте Иришума речь именно и идет о выборе земельных (домовых) участков, так как несомненно, что здесь не могут иметься в виду готовые дома. Факт же выбора земельных участков—не покупки, не дарения, а именно выбора,—а ассиро-вавилонские тексты очень точны в применении правовой терминологии,—показывает, повидимому, что земля находится в общей собственности городской общины, и в данном случае перераспределяется. Несомненно, что постройка храма (или дома „ишшаккума“²) должна была сопровождаться выселением тех лиц, которые имели свои участки в этой части города. Очевидно, для этого и потребовался передел земли, осуществленный при „*anduga:ru*“. Во всяком случае, контекст не оставляет сомнения в причинной связи между выбором участка для храма (или дома правителя), созывом городского совета, провозглашением „*anduga:ru*“ и предоставлением выбора новых участков. Заметим при этом, что текст Иришума I не является единственным в своем роде. Аналогичная надпись дошла и от его предшественника Илушумы³, и в нем вместо *isha:ti* „я дал выбрать“ прямо сказано *a-na a-li-a bi-ta-tim a-zu-uz* „для города моего⁴ дома (или домовые участки) я поделил“—т. е. употреблен глагол \sqrt{zwz} , применяемый к разделу земельной собственности, напр. о дележе наделов (*zittum*, от того же корня), при разделе наследства. И в тексте Илушумы говорится об *anduga:ru*. Таким образом, мы вправе заключить, что имеем здесь дело с земельным переделом, подобным *da:og*, предусмотренному книгой Левит в „юбилейный год“.

„проект“, на самом деле не действовавший (так, напр., Н. М. Никольский, Происхождение юбилейного года, Изв. Отд. Общ. Наук АН СССР, 1931, № 39, стр. 1060-61), однако их положения в какой-то мере должны восходить к реальным общественным явлениям.

¹ По крайней мере в более позднюю эпоху: *passim* в купчих на землю в новоассирийский период, С. Н. W. Johns, ADD, Kohler und Ungnad. ARU.

² Если принять чтение *bi:ti* вместо *E₂.TI[...]* (см. выше стр. 231). В более позднее время Саргон II выкупает землю для постройки своего дворца Дур-Шаррукин. ARU 10, Luckenbill, ARAB II, § 120.

³ IAK I, S. 6—9: „Илушума, ишшаккум г. Ашшура, для Иштар, госпожи своей, за жизнь свою построил храм, старую (?) стену, пошатнувшуюся (?) восстановил (?); для города моего дома я распределил; 2 источника открылись у пруда Ашшура, у источников..... я делал кирпичи для стены; от одного источника вода его впадала в ворота Аусум, от другого источника впадала в ворота (богини) Вертум. „Освобождение“ аккадян, а также и потомков (? букв. сыновей) их я установил, медь их (?) я..... для Ура и Ниппура, Авала и Кисмара, Дера (богини) Сатран до города (бога) Ашшура я установил их освобождение“.

⁴ К пониманию термина *a:lu* см. выше стр. 18.

Интересно, что единственный документ из Кюль-тепе, говорящий об отчуждении земельного участка (не дома), касается все же участка при доме. Речь идет о передаче земли в счет уплаты долга¹. Из текста Лев. 25,20—31 видно, что у евреев недвижимая собственность в городах раньше вовлекается в оборот, чем в сельской местности, а дома — раньше, чем поля. Точно также в текстах из Кюль-тепе имеется несколько документов о продаже или закладе домов и только один приведенный нами касается просто земельного участка (необработанного), и то при доме.

В этой связи следует упомянуть, что при наличии большого количества документов о займе только два из них говорят о займе под залог дома. Оба документа касаются местного населения. Нет ни одного документа о займе под залог земли, так что упомянутый выше документ является совершенным исключением. Обычно займы даются без залога или под залог самой личности должника или членов его семейства.

Что касается передела земли, то его нельзя считать несоместимым с продажей недвижимой собственности, тем более домов. В средне-ассирийский период земельные участки свободно продавались, но без указания границ участков, что, как мы в дальнейшем попытаемся показать, и стоит в связи с практиковавшимися еще и в то время переделами земли.

IV

Чрезвычайно мало известно нам и о производственных отношениях в сельском хозяйстве старо-ассирийского периода. Прежде всего, совершенно неизвестно, какую роль играли храмы и храмовые хозяйства. Документы из Гасура (юговосточнее собственно Ассирии) рисуют для несколько более раннего (старо-аккадского) времени картину, существенно не отличающуюся от известной нам по шумерским документам из Лагаша того же и более

¹ Привожу текст (AARUK № 215): „О 15 сиклях серебра, которые Иди-Син был должен Нуауму, а Мусса, сестра его, была поручительницей: вместо 15 сиклей серебра—зёмли его (qa₂-qi₂-gi-ши), что позади дома, он отдал Нуауму и Муссе. Если кто-либо вновь возбудит по поводу земель дело против Нуаума и Муссы, то Иди-Син очистит их (от ответственности).“—Не идет ли здесь речь все же лишь о переуступке права пользования землей, м. б.—даже на срок, несмотря на отсутствие специальной оговорки? Ассирийскому праву „продажа“ на срок была известна, см. Koschaker, NKRA S. 115. При условии земельных переделов было бы объяснимо отсутствие оговорки относительно срока. Следует отметить также, что в средне-ассирийскую эпоху qaqqiḡi (употребленный в данном документе термин для „земли“) применяется, повидимому, только к необрабатываемой или негодной к обработке земле, в частности, для строительных участков, см. ниже, стр. 44; прим. 6, а также Driver and Miles, AL, p. 295.

раннего времени;¹ то есть существует крупное храмовое (или царское) хозяйство, в котором используется труд как рабов, так и свободных.² В Канесе и других ассирийских колониях настоящих храмов с храмовыми хозяйствами, повидимому, не было³, а документов, дошедших из Ашшура или касающихся положения в метрополии недостаточно, чтобы судить о данном вопросе. Имеется все же довольно оснований, чтобы предположить, что „ишшакум“ (= PA.TE.SI) и в Ашшуре, как и в Шумере, не только занимался храмовым и другим строительством⁴ и организовывал ирригацию⁵, но и управлял храмовым хозяйством, и именно поэтому и ведал ирригацией и строительством. Не случайно именно „ишшакум“ распределяет и разделяет и те земли, которые находятся — хотя, повидимому, и в общественной собственности — все-же в индивидуальном пользовании.⁶

В Шумере храмовая земля являлась частью общественной земли⁷, по всей вероятности так было и здесь. Но именно храму и жрецу-правителю принадлежало ведение всей ирригацией⁸, а следовательно, и землеустройством всей общины.

Значение жреца-правителя было в Ассирии меньшим, чем в Шумере, насколько можно заключить из дошедших шумерских документов⁹. Мы видели, что Иришум I созывает „город“ для решения вопроса о строительстве и andurā:ru. Мы упоминали также о том, что налоги и пошлины устанавливались и собирались

¹ Изд. Th. J. Meek, *Old Accadian, Sumerian and Cappadocian Texts from Nuzi*, Harvard Semitic Series, Vol. X. Это издание мне было, к сожалению, недоступно, и я пользуюсь только рецензией Кошакера в OLZ, 1936, III, Sp. 150.

² См. В. В. Струве, Рабовладельческая латифундия в древнем Сумире, Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, 1934; он же, Рабство в древнем Сумире, ИГАИМК 1934, 97; Н. М. Никольский, К вопросу о рабстве на Древнем Востоке, Проблемы ГАИМК, 1934, № 7/8, стр. 207 сл.; и последующая дискуссия.

³ Это видно не только из отсутствия прямого упоминания храмов в текстах, но и из факта, что клятвы приносились не перед изображением бога, а лишь перед атрибутом его — мечом (ragim) или финиковой завязью (shigarī'a'um), очевидно в bi:l ka:im. Напротив, „пятая часть (городского совета)“ выносит решение „перед господином“, т. е., вероятно, перед изображением бога.

⁴ Почти все надписи правителей Ашшура — строительные.

⁵ IAK I, 6 сл., 38—39.

⁶ См. выше тексты Илушумы и Иришума I.

⁷ Но не совпадала с общественной землей. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 69. Ср. для Египта И. М. Лурье, Иммуниетные грамоты Древнего Царства, ТОВЭ I, стр. 125 сл.

⁸ Храм и жрец-правитель имели своей функцией обеспечение общине плодородия (отсюда, напр., обычай ритуального убийства правителя, в виде пережитка хорошо известный и в Вавилонии, и ряд других обычаев). Поэтому естественно, что все способы обеспечения плодородия — технические (с нашей точки зрения — рациональные) и религиозные (с нашей точки зрения — иррациональные) были в ведении одних и тех же органов.

⁹ По крайней мере в документах из Лагаша.

непосредственно „городом“ и его чиновниками. Имеются документы из Кюль-тепе¹, из которых видно, что храм пользовался особыми сборами, *ikri:bum* („посвящение“), которые можно сопоставить с шумерским *tash-da-gi-a*, „постоянным приношением“, однако это „посвящение“ облагалось при отправке из Канеса в Ашшур общей пошлиной (*nisxa:tum*) в пользу ашшурского городского совета старейшин².

Также и со сделок с храмами город, может быть, брал налог³.

Возникает вопрос, насколько широко храм, при подобных взаимоотношениях с государством, мог пользоваться трудом членов общины в своем хозяйстве? Трудно сомневаться в том, что их труд использовался, по крайней мере, на строительных и ирригационных работах. Вплоть до поздне-ассирийского периода официально сохранялось понимание строительной повинности, как общенародного дела, причем сам царь, как представитель общины, нес на строительстве первую корзину с кирпичами (*tirshikkum*), символизировавшую повинность.⁴ Но можно ли считать эти работы храмовыми? Относительно использования труда членов общины в сельскохозяйственных работах храма мы ничего сказать не можем. Документы из Кюль-тепе, где храма не было, не дают нам, насколько мне известно, никаких данных ни о подобной, ни о других храмовых повинностях. Средне-ассирийские тексты знают термин „общинная повинность“ (*ilku sha a:la:ju:ti*)⁵. Однако она, повидимому, не имеет отношения к храму.

¹ Eisser und Lewy, AARUK № 131—133.

² Это особенно ясно в документе ук. соч. № 131: „8 1/2 сиклей (серебра) — пошлина и пошлина с пошлины (sic!) с *ikri:bum'a*“. В числе пошлин на товары, шедшие из Канеса и в Канес, следует отметить два вида — *nisxa:tum* и *shadu'a:tum*. Обычная формула в записях и сделках об отправке товаров из Канеса гласит: „его (товара) *nisxa:tum* приложены, его *shadu'a:tum* — он удовлетворен“. Таким образом, вероятно, что *nisxa:tum* собирался при въезде в Ашшур, а *shadu'a:tum* (букв. „горные“) — перед выездом из Канеса. Очевидно, в приведенном документе речь идет о сборе в пользу *a:lum* Ашшиг. — Едва ли *nisxa:tum* — „проценты“, как думает Ландсбергер, *Handelskolonien*, S. 15. Для „процентов“ применяется термин *ciptum*.

³ Eisser und Lewy, ук. соч. № 153: „10 1/2 сиклей серебра моего бога (ша *i-li-a*), 4²/₃ сикля серебра (бога) Ана без процентов (*kaspat sha A-na ta-ad-mi₃-iq-tam₂*) я дал Илибани. 1/2 мины меди посвящений его (и) 1/3 мины „пятой части“ от имени его я отвесил“. 1 мина меди равна была по стоимости 1/2 — 1 сиклю серебра, так что речь может здесь идти только о пошлине или налоге. Леви полагает, что речь идет о ссуде храма обедневшему лицу, причем „посвящения“ (*takri:ba:tum*, уменьш. от *ikri:bum?*) и медь „пятой части (городского совета)“ являются в первом случае — вотивным даром, во втором — платой за разрешение или содействие сделке. Нечто аналогичное встречалось и в Южном Двуречье. Драйвер, впервые обрабатывавший текст, *Babyl.*, X, № 8, считает, однако, *i-li-a* собственным именем и читает *a-na ta-ad-mi₃-iq-tim* (!). Это совершенно меняет толкование документа, но маловероятно.

⁴ Luckenbill, АРАВ II, § 646 и др.

⁵ KAJ 7. См. об этом в следующей главе.

В документах из Кюль-тепе довольно часто встречается упоминание дворца (e:kallum). Дворец принимает участие в сделках,¹ принимает заклад,² накладывает арест на товары,³ собирает пошлины с товаров⁴ и т. д. Во всех этих случаях речь идет, повидимому, о хозяйстве местного правителя Канеса⁵; о роли дворца или хозяйства правителя (как ашшурского, так и канесского) в сельском хозяйстве установить ничего не удастся.

Если оставить в стороне храм и дворец, землевладение (или землепользование) было индивидуальным или групповым. В последнем случае земля была в распоряжении больших семей. Из средне-ассирийских памятников мы знаем, что такие большие семьи носили название „неразделенных братьев“ (аххе: la: zi:zu:te). Характерным для таких семей было совместное владение (пользование) землей. Семья (bi:tum, цихгum) могла оставаться нераздельной в течение нескольких поколений.⁶ В большинстве случаев, однако, мы встречаемся в документах с хозяйственной деятельностью одиночек или торговых компаний, члены которых никакими узами родства, повидимому, не связаны. Но в этих случаях мы имеем дело, как правило, не с землевладельцами, а с купцами, скупавшими в Каппадокии серебро, свинец и т. п. и вывозившими эти товары в Ассирию в обмен на ткани. Однако и земельные участки могли быть индивидуальными, как видно, например, из приводившегося выше документа о передаче земли в уплату долга⁷.

Некоторое представление дают документы о численности и положении рабов. Таков один из документов о разделе наследства⁸, в котором фигурируют три сына умершего собственника,

¹ Eisser u. Lewy, AARUK № 169.

² Ук. соч. № 217.

³ Ук. соч. № 284 и, возможно, № 166.

⁴ Ук. соч., стр. 219а. Эту пошлину (ешга:tum „десятина“) не следует смешивать с пошлинами, взимаемыми городом Ашшуром и Канесом.

⁵ Landsberger, Assyrische Handelskolonien, S. 32.

⁶ В. К. Шилейко, ИРАИМК I, стр. 359, Eisser u. Lewy, AARUK, № 9: „Амур-Шамаш, брат Агузы, Ашшур-раби, сын Агузы, Шу-Иштар, Ашшур-таб, сыновья Агузы и сестра их Кубабтум принесли клятву Города (или: Городом). По поводу дома в Канесе, в котором живет Ашшур-раби, и доли по завещанию (?) отца их, и по поводу чего бы то ни было Амур-Шамаш не будет вновь возбуждать дела против Ашшур-раби и братьев его, сыновей Агузы. Также и сыновья Агузы против Амур-Шамаша и сыновей его по поводу чего бы то ни было не будут вновь возбуждать дела. Земли (qa₂-qu₂-gi) что рядом с домом Иди-Ашшура, сына Куб-иди, остаются им совместно“. Ср. также ук. соч. № 9 и № 206.

⁷ Eisser u. Lewy, AARUK № 215.

⁸ Ук. соч., № 287. Привожу полный текст в переводе: „Асу, Агия и Алахум привлекли нас и поклялись Городом, и затем мы сделали согласно завещательному решению отца их. Будь то из дебета Амур-Ашшура, будь то из дебета Пузур-Ашшура Асу, сколько серебра взял, (столько) положил, и он же относительно серебра, которое он заставил отвесить за долг Пузур-Ашшура и долг Амур-Ашшура, написал таблетки в конвертах, и мы (это) вычли; и когда из долга Города — (а именно) ростовщиков — он удовлетворится, то оставит 10 мин 12 сиклей, и тогда Асу возьмет (свою долю?). А остальное, будь то пшеница, будь то

еще два наследника, и кроме того не менее четырех лиц, являющихся жрецами и также претендующими на известную долю в наследстве. Трое из наследников получают каждый по одной рабыне „из рабынь, которых они познали“, а также возможное потомство этих рабынь, за счет уменьшения их остальной доли. Один наследник получает в качестве надела дом (участок с домом?) в Ашшуре. Жрица Шамаша получает — сверх своей доли? — женщину (рабыню или рабыню-должницу) и жрецы Иштар — одну рабыню. Долги и требования наследодателя остаются одному из сыновей, предположительно — старшему. „Остальное — будь то пшеница, будь то рабыня, будь то раб, будь то надел (или: „всякая другая доля“?) они поделят согласно завещанию отца их“.

Таким образом, в этом хозяйстве имелись:

1. а) не менее трех рабынь-сожительниц трех из наследников;
- б) две рабыни, доставшиеся жрице и жрецам;
- в) рабыни-сожительницы, не вошедшие по специальной оговорке в доли трех наследников.

2. Рабыни и рабы, поделенные согласно завещанию.

Всего в хозяйстве было, следовательно, не менее десятка рабынь и рабов (не считая потомства рабынь), причем рабынь явно больше, чем рабов. (С этим связано и то, что цена на рабынь была, повидимому, ниже, чем на рабов).

Поскольку в хозяйстве имелось, очевидно, пять взрослых мужчин (не считая по крайней мере троих¹ бездетных жрецов, имевших также какое-то отношение к хозяйству), то общее количество членов хозяйства нужно считать не менее пятнадцати человек. Следовательно, число рабов в этом хозяйстве могло быть примерно таким же, как число членов хозяйства.

Данное хозяйство было сравнительно богатым. Это видно из того, что в результате расчета с должниками и кредиторами в состав суммы наследства, как ее часть, входит 10 мин 12 сиклей серебра², что равняется в среднем покупной цене 20—30 рабов³.

рабыня, будь то раб, будь то (другая?) наследственная доля (ими: надел) — они поделят согласно решению их отца. За (жрицей) Шамаша он оставит еще Таришматум, а (затем) Агиа либо здесь, либо в Городе возьмет рабыню для их жрецов-иштар'и:тум. Он чист (т. е. его доля получена полностью, и претензий к нему не имеется). Асу, Пузур-Саду и Алахум из рабынь, которых они познали, заберут себе по одной, и из их „руки“ (т. е. доли) это вычтется; потомство их (ж. р.) они примут (??) ... дом, что в Городе — наследственная доля (или: надел) Шуми-аби; согласно (завещательного) решения отца их все свое (или же: все они) поделят“.

¹ В тексте множественное число.

² Однако это отнюдь не исключительно богатое хозяйство. В перечне требований некоего Эллил-бани (AARUK № 218) перечисляется долгов на общую сумму около 100 мин серебра.

³ Цена на раба или рабыню колебалась между 5 и 40 сиклями, ук. соч. № 105 (рабыня, 5 сиклей), № 106 (рабыня, 6 сиклей), № 252 (заклад раба и рабыни, 18 сиклей вместе), № 213 (рабыня, 20 сиклей),

Из этого видно также, что рабы вовсе не составляли особо значительной доли в хозяйстве в смысле их ценности, что соответствует высказанному нами ранее взгляду на старо-ассирийское общество, как на общество, в котором сильное развитие торговли непропорционально его действительному экономическому развитию и вызвано факторами, лежащими за пределами ассирийского общества в узком смысле слова.

Описанное выше хозяйство не являлось, повидимому, в своей основе земледельческим, и рабов этого хозяйства следует главным образом рассматривать как домашних рабов. Однако даже хозяйство купца этого времени нельзя считать чисто товарным; поэтому часть рабов должна была быть занята полевыми и огородными работами и т. п., так как нет свидетельств о сдаче земель в аренду.

Типичным мелко-крестьянским хозяйством, видимо, является хозяйство некоего Паланашва¹, которое является обеспечением за взятые им в долг полторы мины серебра. Это хозяйство состоит, кроме хозяина, из „дома“, дочери хозяина и одной рабыни. В ряде других случаев² в качестве обеспечения называется все имущество должника, но рабов или рабынь в составе его не имеется. Другими словами, рядовой крестьянин работал на земле либо сам со своей семьей, либо — реже — с одним-двумя рабами. Раб в таком хозяйстве был частью дома³. Это типичное домашнее рабство.

№ 214 (рабыня, 22 $\frac{1}{2}$ сикля), № 189 (раб, рабыня и ребенок, 37 $\frac{1}{2}$ сикля), № 205 (раб, 40 сиклей). Для сравнения приведем цены на ослов: 17 сиклей (№ 170), 30 сиклей (ук. соч., стр. 221), и т. д. Себестоимость высококачественной одежды kuta:nu [= хитона (?), вероятно, льняного, ср. kitu, „лен, полотно“] без пошлин и т. п. составляла от 8 до 13 $\frac{1}{3}$ сикля (ук. соч., стр. 221). Шерстяная ткань стоила значительно дешевле.

В серебряном выражении эти цены примерно совпадают со старо-вавилонскими (Schwenzler, MVAG, 1914, 3), где средняя цена раба равнялась 20 сиклей (минимум 6, максимум 90), рабыни — 15 сиклей (минимум 4 $\frac{1}{2}$, максимум — 84), и т. д.

Стоимость хлеба — наилучшего критерия для сравнения цен — нам неизвестна, если только не принимать за чистую монету сообщение несколько более позднего текста Шамши-Адада I, где для доказательства исключительно благосостояния, наступившего в правление этого царя в связи с его богоугодными делами (строительство храма), приводится цена 1 сикль серебра за 2 курру ячменя (ок. 500 литров) и столько же за 15 мин (7 $\frac{1}{2}$ кг) шерсти. Эти цены примерно вдвое ниже обычных для старо-вавилонского периода. Но даже если эти цены и соответствуют действительности (что мало вероятно), то следует помнить, что речь здесь идет об исключительной дешевизне в правление царя-завоевателя.

¹ Eisser und Lewy, AARUK № 92: „1 $\frac{1}{2}$ мины серебра за Паланашвой имеет Тамурия. За это серебро он рассчитывает (букв. глядит) на дом, девочку Кулума'а и рабыню. Кто отвесит Тамурии серебро, возьмет дом“.

² Ук. соч. №№ 14, 20, 90, 91, 188. Особенно интересны №№ 90, 91, так как в них долг должен быть уплачен при жатве, очевидно, в натуре. Должники во всех случаях кроме № 90, — туземцы, в документе № 91 — целая группа лиц (большая семья?).

³ Так, очевидно, надо понимать приведенный выше документ AARUK № 92, где в первом случае состав „дома“ уточнен упоминанием входящих в него зависимых лиц, а во втором случае (где речь идет об обратном выкупе залога), весь залог назван просто „домом“.

Все документы о крестьянском хозяйстве касаются исключительно местного как каппадокийского, так и ассирийского населения. Насколько положение здесь соответствовало положению в метрополии, мы сказать не можем.¹ А priori, однако, в экономически более развитой Ассирии применение рабского труда могло быть более широким.

Существовали ли в самой ассирийской метрополии крупные частные рабовладельческие хозяйства? Полагаю, что особо крупных рабовладельческих хозяйств не существовало. Несомненно, что в Ассирии землевладение не могло давать в этот период таких доходов, какие имели купцы, оперировавшие десятками килограммов серебра. Эти купцы и составляли, конечно, наиболее богатую верхушку общества². Если все же нет данных о приобретении этими купцами крупных рабовладельческих землевладений, то мы имеем основание предположить, что таковых вовсе и не было.

Нам представляется ассирийское общество данного периода как общество преимущественно крестьянское, с использованием единичных рабов в более состоятельных хозяйствах, с непропорционально развитой торговой прослойкой, представители которой могли иметь до нескольких десятков рабов, однако лишь частично использовавшихся в сельском хозяйстве. Крупными хозяйствами могли быть храмовые, но о существовании и характере таких хозяйств ничего неизвестно.

Положение раба было приблизительно таким же, как в Вавилонии по законам Хаммурапи. Раб мог иметь свой пекулиум, но

¹ К положению менее состоятельных ассирийцев см. также ук. соч. № 194, где каппадокиец является кредитором, а ассириец — должником. В этом документе речь идет об уплате долга должником. Обеспечением была семья должника; ни дом, ни рабы не упоминаются. В документе № 252 ассириец берет в долг под залог двух рабов. Таким образом, экономическое положение бедных ассирийцев, в общем, сколько-нибудь существенно не отличалось, по крайней мере в колониях, от экономического положения местных крестьян. Ср. также упомянутый выше (стр. 30, пр. 2) документ № 90.

² Если в настоящей работе неоднократно подчеркивалось, что высокую развитость торговли и торговой прослойки в Ашшуре нельзя выводить из внутреннего развития самого ассирийского общества, то с другой стороны само собой разумеется, что выделение такой прослойки с самого начала возможно лишь при условии уже существовавшего имущественного расслоения внутри земледельческого населения. При этом, насколько мы можем судить о сущности древне-восточной общины, владение землей (в общине, а в данном случае, очевидно, включая колонии) являлось всегда условием членства в общине. Политическая роль ашшурских купцов (напр., в совете метрополии и колонии) делает несомненным их членство в общине и, действительно, документы показывают нам этих купцов владеющими земельной собственностью как в Ашшуре, так и в Канесе (см. выше). С другой стороны, не исключена возможность того, что, поскольку Ашшур был не только общиной, но и государством, это могло привести к изменению „классических“ условий членства в общине, в смысле гражданства.

этот пекулиум считался собственностью рабовладельца¹. Дети рабыни от свободного, по видимому, оставались рабами². В нескольких документах, по мнению Леви, рабы выступают как правомочные лица — в качестве кредитора³, свидетеля⁴, поручителя⁵ и должника⁶. Однако, во всех этих случаях вместо фонетического написания слова „раб“ или обычной идеограммы ER(E), употреблена другая идеограмма, IR (ER). Ни один из примеров, приводимых Леви в доказательство того, что в текстах из Кюль-тепе эти идеограммы имеют одинаковое значение, вполне доказательным не является⁷. Поэтому пока нельзя считать юридическую правомочность рабов в старо-ассирийский период доказанной.

Как же понимать термин „IR такого-то“? Я не решаюсь дать ему никакого объяснения. Если же принять теорию Леви, то надо полагать, что в данных случаях рабы выступают как представители своих хозяев. Так или иначе, рабы рассматривались как движимая собственность, и могли продаваться или отдаваться взаимы⁸ как и прочее имущество, с той лишь разницей, что продажа другого движимого имущества письменно не фиксировалась, что вообще является обычным для ассиро-вавилонского права.

Мы не знаем, в какой мере военные походы являлись для Ашшура источником добывания рабов. До правления Шамши-Адада I нам известен как завоеватель один только Илушума, ненадолго овладевший частью Южного Двуречья. Но поскольку из его надписей мы знаем, что основным своим деянием он считал распространение „андуга:гу“ на города Аккада⁹, постольку можно предположить, что это завоевание имело целью не добывание рабов, а укрепление дружеских связей с центрами Южного Двуречья, поскольку эти торговые связи являлись источником благосостояния Ашшура. — Шамши-Адад I в своей надписи¹⁰ говорит о наступившей в его правление дешевизне таких основных продуктов,

¹ Согласно документу AARUK № 217, „дворец“ берет как залог некоего не названного лица за долги ряду кредиторов „дом рабыни его, [...] его, (движимое) имущество его и все, что он имеет“ (bi:t anti-шу [...]-ши u₂-tu₃-ub-tu-шу [u₃(?) m]i₃-та i-шу-u₂). Таким образом, хозяин закладывает дом своей рабыни.

² AARUK № 287, если li-li-si₂-па шу-ни um-t[a-xu-гу(??)] „потомство их (рабынь) примут(??) именно они“ не понимать, как „примут в семью“, что очень мало вероятно (ср. выражение lillissina „их потомство“ вместо шегг:шина „их дети“).

³ Ук. соч. № 93.

⁴ Ук. соч. № 94, ср. № 144 (сын IR).

⁵ Ук. соч. № 238.

⁶ Ук. соч. № 283.

⁷ Фонетическое написание имени божества Ir-ra вместо обычного идеографического ^dER₃^{ra}, имя IR^{ad}-Ku-bi-im = Warad-Ku:bim; однако, последнее можно читать фонетически Irad-Ku:bim, от irdum „раб“ (вариант k wardum).

⁸ Ук. соч. № 122.

⁹ IAK I, S. 6—7, №№ 1 и 2.

¹⁰ IAK I, S. 24—25.

как хлеб, растительное масло и шерсть (а следовательно, и ткани), что фактически должно было означать повышение цены на серебро, медь и олово, сбываемое ашшурскими купцами на юг, и увеличение их доходов¹. В начале настоящей главы² упоминалось, что движущей силой завоеваний Шамши-Адада I надо считать стремление обеспечить господство на торговых путях. — В надписи Шамши-Адада I говорится также о данях покоренных правителей, доставлявшихся в Ашшур; специально же о приводе людей из завоеванных стран в надписи не упоминается, и поэтому остается неизвестным, в какой мере его походы преследовали и цели добывания рабов. Отметим кстати, что хотя покупка рабов хорошо известна в документах из Кюль-тепе, однако работоторговлей того типа, что торговля металлом и тканями, — т. е. экспортно-импортной торговлей рабами, ашшурские купцы не занимались.

Основным источником добывания рабов в старо-ассирийский период представляется мне покупка детей бедняков окрестного населения, а может быть и в самой Ассирии³, а также, возможно, и перекупка живой добычи, захваченной в войнах между соседними, менее развитыми племенами. Судя по именам рабов в каппадокийских текстах, большинство из них были туземцами⁴.

Патриархальная власть домовладыки позволяла ему продать члена своего семейства; продажа детей обедневшими семьями была, повидимому, распространена. Так, в одном документе⁵ усыновитель оговаривает свое право, в случае обеднения, продать усыновляемого. В другом документе лицо, женившееся на вдове, дает обязательство не продавать и не отдавать в кабалу ее сына от первого брака⁶.

От продажи свободного в рабство следует отличать долговую кабалу. Документам из Кюль-тепе известны следующие основные типы долговых сделок:

1. Определенная сумма дается взаймы под проценты, которые начинают нарастать с известного оговоренного срока⁷. Под этой

¹ Ср. аналогичный текст Ашшурбаналпа (Luckenbill, ARAB II, § 827), где говорится и о дешевизне рабов.

² Стр. 16.

³ Против этого говорит средне-ассирийский документ KAJ 2, где оговаривается, что усыновитель не должен притеснять и бесчестить усыновляемую (а фактически кабальную), но обращаться с ней „как со своей дочерью и ассириянкой“, т. е. гражданкой Ашшура. Таким образом, члены ашшурской общины имели право на привилегированное обращение и, пожалуй, не так легко могли быть обращены в рабов, как не-ассирийцы.

⁴ См. однако документ AARUK № 213, где продается рабыня, вероятно являющаяся ассириянкой (имя Ша:t-Ашшиг, т. е. „принадлежащая (богу) Ашшуру“). — Теофорные имена, связанные с богом Ашшуром, применительно к чужеземцам, повидимому, не встречаются). Еще ср. рабыню с ассирийским именем Таришмагум, ук. соч., № 287.

⁵ Ук. соч. № 8.

⁶ Ук. соч. № 2. Так по толкованию Леви. Ландсбергер полагал (ук. соч., стр. 2с), что речь идет о брачном договоре, в котором муж обязуется не продавать жены в рабство. Этот перевод сопряжен с трудностями.

⁷ Обычная процентная ставка — 30%. Иногда проценты устанавливаются решением ка:rum.

формой сделки обычно скрывается обыкновенная кредитная сделка между двумя купцами, но это может быть также и кабальным договором. Если имеется один должник, то о санкциях на случай нарушений условий договора не говорится. Если же должников несколько, то вводится формула: *kasrim i qaqqad šalmišipi u: ke:pišipi takis*, буквальный перевод: „серебро закреплено за головой благополучного и верного (или постоянно присутствующего) из них“. Формула эта означает, как показали Кюк¹ и Кошакер², что любой из должников отвечает своей личностью за всю сумму долга. Так же точно и одиночный должник, как видно из ряда косвенных данных, отвечает своей личностью за исполнение условий договора³. Уже в этом заложена возможность закабаления свободных.

2. Наряду с этой обычной формой сделки имеются ипотечные сделки с формулой: „серебро закреплено за домом (женой, детьми) его“⁴. Другой вариант этой формулы, выражающей, вероятно, то же юридическое и экономическое содержание, гласит: „я гляжу (т. е. рассчитываю) на его дом, жену и детей“⁵. Это уже чисто кабальная сделка. Проценты на долг здесь не предусматриваются. Очевидно, такие сделки заключались с должниками, не отличавшимися состоятельностью. Характерно, что в документах этого рода должниками являются представители местного населения Каппадокии.

Совершенно аналогичными являются также те сделки, в которых имеется формула: „если по истечении дней его он не уплатит, то войдет в дом такого-то (кредитора)⁶ и тот возьмет его за убыток“⁷. — „Входить в дом“ было техническим термином для вхождения в состав *familia* кредитора в качестве кабального, что отличалось от рабства в обычном смысле слова⁸. Условие о „вхождении в дом“ могло сочетаться с формулой, упомянутой под пунктом 1, если должников было несколько. В настоящее время трудно сказать, почему существовало три или четыре различных формулировки кабального договора, и была ли какая-нибудь разница между положением должника в каждом из этих случаев.

Являлось ли долговое рабство срочным или бессрочным, из документов не видно. Из средне-ассирийского судебного § (A) 44 можно заключить, что раба-должника убить было нельзя. Что долговое рабство было домашним, видно из самого технического

¹ Известно мне по Koschaker, NKRA, S. 119.

² Ук. соч., стр. 118 сл.

³ Ук. соч., стр. 120.

⁴ Golénischeff, *Vingt-Quatre Tablettes Cappadociennes*, № 11.

⁵ AARUK №№ 14, 92.

⁶ Или „в дом тамкара“. Eisser u. Lewy, AARUK №№ 185, 86, 87.

⁷ *ana bitqatim alašimim*, AARUK № 87.

⁸ Ср. AARUK № 7, где то же выражение применено к усыновляемому, и № 2, где оговаривается, что отчим (?) не может своего пасынка (?) „ни продать, ни заставить войти (в дом)“.

термина: „входить в дом“, употребляемого в аккадском обычно в смысле „входить в состав домашнего хозяйства“¹.

Долговое рабство в старо-ассирийский период не имело еще того массового характера, как позже. Количество дошедших до нас кабальных договоров сравнительно невелико, и условия их не столь тяжелы, как в средне-ассирийский период.

3. Наконец, третий тип долгового обязательства предусматривает отработку долга. Так, Эйсер и Леви толкуют два каппадокийских документа. В одном сделка заключается с женщинами, которые обязуются уплатить долг „из (наемной) платы за пахоту“ (*ina i:di ega:šim*)²; по мнению комментаторов, речь идет об уплате известной суммы в счет отработки (неясно, самими ли должницами, или членами их семей и рабами); сумма будет впоследствии вычтена из наемной платы. В другом документе (трудном для понимания) речь идет, повидимому, также об уплате аванса в счет наемной платы за сельскохозяйственные работы; сама наемная плата состоит из $\frac{1}{3}$ урожая³.

Как ввиду малочисленности документов этого типа, так и ввиду самих условий, ими предусматриваемых, я не склонен рассматривать эти документы как зародыш долговой кабалы. Но они ценны тем, что свидетельствуют о наличии наемного труда в сельском хозяйстве и практики отработки долга.

В первом из этих документов интересна также отдача должниками дома в залог (*šapartum*). Вообще собственно заклад имущества в виде фидуции или ручного залога сравнительно редко встречается в документах из Кюль-тепе. Как уже говорилось выше, более распространена была практика предоставления кредитору права апроприации личности должника (или членов его семейства и различного имущества) в случае просрочки уплаты, т. е. ипотека⁴.

¹ Так в Кодексе Хаммурапи, §§ 152—176 о жене, в средне-ассирийском судебнике (А, §§ 28—29) о жене и о муже при „матрилокальном“ браке.

² AARUK № 99, 100. Однако, возможно в первом документе и чтение *ina itti: ega:šim*, т. е. „к сроку (?) жатвы“.

³ Эйсер и Леви сравнивают § 64 Кодекса Хаммурапи.— Экономически близки документы ук. соч. № 70, 81, 90, 91, предусматривающие, повидимому, уплату долга сельскохозяйственными продуктами [*i cibit nigallim*, *i qitir kara:nim* — „во взятии серпа“, „в сорванности винограда“, т. е. „из урожая“ — ср. *nikis bi:ni* „срубленность тamarиска“ = „срубленный тamarиск“, Хожд. Иштар, стр. 29 (KB VI)]. Леви для AARUK 99 предлагает перевод „при урожае“, но также понимает документ, как обязательство уплатить долг натурой.

⁴ Проф. И. М. Лурье высказал мне предположение, что факт преимущественного распространения в старо-ассирийскую эпоху долгового обязательства, предусматривающего обеспечение долга лишь личностью должника, но, как правило, не его недвижимостью, связан с неизбежной утерей семей должника, вместе с недвижимостью, и членства в общине. Кошакер (NKRA, S. 126) полагает, что первоначально само собой разумеющимся обеспечением всякого долга была движимая собственность должника, затем появилось специально оговариваемое в сделках

V

Итак, по тем отрывочным данным, которые можно извлечь из старо-ассирийских памятников, можно предположительно представить себе картину ассирийских земельных отношений этого периода в следующем виде.

Земля, повидимому, считается общинной собственностью. Наряду с предполагаемым храмовым землевладением существуют участки, находящиеся в руках свободных членов общины,—как больших семей, так и отдельных лиц. Вероятно производился передел земельных участков. Обрабатывается земля большей частью самими членами общины с семьей, частью же совместно с рабами, а в богатых хозяйствах—возможно одними рабами. Изредка применяется наемный труд. Рабы являются отчуждаемой собственностью своих хозяев; их *rescūm* является, как и сам раб, также собственностью хозяев. Быть может, рабы обладают известной юридической правоспособностью, однако это остается под сомнением. Неоплатные должники становятся домашними рабами кредитора—срочно или бессрочно—неизвестно. Массового характера долговое рабство не имело. Изложенным исчерпываются сведения о поземельных отношениях в старо-ассирийский период по доступным мне источникам. Мы различаем черты весьма архаической экономики сельского хозяйства (при непропорционально развитой торговле), но всякие обобщения, касающиеся аграрного строя, по необходимости носят для этого периода гипотетический характер. На более твердую почву мы вступаем, переходя к средне-ассирийскому периоду¹.

обеспечение личностью должника, и лишь затем появляется обеспечение недвижимостью. Ландсбергер (цит. у Леви) считает, что в старо-ассирийских юридических текстах *bīṭum* („дом“) означает не строение, а совокупность семьи и (движимого) имущества.

¹ После правления Шамши-Адада I и покорения Ашшура царем Хаммурапи, в Ассирии, согласно свидетельству вавилонского кодекса, на некоторое время получает распространение вавилонское право. Между нормами старо-ассирийского и средне-ассирийского права, несмотря на то, что то и другое самостоятельны от вавилонского и имеют между собой черты сходства, имеется значительное расхождение, указывающее, быть может, на перерыв в традиции.

Глава II

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СРЕДНЕ-АССИРИЙСКОГО ПЕРИОДА

I

Период, последовавший за тем, который был предметом исследования в первой главе, по всей видимости был периодом значительных племенных передвижений. Несомненно, что такое передвижение племен должно было нарушить правильное сообщение по путям Передней Азии. Одновременно создание Хеттского государства в Малой Азии сопровождалось уничтожением спорных пунктов ассирийской торговли — колоний Канес, Бурушханда и др.; к тому же хетты в своих набегах спускались далеко вниз по Евфрату¹.

Это привело к сильнейшему упадку Ассирии, которым и закончился первый, или так называемый старо-ассирийский период ее истории.

Следующий, средне-ассирийский период начинается для нас с XVI в. до н. э. с появлением, после длительного перерыва, памятников ассирийской письменности. Общеполитическая картина, которую представляет собой в это время западная Азия, во многом отличается от того, что мы видели в предшествующий период. Развитие ряда обществ, ранее стоявших крайне низко; крупные государственные объединения там, где ранее были множества независимых городов, племен и мельчайших государств; распространение массового коневодства, сделавшего возможным более длительные и менее опасные походы и путешествия, а — тем самым более тесную связь между странами; все это сделало Древний Восток иным, чем он был. В Малой Азии существовало теперь Хеттское государство; на северо-западе Месопотамии, в хорошо орошенной полосе у верховьев рек Балиха и Хабура, на склонах гряды Тур-Абдин и на важных путях, сходящихся к переправам через Евфрат, существовало государство Митанни. На юге Двуречья объединенная касситская Вавилония — „Кардуниаш“ окончательно сменила боровшиеся царства севера и юга²;

¹ Один из таких набегов положил, как известно, конец династии Хаммурапи, см. L. W. King, *Chronicles concerning Early Babylonian Kings*, II, p. 22.

² Момент падения соперничавшей с севером династии Приморья, впрочем, хронологически все еще не ясен.

к востоку от Вавилонии развивалось своим, пока нам мало знакомым путем государство Элам; к западу, по другую сторону Сирийской пустыни, в Палестине и Сирии все мелкие города и племена подпали под владычество величайшей державы того времени—Египта XVIII династии. Наряду с этими крупными державами—на границах между ними или в пределах сфер их влияния—существовали более мелкие государства. Одним из таких мелких государств был и Ашшур этого времени.

Торговые связи и пути, на которых основывалось былое могущество Ашшура, были разрушены. Ассирия пережила долгий период иноземного—сначала вавилонского, потом митаннийского—владычества, и продолжала оставаться легкой добычей для Митанни и для Кардуниаша—Вавилонии, от которых она в данный период, повидимому, попеременно и зависела¹. Но экономическое значение Ассирии для Вавилонии и для Передней Азии оставалось тем же. Как только в Передней Азии создавалось более или менее устойчивое политическое положение—т. е. приблизительно с конца XVI века—товары опять потекли по тем же путям, что и раньше—по Евфрату до Северной Сирии, а оттуда в Малую Азию, Финикию, Палестину и Египет и обратно; из Северной Сирии через северную Месопотамию до Тигра; вниз по Тигру; по Дияле на восток и обратно. Это были настоящие животворящие артерии Передней Азии, по ним в Вавилонию, да и в Элам, шло сырье, без которого невозможно было ни ремесло, ни орошение; по ним Сирия и Малая Азия снабжались продуктами ремесла, а также финиками и хлебом. В двух местах Передней Азии эти пути образовывали узлы: во-первых в Северной Сирии, у Кархемиша на Евфрате, во-вторых—в Ассирии. Но в Сирии узел этот расположен на большем пространстве, его труднее захватить и удерживать в одних руках, и к тому же большая этническая пестрота населения и даже самый характер местности затрудняет объединение этой области в одно государство. Кроме того, Сирия открыта в сторону степи набегам кочевников. Совсем иное дело Ассирия. От кочевников ее отделяет оседлая полоса по Евфрату, в самом Междуречье кочевые области окружены оседлыми со всех сторон; этнически Ассирия давно уже стала единой², торговый путь по Тигру—един; он и сам по себе имеет большое значение, а пути по Евфрату и Дияле лежат близко—при удачной политической ситуации их легко захватить и удержать военной силой. Соперники ниже по Тигру не страшны Ассирии, так как

¹ Зависимость от Митанни видна из стел митаннийских наместников в Ашшуре, W. Andrae, Die Stelenreihen von Assur №№ 63, 129, 137a, и писем Тушратты к фараону, Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln, № 23. Владычество Вавилонии предполагает письмо Бурнабуриаша, там же, № 9, 31.

² В средне-ассирийский период аморейский элемент уже не ощущается; о хуррийском см. ниже.

зависят экономически от нее, а выше по Тигру путь не имеет такого значения, да там с Ассирией и некому соперничать¹.

Все же у Ассирии мог быть один соперник: всякое государство, которое создалось бы на северо-западе Месопотамии, на путях от Ассирии к Евфрату, и на самом Евфрате в том месте, где он вступает в Сирию и там, где он уводит в Малую Азию и Армению. Таким соперником в этот период и было государство Митанни. Когда в этих областях общество не достигло еще сколько нибудь высокого развития, то Ассирия могла обращать главный удар на средний Евфрат, в сторону Мари; но после опыта, который дала борьба с Митанни, первой задачей Ассирии всегда было попытаться обеспечить себе свободный путь к переправам, ведущим через Евфрат в Сирию.

Возможность обогащаться существовала для Ашшура и в период владычества Митанни: господство над Тигром было достаточно доходным. Ашшурские правители, хотя и не носившие царского титула, признававшие обычно главенство Митанни или Кардуниаша и владевшие только маленьким клочком территории, могли сооружать в зданиях Ашшура двери, покрытые серебром и золотом², строить дворцы³ и посылать фараону настолько ценные подарки, что фараон должен был отдаривать этих правителей большим количеством золота⁴. Богатый правитель может легко стать сильным и в военном отношении, но для этого нужно большое войско, а следовательно, обширная территория и многочисленное население, ибо времена формирования войска из числа наемников еще не настали: крестьянство, как мы увидим ниже, еще повсюду сидит на своей земле, и наемников просто неоткуда вербовать. Поэтому только внезапное ослабление соперника могло открыть возможности перед Ассирией, но зато в таком случае эти возможности были действительно широки.

Этот долгожданный Ассирией момент наступил, когда Суппилулиума, царь Хеттов, около 1400 года разгромил Митанни и покорил Сирию. Ассирийцы воспользовались разгромом Митанни.

В этот решающий момент правителем Ашшура был Ашшур-рубаллит I, сын Эриба-Адада I, от времени которых и дошла до нас основная масса документов, позволяющих нам судить о средне-ассирийских земельных отношениях, и на которых мы и остановимся ниже.

Любопытно, что в то время, как касситский царь писал фараону Аменхотепу III, что ассирийцы „подчинены ему“⁵, а митаннийский царь находил, что Ашшурубаллит — „раб его отца, не

¹ Основной торговый путь отходит от Тигра, в пределах Ассирии, на запад, к Кархемишу на Евфрате. На верхнем Тигре значительных государств не было.

² Winckler, MVAG, 1913, S. 63; Delaporte, Les Hittites, p. 94.

³ IAKI, S. 94—95.

⁴ Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln, № 16, 21.

⁵ Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln, № 9.

платящий дани“, фараон относился к Ассирии уже как к могущественной державе, а сам Ашшурубаллит претендовал на почести, ранее воздававшиеся царю Митанни¹ и впервые в истории в письмах и на печатях—хотя еще не в официальных надписях—стал называться „царем страны Ашшур“ (то-есть Ассирии), а не только „ишшаку“²; в самом деле, Ассирия скоро стала могущественнее и Митанни, и Вавилонии.

Суппилулиума решил изменить свою политику в отношении Митанни. Эта страна и после хеттского и ассирийского разгрома продолжала свое существование в равнинной части Месопотамии. Чтобы обеспечить верховное господство Хеттов, Суппилулиума оказал военную поддержку одному из претендентов на митаннийский престол. Но если Ассирии, таким образом, и не удалось уничтожить своего врага Митанни, то начало решительной борьбы было положено.

Изменились и отношения Ассирии с Вавилонией. Если в XV веке Вавилония стремилась противопоставить покорную Ассирию могуществу Митанни, то в XIV веке она стремится заручиться дружбой с Ассирией. Вавилонские цари породнились с ассирийскими, что дало в дальнейшем повод Ашшурубаллиту вмешаться в дела вавилонского престолонаследия³.

Преемники Ашшурубаллита продолжают расширять территорию государства. Арикденилу, впервые и в официальных надписях титулуемый „царем Ассирии“, покорил ряд областей к северу и югу от Митанни, в частности, предпринял решительные шаги к закреплению ассирийской власти в приевфратской полосе⁴.

Успехи ассирийцев были чрезвычайно опасны для Вавилонии. С того момента, как все пути подвоза в Вавилонию—в руках ассирийцев, они могут, как бы сдавив ей горло, начать распоряжаться ее судьбой. Вспомним, что культурно и экономически Вавилония—ведущая страна Западной Азии, и нам будет понятно, как важно для Ассирии было овладеть Евфратом.

Поэтому, когда Ассирия протягивала руки к Евфрату, она всегда встречала сопротивление со стороны Вавилонии, тем более, что их интересы сталкивались и в спорных областях к востоку от Тигра, в долинах Адема и Диялы. Сын Арикденилу, Аладнерари I, вел войну с Вавилонией, и отвоевал у нее Аррапху⁵, он же успешно отразил нападение Митанни и подчинил его царя своей верховной власти; затем, когда новый митаннийский царь отложился от него, победоносно прошел всю митаннийскую

¹ Ук. соч. № 16.

² Ук. соч. № 16; IAK I, S. 44—45; однако в обиходе царский титул упоминался и раньше; так еще при жизни своего отца Ашшурубаллит назывался „царевичем“ (maršarri); напр. KAJ 160.

³ Синхроническая история³ I, 8—17 (KB I, S. 194—197).

⁴ JIAK I, S. 62—63, строки 23—24.

⁵ „Синхроническая история“, I, 24—29, KB I, S. 196—197; Хроника „P“, Winckler AOF I, S. 301.

территорию и, заняв столицу Вашшукани, Харран и ряд других важных городов, дошел до Кархемиша на Евфрате¹.

Все это вызвало серьезное беспокойство Хеттов, которые усиленно пытались поссорить Ассирию с Вавилонией², однако безуспешно. В первой половине XIII века—повидимому, в разгар борьбы Хеттов с Египтом—Шульманашаред (Салманасар I) вновь пересекает всю территорию Митанни и выходит к Кархемишу на Евфрате³.

Несомненно, что усиление Ассирии сыграло большую роль для установления мира между Хеттами и Египтом: когда враждебное ассирийское войско стоит у евфратских переправ у Кархемиша—вести войну в Сирии невозможно. Кархемиш—это ключ к Сирии для наступающего с востока, ключ к Месопотамии для наступающего с запада. Войско у Кархемиша—это угроза отрезать Малую Азию от Сирии.

Мы не должны забывать, что за ассирийским воином стоял ассирийский купец. Походы этого времени на Месопотамию и Сирию мы не можем рассматривать, как чисто грабительские. Ассирийцы во II тысячелетии завязывают связи, налаживают торговлю по самым различным путям—еще при Хатшепсут, в XVI веке ассирийские торговцы и ремесленники жилали даже в Египте⁴. А за купцом следует воин, закрепляющий его пути для ассирийской торговли. Это отлично понимали Хетты, ведшие ожесточенную борьбу именно против ассирийской торговли. В этом отношении типичен договор между хеттским царем Тутхалией, сыном Хаттусиля, с его вассалом—Бентишенной, царем области Амурру между р. Оронтом и Пальмирским оазисом⁵. По этому договору царь Амурру клянется в том, что будет дружить или враждовать с Египтом и Вавилонией—смотря по тому, дружит или враждует с ними царь Хеттов, но также в том, что безусловно будет враждовать с царем Ашшура; при этом он должен прекратить торговлю с Ассирией, не пропуская ни своих купцов в Ассирию, ни ассирийских купцов в Амурру; если же они все же будут схвачены в Амурру, то должны быть выданы Хеттам. Между прочим, Амурру имело, видимо, сношения с Аххиявой, т. е. с западной Малой Азией и эгейским миром⁶.

Наивысшего могущества Ассирия достигла при Тукульти-Нинурте I, во второй половине XIII века. Помимо значительного расширения пределов ассирийской державы на северо-западе и северо-востоке, Тукульти-Нинурта распространил свою власть на приевфратскую полосу и дважды успешно вмешивался в вавилонские дела, причем разграбил главный храм Вавилона и увез

¹ IAK I, S. 68—61, строки 4—14.

² Ср. письмо хеттского царя, приводимое Форрером, RLA I, S. 264.

³ IAK I, S. 116—119, строки II, 16—III, 7.

⁴ S. Smith, Early History of Assyria, p. 226 и прим. 7.

⁵ См. ук. соч., стр. 290.

⁶ Там же.

его палладиум—статую Мардука—в Ашшур. Также и на хеттскую территорию он совершил успешный набег¹.

Впервые в истории Ассирии при этом царе ее столица была перенесена из Ашшура—так долго бывшего синонимом государства—в другой город, специально построенный Кар-Тукульти-Нинурта (совр. Тулуль-Акир).

С концом царствования Тукульти-Нинурты I (убитого восставшей знатью)² начинается качественно новый период истории Ассирии.

Таким образом, мы видим, что во внешней политике Ассирия отказалась (и не могла не отказаться) от системы насаждения колоний посреди чуждого населения, а продолжала и развивала линию, намеченную уже в конце старо-ассирийского периода—создание военной силою крупной державы, господствующей на важнейших путях.

Неестественно большое значение, которое ранее имела торговля в экономике Ассирии по сравнению с земледелием, вероятно было одним из основных факторов, тормозивших развитие царской власти, так как деспотическая власть на Востоке, как мы знаем, главным образом основана на условиях развития ирригационного земледелия—и ирригация, и землеустройство подлежат ведению царя-жреца, как лица, ответственного за плодородие в общине. Теперь же самые нужды торговли толкали Ассирию на политику завоеваний, а следовательно, усиливали роль царя, поскольку он был не только жрецом, но и военачальником. С другой стороны, как мы увидим, удельный вес земледелия в экономике Ассирии в рассматриваемый период начинает все более возрастать, занимая место, нормально подобающее ему при данном уровне развития общества.

Естественным результатом явилось быстрое усиление царской власти. Вплоть до правления Эллильнерари, сына Ашшурубаллита I (XIV век) строительные надписи продолжали посвящаться от имени и правителя и города Ашшура; вплоть до XV века должность *ukullu(m)* могла еще не совпадать с должностью *iššakku(m)*³; но, как упоминалось выше, с XV века в обиходе правитель начинает называться *шагги*, царем⁴; с Ашшурубаллита I этот титул был принят для царских печатей⁵ и писем⁶, а с правления Арикденилу (конец XIV века)—и для официальных царских надписей⁷. Наконец, Ададнерари I в начале XIII века принимает титулатуру

¹ Luckenbill, ARAB I, § 164=КАН II, 60.

² Хроника „P“ IV, 9—11; Delitzsch, Die Babylonische Chronik, L. 1906. Ср. Winckler, AOF, III Reihe, S. 321-356.

³ Так, один из сыновей Ашшурнерари III, Бернадинаххе, был *ukullu*, не будучи *iššakku*, см. KAJ 8, 26 и ср. Кошакер, NKRA, S. 6².

⁴ KAJ 160. В сделках о земле и в Судебнике *passim*.

⁵ KAV 210.

⁶ См. выше.

⁷ IAK I S. 48—49, 50—51, 54—55.

„царь вселенной (или „множеств“)¹, царь могучий, царь Ассирии“, однако эту титулатуру мы встречаем не во всех надписях, а только в мелких, преимущественно на кирпичах и предметах обихода; в прочих случаях продолжает применяться жреческая титулатура („наместник бога Энлиля, ишшакку бога ² Ашшура“ и т. п.). Звание „укуллу“ продолжает применяться всегда в документах юридического характера, исходящих от правителя, иногда и в других памятниках³.

Роль ашшурского совета старейшин в эту эпоху совершенно неясна. Во главе его теперь стоял, вероятно, „градоначальник“, *hazi'a:nu*⁴. Что касается ежегодно сменяемых эпонимов, *li:nu*, ранее, как мы видели, вероятно, ведавших финансовыми делами городского совета, то они продолжали существовать и играли большую роль⁵. Должность *li:nu* (во многих, если не во всех случаях) замещалась теперь членами царского дома или близкими к нему лицами.

Конечно, усиление царской власти проходило не без борьбы со знатью, привыкшей править государством через ашшурский совет. И когда Тукульти-Нинурта I без видимой причины переносит свою столицу из Ашшура на противоположный берег Тигра, где строит специальный город, то естественно предположить, что это делается ради того, чтобы развязаться с ашшурским советом, который остается городским советом⁶. С этой точки зрения будет понятно и то, что Тукульти-Нинурта был убит восставшими „великими“.

Такова была внешняя и внутренняя политическая ситуация в эпоху, от которой до нас дошли средне-ассирийские документы, позволяющие нам судить о строе земельных отношений. В какой мере эта политическая ситуация вызывалась социальной ситуацией внутри ассирийского общества, и в какой она определялась общими социально-экономическими условиями в Передней Азии — об этом возможно будет судить лишь после детального анализа всех социально-экономических факторов. Однако несомненно, что сами земельные отношения средне-ассирийского периода станут более понятны в контексте тогдашней политической ситуации, краткий очерк которой я и счел поэтому необходимым предпослать и этой главе настоящей работы.

¹ IAK I, S. 102 сл.

² Иначе „города Ашшура“.

³ KAJ 172, 173, 183; KAV 210—212; IAK I, S. 102—103, № 16, S. 104—105, № 21, S. 110—111, № 34 — ср. примечания там же, стр. XXVIII—XXXI под соответствующими номерами.

⁴ В Судебнике § 6 (B) говорится, однако, лишь о *hazi'a:nu* других ассирийских городов (не Ашшура),

⁵ Каждый эпоним воздвигал стелу в Ашшуре, см. W. Andrae, *Stelen-geihen*; о том, что эпонимами бывали обычно люди, близкие к царю, см. замечания Кошакера в NKRA, S. 6², 44³.

⁶ Так, повидимому, можно заключить из § 6 Судебника (B), а также по аналогии с развитием городского совета в Вавилонии.

II

В отношении документов, касающихся земельной собственности в средне-ассирийский период, мы находимся в довольно счастли- вом положении. До нас дошли— правда, во фрагментированном состоянии—судебник¹, касающийся между прочим и земельной собственности, полтора десятка купчих на недвижимую собствен- ность и довольно значительное количество закладных и других юридических сделок с недвижимостью². Все эти документы дают нам возможность составить довольно ясную картину.

Наряду с a:lu=Ашшуром (или, точнее, в его составе)³, в средне-ассирийский период в окрестностях Ашшура имелось довольно значительное количество мелких поселений, также назы- вавшихся a:lu, имевших (подобно Ашшуру старо-ассирийского периода) свой совет из „великих“, во главе со „старостой“ (hazī'a:nu) вероятно с административными функциями⁴. Территория a:lu (т. е. общины) разделялась на собственно поселение (a:lu, qabal a:le), возделываемую площадь (ugar a:le), вне поселения (ina eqle)⁵, и запасную землю (qaqqar a:le=ager publicus,⁶ также kutallu=„задняя земля“, „пустошь“)⁷.

¹ KAV, №№ 1—6. Полностью издан в транскрипции и переводе у Driver and Miles, Assyrian Laws. Я оставляю в стороне спорный вопрос, является ли этот памятник законами в собственном смысле слова, или же неофициальным сборником обычного права или прецедентов. Копия Судебника, повидимому, относится к XII веку, см. E. F. Weidner, AfO XII, 1937, S. 46—54; там же дополнительные фрагменты текста Судебника.

² Издано в KAJ и частично в KAV. Частично обработано у Ebeling und David, Assyrische Rechtsurkunden и Ebeling, UAA, а также Koschaker, NKRA (толкование и выборочный перевод с транскрипцией).

³ То же полжение было и в других ассирийских городах, ср. KAJ 215.

⁴ Судебник (B) § 6.

⁵ KAJ 174; для значения „вне поселения“ для ina eqle (параллельно qabal a:le) ср. шумер. ganga || uga, акк. ina ce:ri, ina ki:di и капп. eqlam washa:bun „находиться вне города“.

⁶ Из существующих документов видно, что термин eqle надо пере- водить „поле“, „деланный (возделываемый) участок“; qaqqaru есть „земля вообще“, в частности „невозделываемая“ (напр. негодная, „бслая“ qaqqiri ra:ci'u:te—KAJ 174 и 175, на которой производится строительство.

Я произвожу ra:ci'u:te от $\sqrt{P}C^c$; Эбелинг сравнивает евр.-арам. re:ci:ha: „открытое место“; значение в обоих случаях „пустошь“. То же значение в ново-ассирийский период имеет термин qaqqar ri:ce: (ARU 335—36 и 344—50). Поэтому qaqqar a:le есть „невозделываемая, запасная земля общины“. Перевод Э. Эбелинга, UAA S. 55, qaqqar a:le как „городской участок“ не объясняет роли qaqqar a:le, как альтернативной замены отчуждаемого поля, и является совершенно произвольным: так, Эбелинг переводит l шу-ш i ke: eqle bi:te du-un-ni. (Э. читает bi:t du-un-ni) ad-ri i:dkiri: u₃ bu:re u₃ lu-u₃ qa-qa ar a:le ugar a:l bu-ur-ga-ta-ti—„60 ику поля, укрепленного злания, сада и колодца, либо городской участок, (либо) нива Бурратати“. На самом деле грамматически возможен только перевод: „60 ику поля, дома, дуппи, гумна, сада и колодца, или же запасной земли общины—возделываемая площадь общины Бурратати“. Этот пере- вод подтверждается и другими текстами. О dуппи см. ниже стр. 50 сл.

⁷ Ср. чередование терминов qaqqar a:le и kutallu в KAJ 147, 151 и др. и KAJ 152.

Из Судебника (В) § 5 мы знаем, что земельные участки обводились „большой межей товарищей“ (taxi:mi gab'i'u ша тарра'i), внутри которой имелись „жребии“ (ри:гу), обведенные „малыми межами“. В существующей литературе высказывалось мнение, что судебник в данном параграфе говорит о земле больших семей, внутри которых отдельные их члены имели свои жребии¹. Это мнение несправедливо, так как из документов² видно, что сами эти жребии были довольно крупными, и в пределах их существовали более мелкие отдельные участки. Следовательно, мы вправе предположить, что „большой межей“ обводилась земельная территория всей общины, а:lu³, которая и делилась на жребии. Согласно судебнику, злостное изменение „большой межи“ каралось 100 ударами палки, а „малой межи—50 ударами, плюс в обоих случаях штраф и месяц „царской работы“. 100 палок—самое тяжелое наказание этого рода, предусмотренное судебником.

Участки отдельных лиц и „больших семей“ были отчуждаемы, но в сделке не указывались, как правило, конкретные границы участка. Покупатель должен был купленный участок „выбрать и взять“ (inasaq ilaqqi)⁴; обычно предусматривалась также возможность, что из данной земли „он не будет удовлетворен“ (la: iwallim), и тогда ему должен был быть предоставлен соответствующий участок либо а) из другого участка, принадлежащего

¹ Driver and Miles, AL p. 303 сл.

² Так, в KAJ 164, например, продается „поле в жребии, который перед харибети“. Еще характернее KAJ 215 (издан только в автографии). Здесь перечисляется ряд земельных участков, размером от 2 „ику“ и выше, с их владельцами, и далее следует приписка: libbi ri:gu m. [d]A-шиг-[...]. Хотя здесь и употреблен знак BU₄ (PU₄), который, как идеограмма, читается bu:gu „колодец“, все же, я полагаю, возможно здесь принять фонетическое чтение В, PUR и перевести „внутри жребия (ри:гу) Ашшур—[...]а“; иной перевод не дает смысла. Следует перечисление еще нескольких участков, и затем опять приписка: „община.....хурибе в Ниневи, староста (или: градоначальник) Ашшур-.....ин“ (a: [d]A-шиг-[...]in ха-зи-а-пу). Аналогичный перечень жребиев—с нормальным написанием ри-и-гу—см. KAR 149 и ср. KAV 125—129.

³ Здесь и далее под а:lu мы будем понимать, в первую очередь, не город Ашшур, а сельские общины.

⁴ Условие относительно inasaq ilaqqi отсутствует в документах KAJ 148, 150, 154, 153 и 155 (из документов той категории, о которой сейчас идет речь). Но в документе KAJ 150 (в противоположность мнению Эбелинга, UAA S. 54) выбор земли был произведен заранее (ср. Кошкер, NKRA, S. 50), в KAJ 148 и 154 земля была, по крайней мере приблизительно, намечена, а в документах KAJ 153 и 155 данное условие все же налицо для альтернативного выбора земли из kutallu (в KAJ 153 в варианте: inasaq icabat iwallim, то есть „выберет, заберет, удовлетворится“). Таким образом, можно думать, что условие о праве выбора участка является всеобщим при продаже земли из общины. Ср. ниже.— В документе KAJ 150 nisqu означает не „отборный“, как полагает Эбелинг, а „выбранный“ (Кошкер, ук. соч. стр. 50)—участок ранее закладывался, и выбор был, следовательно, произведен уже раньше. Цена на этот участок—средняя (10 мин свинца за „ику“ поля).

продавцу¹, либо б) из „пустоши“ (kutallu)² или общинной запасной земли (qaqqar a:le)³.

Очевидно, земля—по крайней мере теоретически—подлежала периодическим переделам⁴, ибо иначе трудно объяснить, почему сразу нельзя было установить, какой именно конкретный участок приобретает покупатель. К тому же выводу подводит и тот факт, что „жребии“, на которые была разбита земля внутри „большой межи“, были неизменными⁵, расположение же конкретных участков отдельных владельцев на каждый данный момент было неопределенным.

Что же могло воспрепятствовать „удовлетворению“ покупателя из намеченной в сделке земли? Очевидно, могли быть возражения со стороны общины—не случайно альтернативно участок должен был предоставляться из запасной земли общины, распоряжаться которой отдельное лицо (продавец) или даже целая семья едва ли могли. (С этой же точки зрения следует, может быть, понимать обычную⁶ оговорку о том, что покупатель не имеет права выбирать участок с дорогой, общинным гумном, колодцем, арыком⁷, или препятствовать использованию этих и других общественных сооружений⁸, т. е., что сделка о продаже участка не должна служить к ущербу интересам коллектива в целом).

Пожалуй, во всех этих случаях о продаже земли можно говорить только условно. Хотя древние правоведы и формулировали эти сделки как сделки о продаже, однако по существу мы имеем здесь дело лишь с передачей права пользования⁹. Не только формально, но и фактически собственником здесь продолжает являться община. Правда, покупателю предоставляется преимущественное право выбора участка¹⁰ (в пределах семейного владения), однако окончательное решение о местоположении передаваемого участка, повидимому, принадлежало общине. Трудно

¹ КAJ 148, 154.

² КAJ 146, 151, 153, 155.

³ КAJ 152.

⁴ К такому выводу, повидимому, склоняется и Кошакер. Эбелинг даже не делает попытки объяснения текстов, ссылаясь лишь в общем виде на Кошакера, выводы которого он, однако, игнорирует в своих переводах.

⁵ Это видно из названий жребиев (ри:ли ша ritxi „жребий ямы“); сюда же ри:ли ша ра:пи ха:рибе:ти, если Эбелинг прав, считая ха:рибе:ти не собственным именем, а „пустыней“, а также из того, что упоминания соседних с участком „жребиев“ применяется для определения его местоположения, см. КAJ 148. „Жребии“ были нумерованные, см. КAJ 139.

⁶ Во всех купчих категории, о которой здесь идет речь, за исключением КAJ 148 и 150, ср. стр. 45 прим. 4.

⁷ КAJ 152, 153, 154, 155.

⁸ КAJ 146, 151.

⁹ Ср. сделки о продаже рабов, КAJ 169, 170, 171. Вообще, для ассирийского и вавилонского права характерно стремление подгонять более сложные юридические явления под более простые, например продажу в кредит и даже обет богу—под заем (А. П. Рифтин, СВД, стр. 37—38).

¹⁰ Глагол *pasa:qi*, применяемый также, как показал Кошакер, NKRA, S. 38—39, к праву старшего сына на выбор первой доли при дележе наследства (Судебник В § 1).

определить, могла ли община вообще возражать против совершения сделки, но, как кажется, таким правом она уже не пользовалась, судя по уверенности контрагентов в выделении участка из запасного земельного фонда общины в случае возражений против продажи первоначально предусмотренного участка. Положение члена общины в отношении общины, как верховного собственника, в смысле права отчуждения земли, аналогично—*mutatis mutandis*—положению эфмифевта.

Любопытно, что тексты постоянно указывают, является ли передаваемая земля наследственной долей продавца (*zittu*) или его покупкой (*šī'ama:tu*). Купленная отцом или дедом земля в следующих поколениях становится *zittu*, наследственной долей. По всей вероятности, разница заключалась в том, что *zittu* была частью нераздельного владения семьи, а *šī'ama:tu* находилась в личном владении приобретателя. Насколько можно судить по дошедшим документам, продажа *zittu* ничем не отличалась от продажи *šī'ama:tu* в смысле юридических последствий. Это еще раз подтверждает, что невозможность точно определить отчуждаемый участок зависит не от коллективной собственности семьи на него, как полагает Кошакер, а от верховной собственности общины.

Чрезвычайно существенен вопрос — входил ли покупатель земли в состав общины, или, наоборот, земля выбывала при продаже из состава общинного земельного фонда? Кошакер¹ склонялся к мнению, что верно последнее предположение, поскольку речь идет о рассматриваемой категории сделок. Вхождение покупателя в состав коллектива он видел лишь в тех сделках, где имеется условие, сформулированное „*uba'a ilaqqi*“, т. е. „он затребует и возьмет“. Сделки, о которых идет речь, представляют собой либо цессию, т. е. переуступку права (напр. на затребование долга), либо передачу права, например на очередь в пользовании царским участком земли. Стоящий особняком и имеющий ту же формулу документ KAJ 175 Кошакер также толкует как передачу права на участие в общем владении „большой семьи“.

С мнением Кошакера трудно согласиться, и ошибка, как мне кажется, заключается в том, что он видит в средне-ассирийских документах только один род *Liegenschaftsgemeinschaft*, „товарищества по владению недвижимостью“, а именно „большую семью“, в то время как на самом деле здесь на лицо два рода коллективов, а именно „большая семья“ и община². В самом деле,

¹ Ук. соч., стр. 48—49.

² Это видно и из ассирийского судебника, где различается член „большой семьи“, называемый „брат“ (*axi* (A) §§ 25, 43, (B) §§ 1—4), и член общины, называемый „товарищ“ (*tarra'u*, (B) § 8). Орошение являлось делом соседей, (B) §§ 17—18—что еще раз подтверждает правильность нашего вывода (см. выше стр. 46) о том, что именно интересы общины, а не семьи диктовали различные оговорки в купчих, в частности относительно общественных сооружений, среди которых упоминается оросительная „канавка“ (*zagu:qu*), KAJ 152, 154 и 155 (?) и „пересыхающее русло“ (*paḫiṭu*), KAJ 146 и 151.

отчуждаемый участок определяется, как расположенный „в наследственной доле“ (ina zitte) resp. „в покупной земле“ (ina ši'ama:te) продавца, но также в „земельном фонде общины такой-то“ (uga:ḡ a:le). Как уже указывалось выше, именно принадлежность участка к земле общины (а не только к земле „большой семьи“) является причиной того, что при продаже не могут быть указаны его границы; в случае наложения коллективом (общиной!) veto на „удовлетворение“ покупателя из предусмотренного сделкой участка, покупатель получает участок из запасной земли именно общины, что и показывает, какой именно коллектив имеет право наложить veto на выдачу участка.

Поэтому и остроумный юридический анализ Кошакера не позволяет сделать вывода, что документы с формулой inasaq ilaqqi предусматривают изъятие купленной земли из состава земельного фонда общины. В самом деле, купленная земля остается в составе uga:ḡ a:le, а это, как можно заключить из всего вышеизложенного, не является просто характеристикой местоположения. Полагаю, что покупка доли в общинной земле делала покупателя членом общины, несмотря на разницу, которая проводилась (в течение одного поколения) между „наследственной долей“ и „покупной землей“. И именно поэтому границы „покупной земли“ также не определяются в сделках, как и границы „наследственной доли“. Но, разумеется, покупатель не входил в состав „большой семьи“. Формула же „inasaq ilaqqi“, „он выберет и возьмет“, как и показал Кошакер, действительно предполагает выделение, но не из общины, а из „большой семьи“. Поэтому она же применяется, согласно § 1 Судебника (В, и вообще к разделу общей собственности „большой семьи“. В этом случае старший в семье „выбирает и берет“ первую, дополнительную долю, а остальное имущество делится поровну, по жребию.

В этой связи можно коснуться вопроса о происхождении средне-ассирийских общин. Все общины, упоминаемые дошедшими из Ашшура документами, находились в непосредственной близости от самого Ашшура¹ и в ряде случаев носили имена определенных лиц (a:lu ша Iḡinne², „община (некоего) Идинну“, a:lu ша Ii-ittilu, „община (некоего) Или-иттилу“, также уже с неощущаемой этимологией: ша Litilu³, и т. п.). Если добавить к этому, что в пределах „uga:ḡ a:le“ различались жребии (ru:ḡu), также называвшиеся по именам лиц⁴, то окажется вероятным,

¹ Это видно особенно ярко на примере одной из общин, a:l Zubate (Zubate), KAJ 174, см. RLA I, 3, S. 178, § 25.

² KAJ 164, 175 и др. Ср. a:lu ша Da:da, „община Дады“ KAJ 148.

³ KAJ 149, 154.

⁴ Так, напр., ru:ḡu ша Bu'īše, KAJ 154; ruḡ (!) m.[d.] A-šur-[...], KAJ 215. В других случаях „жребии“ назывались по местным предметам: „жребий ямы“, KAJ 148, „жребий у пустыни (?)“, KAJ 164; „(жребий) перед бурьяном“, KAJ 148. Ср. названия общин: a:l Gubbi-e:kalle „община дворцовой цистерны“, a:l Bu:ḡ-rata:te „община колодца с трубами“ (pas-

что общины эти восходят к „большим семьям“ со жребиями внутри них, согласно § 1 Судебника (В). В рассматриваемое же время в пределах этих общинных „жребиев“ уже имелись более мелкие „наследственные доли“ (zittu) членов „больших семей“¹.

Заслуживает внимания факт, что земельного фонда (uga:ru) непосредственно самой общины Ашшура не существовало. Это подтверждает наше мнение о том, что эта древняя община, в результате разрастания „больших семей“ и, вероятно, выноса поселений поближе к обрабатываемым участкам по мере роста государства и роста безопасности за стенами города, распалась на более мелкие сельские общины, возникшие из „больших семей“. Характерно, что, начиная с этой эпохи, мы встречаем для города Ашшура наименование a:l libbi a:le, т. е. „поселение (город) внутри общины“; быть может, это название восходит к периоду обособления города от сельской общины, окружавшей его.

В развитии соседских общин из „больших семей“ нет ничего невероятного². Существование сельских общин в ирригационных обществах зависит от условий производства, именно, от коллективного характера оросительных работ. Поэтому их дробление, филиация, создание новых общин на самых различных генетических основах теоретически вполне естественны, и нет надобности восточную общину всегда рассматривать как прямого потомка общины первобытной.

Естественным результатом вовлечения земельных участков в оборот был тот факт, что одно лицо и одна семья могли иметь землю в различных общинах³.

Архаичность описанной формы землевладения очевидна. Сельская община не только существует, но и фактически осуществляет право собственности на землю. В качестве владельцев или пользователей выступают еще, как общее правило, „большие семьи“⁴. Несомненно, что практика продажи или передачи земельных участков без указания их точных границ, при возможности замены их другими (которые лишь приблизительно могли быть равноценными) указывает на то, что вовлечение земли в оборот — явление для данного периода еще сравнительно недавнее. Оно не могло бы удержаться при большем развитии товарных отношений, как это и имело место в Вавилонии.

С другой стороны, документы показывают нам процесс усиленной скупки земли. В качестве покупателей земли из различных

sim), a:l Bi:bate „община дренажных труб“, KAJ 162. Последние названия дают, возможно, право заключить о наличии в это время в Ассирии кярризного орошения, на что мне любезно указал акад. В. В. Струве.

¹ KAJ 154, 164, 215.

² Аналогичное явление, повидимому, представляют вавилонские „семейные“ общины—bi:tu, известные из „кудурру“ касситского времени.

³ Семья ростовщиков Иддин-Кубе и Кидин-Адада, KAJ 179.

⁴ Все же наблюдается тенденция к дроблению этих семей. См. ниже, стр. 54—55.

общин мы встречаем ограниченный круг лиц — о части из них мы знаем, что это были ростовщики¹. Это также указывает на то, что архаические ассирийские земельные отношения в средне-ассирийский период находились в процессе явного разложения.

Наряду с описанным выше типом сделки о передаче земли, которую мы можем рассматривать как соответствующую нормальной форме крестьянского землевладения², документы показывают нам и другой тип.

В документах этой категории фиксируется продажа уже не отдельных полей, а целых усадеб: „поле, гумно, qaqqar a:le больше или меньше, (и) колодец“³, „дом, duppi, ... сады, колодцы ... qaqqar a:le и ...“⁴, „поле, дом, duppi, гумно, сад, колодец, или же qaqqar a:le“⁵, „поле, duppi, гумно, сад, колодец“⁶, „поле, duppi и гумно“⁷, „гумно или же [qaqqar a:le], сад, ...“⁸.

Имеются и аналогичные закладные.

Размеры продаваемых участков в этой категории сделок больше: если в документах первой категории наиболее обычен размер 10 „ику“, то в данных документах встречаются размеры участков в 60 „ику“ (18 га)⁹, свыше 80 „ику“ (свыше 25 га)¹⁰, 100 „ику“ (30 га)¹¹ и целое имение, стоимостью в 34 таланта свинца (?)¹², что, при средней стоимости земли около 30 мин за гектар, соответствует размеру участка в 65—70 га (почти 200 „ику“).

Наряду с этим, встречаются, правда, и участки небольшого размера¹³.

Следует остановиться на термине duppi, неоднократно встречающемся в этих документах.

По мнению Кошакера¹⁴, которому следует и Эбелинг, в документах встречается написание du-un-nu без детерминатива, а также с детерминативами дома (^{bi}:du-un-nu) и „города“ (^a:du-un-nu).

¹ Таковы Иддин-Кубе и его сын Кидин-Алад, скупающие землю, как видно из многих документов.

² Размеры участков: 5 „ику“ (несколько более $1\frac{1}{2}$ га) — КAJ 154; 8 „ику“ ($2\frac{1}{4}$ га) — КAJ 151; 10 „ику“ (3 га) — КAJ 148, 150, 152; 12 „ику“ ($3\frac{3}{4}$ га) — КAJ 153; 30 „ику“ (9 га) — КAJ 146; 32 „ику“ ($9\frac{1}{2}$ га) — КAJ 155.

³ КAJ 149.

⁴ КAJ 156.

⁵ КAJ 160.

⁶ КAJ 162.

⁷ КAJ 177.

⁸ КAJ 147.

⁹ КAJ 160.

¹⁰ КAJ 147.

¹¹ КAJ 177.

¹² КAJ 156.

¹³ КAJ 149, КAJ 176 — по 3 „ику“.

¹⁴ NKRA, S. 45¹.

Это не совсем верно. Термин *dunpu* не встречался мне с детерминативом ^{a:l}, а лишь в сочетании *a:l dunne¹*, т. е. „поселение (с) *dunpu*“. Вместо ^{bi:tu}*du-un-ni*, вероятно, надо читать *bi:tu dunpu* („дом и *dunpu*“ с бессоюзным сочинением)².

С другой стороны, термин *a:l dunne*, повидимому, равнозначен с *dunpu*. По крайней мере, эти два термина безразлично употребляются для определения места происхождения некоторых лиц, упоминаемых в документах; при этом сам *dunpu* или *a:l dunne* определяется по лицу—владельцу или основателю. Так, в КAJ 53 говорится о „Г. и Х., сыновьях З. из *dunpu* (некоего) Эрабу, саразийца“, в КAJ 100—о „Д., дочери Асусии из *a:l dunne* Асусии“, в КAJ 101—об „А., сыне Б., жреце из *dunpu* царского города“,³ и об „А., сыне А., из *dunpu* Нинуайи“ (т. е. ниневитянина); в КAJ 175—о „земле (*qaqqu*), ... в которой (расположен) *a:l dunne* Б., сына Б“.

Я думаю, что прав Кошакер, который, связывая по содержанию термин *dunpu* с термином *dimtu* (букв. „башня“) в текстах из Нузу⁴, переводит *dunpu* как *Gehöft*, двор, комплекс хозяйственных и жилых построек, обнесенный—как можно заключить из этимологии слова (от $\sqrt{\text{dnp}}$ „быть крепким“) — стеной. Тексты подтверждают это предположение. Из КAJ 20 мы узнаем, что к *dunpu* относился „наружный двор“ и „ворота“ (букв. „выходы“—*bi:tu du-un-ni-ши* [*a-di?*] *tar-ba-ци-ша ти-ца-i-ша*), а из КAJ 175—где упоминаются также „цистерна“ и „ворота для (?) скота“—*ти-ца-е-ш*[*a?* ш]₂(?) *bu-le*—узнаем, что *a:l dunne* строился „на белой (т. е. бесплодной?) земле“ (*i-па qa-qi₂-ti* *ра-ци-и-ti*). Такие укрепленные дворы, естественно, чаще встречались в составе крупных усадеб.

В документах этой второй категории формула „он выберет и возьмет“ не встречается. Это и естественно, так как в данных сделках речь идет о вполне определенных участках; гумно, колодец сами по себе служили достаточными вехами, точно также и *dunpu*, поскольку ссылка на него являлась достаточной характеристикой местожительства. Характерно, что если в сделках первой категории специально оговаривается неприкосновенность гумна, дороги, оросительных сооружений и т. д., то в документах данной категории, напротив, гумно, колодец и т. п. входят

¹ КAJ 100, 110, 175; см. в особенности КAJ 175: „ша *li-bi-ша a:l du-un-ni ша N*“—„внутри которого *a:l dunne* (Nominativ!) такого-то“.

² Ср. *eqlu dunnu* („поле и *dunnu*“) КAJ 162, 176; *eqlu bi:tu dunnu* („поле, дом и *dunpu*“), КAJ 160; *dunnu qaqqar a:li-ши* (*dunnu* и запасная земля его общины“), КAJ 53, 15. Поэтому и *bi:tu dunpu-ши*, КAJ 20,8, надо понимать, как „дом и *dunpu* его“.

³ ша *du-un-ni ша a:l шаргу-te*. „Царскими городами“ назывались столицы наместничеств, см. E. Forrer, *Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches*, S. 44—о гор. Атлила.

⁴ NKRA, S. 63².

в состав передаваемой усадьбы. Повидимому, более крупные усадьбы были постоянными и уже не переделывались (хотя вообще передел земли, видимо, еще недавно не был лишь чисто теоретической возможностью, что видно из факта ведения учета „жребиев“)¹. Связь с общиной видна, однако, и здесь в том, что в числе передаваемого имущества упоминается и *qaqqaq a:le*, запасная земля общины.

При этом важно отметить, что из четырех купчих этой категории, в которых упоминается *qaqqaq a:le*², в двух *qaqqaq a:le* упоминается альтернативно (вместо гумна, герс. гумна, сада и колодца), в третьей—с оговоркой „меньше или больше“ (*e:cu u: ta'du*)³, т. е. размер выделяемой из запасного фонда земли не может быть определен контрагентами⁴. Четвертая сделка слишком фрагментирована, чтобы можно было судить о контексте. Таким образом, и в этих сделках участок выделяется из территории общины, обрабатываемая земля (*uca:gu*) которой указывается и в этой категории сделок⁵. Конечно, когда речь идет о *qaqqaq a:le*, то это можно понимать только как долю в пользовании им.

Итак, на земле общины могли возникать сплоченные имения, явно уже обычно не переделывавшиеся⁶. Эти имения могли быть семейными и носить название *bi:tu*—„дом“⁷—термин, повидимому, применявшийся, собственно, к большесемейной общине. Так, в документах КAJ 172 и КAJ 173 говорится о земле в „доме“ Буршарри и в „доме“ Муштепишили, сына Мар-Идиклата. Этот Буршарри тождественен с Буршарри, сыном Белии, упоминаемым в КAJ 175 и имевшим *a:l dunne* на земле своего брата Заммуи. В том же документе упоминается и Мар-Идиклат (возможно, тот же, что и в документе КAJ 173), принадлежавший, видимо, к тому же семейству.

¹ КAJ 215, KAR 149, QAV 125—129.

² КAJ 147, 160, 149 и 156.

³ В этой формулировке нельзя видеть аналогии старо-ассирийской *caher gabi*—„от мала до велика“, т. к. в последней употреблен *status indeterminatus* обобщающего значения, и нет союза.

⁴ Аналогично в КAJ 16), где, повидимому, восстанавливается условие: [*ibashi u: lashi*]—ша К.—„налицо или нет“—(всё это) принадлежит К. (покупателю)⁴, т. е. продавец не отвечает за то, что покупатель получит в точности то имущество, о котором говорит сделка. Весьма вероятно, что в подобных сделках речь идет вообще не о выделении конкретного участка из запасной земли общины, а лишь о праве на участие в пользовании этой землей.

⁵ За исключением документа КAJ 177, о котором ниже.

⁶ Граница такого имения служит для определения местоположения, напр., КAJ 148.

⁷ *A:l du-ni sha A-su-si-ja* в КAJ 100—очевидно то же, что *bi:t A-zu-zi-ja* в КAJ 20. Ср. термин *bi:tu*—„семейное имение“>„община“ в „кудурру“ касситского времени. *Bi:tu* применяется и к совместному хозяйству „неразделенных братьев“.

Судьбу этой семьи и ее земельных владений в общине Идинну¹ мы можем проследить по ряду документов². Родоначальником ее был некто Белия, имевший нескольких сыновей—Замму, Буршарри, Кубеэреша. Сыновья имели (в пределах семейного владения) свои участки и дома. Так, Заммуя обменял „большой открытый двор“ на „бесплодную землю“ своего брата Кубеэреша. На этой земле имелся a:l dunne другого брата,

¹ Идинну—имя лица.

² КАJ 175, 164, 172 и, возможно, 173. Из них КАJ 175,—документ, неважно сохранившийся и трудный для понимания, имеет смысл привести целиком, т. к. восстановление и перевод Эбелинга нельзя признать удачными: „kunik ^mA-bi-ilu kunuk ^mKi-din-^dAdad i-na qa-qi₂-ri ra-^{ci}-u₂-ti e-be-er-ta-an ugar a:le ша l-din-ni ша ^mKu-bi-e:resh ma:r Be-li-ja ki-i-mu-u₂ tar-ba-^{ci} rabe:^e a-na шу-pa-ul-ti a-na ^mZa-am-mu-ja ma:r Be-li-ja a-xi-шу id-di-nu i-na qa-qi₂-ri шу-a-tum ша li-bi-ша a:l du-un-ni ша ^{md}Bur-sharri ma:r Be-li-ja [q]a(?)-qi₂-r[i](?) li-bi₂ ^mZa-am-mu-ja axi-шу [ш]a ja-al-ar-xi [a-d]i му-ца-e-[ш]a! ша₂ (?) bu-le [ша(?) ax]xe:^{mesu} ^mZa-am-mu-ja-ma [ш]a i-na bit ^mZa-am-mu-ja-ma i-na zitte ^mItti ili-bala:ti a-bi-шу [zitt]ti ^mA-bi-ilu u₃ ^mKi-din-^dAdad [ma:re:]^{mesu} ^mItti-ili-bala:ti ma:r Za-am-mu-ja ina qa-qa-ri am-mi-e-ma [q]a!-[q]a-[ar] ш[i(!)-a]-ma-at [Ma:r-Idiqlat ?] ma:r Itti-ili-bala:ti [ш]a (?) il-qi-u₂-шу-ni ma:r (?) вм. ша?) Ma:r-^dIdiqlat i-ша-mu-u₂-ni ^mKi-din-Adad-ma i-ti-din qa-qa-ra шу-a-tu a-na шi-mi a-na шi-mi... A-bi-ilu u₃ ^mKidin-^dAdad ma:re:^{mesu} Itti-ili-bala:ti a-na ^mNa-xi-iш-шал-me ma:r A-xu-ta:b i-di-nu-ma u₂-шар-pi-u₂ annaka шi-im qa-qa-<ri>-шу-nu ^mA-bi-ilu u₃ ^mKi-din-^dAdad ma-ax-ru ap-lu zak-ku-u₂ qa-qa-ra шу-a-tum ki-i-mu-u₂ ^mA-bi-i-lu-u₃ ^mKi-din-^dAdad ^mNa-xi-iш-шал-mu u₂-ba-a'-wa u₃ i-laq-qi.“—„Печать Абиилу. Печать Кидин-Адада. (Земля) из бесплодной земли по ту сторону (реки) (ebērtan — наречие, не относится к последующему?)—земельная площадь общины Идинну,—которую Кубеэреш, сын Белии, отдал в обмен на большой двор Заммуе, сыну Белии, своему брату—из этой земли посреди которой—a:l dunne Буршарри, сына Белии, земля (?) внутри (земли) Заммуи, его брата,—у (?) цистерны (едва-ли umzaghi, как читает Эбелинг, ук. соч., стр. 71; к переводу „цистерна“—ja:rhu ср. ARU 210, 26, IAK I, стр. 38—39) с выходами ее для (?) скота—(принадлежавшая) братьям Заммуи-же, что в имени (букв. „доме“—bitu) Заммуи-же, из наследственной доли Иттилибалати, их отца, (есть) наследственная доля Абиилу и Кидин-Адада, сыновей Иттилибалати, сына Заммуи; из той же земли—земля, покупка [Мар-идиклата?], сына Иттилибалати, которую они взяли, а купил сын (?) Мар-Идиклата (или: Мар-Идиклат)—Кидин-Адад же (эту землю) отдал. Эту землю за цену, за полную (?) цену Абиилу и Кидин-Адад, сыновья Иттилибалати,—Нахишшальму, сыну Ахутаба, отдали и передали; свинец, цену их земли, Абиилу и Кидин-Адад получили, удовлетворились, приобрели (=обычная форма купчей! — И. Д.). Эту землю вместо Абиилу и Кидин-Адада Нахишшальму затребует и возьмет“. Формула „затребует и возьмет“, по моему мнению, относится только к той части документа, где говорится о земле, купленной сыном (?) Мар-Идиклата, которая затем перешла к А. и К., причем К. затем „отдал“ ее (в аренду?). Поэтому в этой части сделка представляет лишь передачу права, отсюда и формула uba'a ilaqqi. Трудно предположить (как, повидимому, думает Кошакер, ук. соч. стр. 48), что покупатель земли Нахишшальму входит в силу этой формулы в состав „большой семьи“ продавцов.

Буршарри, и другое имущество братьев Заммуи, но все это считалось „домом“ Заммуи—очевидно, старшего из братьев.

Возможно, имелась и еще земля, но именно перечисленное имущество вошло в наследственную долю Иттиилибалати, сына Заммуи, а затем перешло к его сыновьям. К этой же земле относился также участок, купленный Мар-Идиклатом, сыном(?) Иттиилибалати, и также перешедший к сыновьям Заммуи. Иттиилибалати прикупил также 14 „ику“ поля, принадлежавших сыновьям его дяди Кубеэреша.

Затем в экономическом положении семьи произошли изменения, и земля потомства Белии начинает переходить в руки соседней семьи Ахутаба и его сына Нахишшальму. Так, Ахутаб приобретает часть земли „дома“ Буршарри (уже успевшую перейти в руки одного из сыновей известного богача Риш-Набиу)¹; сын его, Нахишшальму, скупает у двух сыновей Иттиилибалати их наследство—из „бесплодной земли“, вымененной Заммуей, вместе с прочим имуществом, и землей, купленной в свое время Мар-Идиклатом². Затем у внука Иттиилибалати он скупает 14 „ику“ поля, купленные последним³. Тем временем и из „дома“ Мар-Идиклата часть земли перешла в чужие руки⁴.

Надо заметить, что и сама община Идинну, на земле которой семья Белии и его потомков имела свои „дома“, по всей вероятности возникла из такого же „дома“⁵.

На примере истории дома Белии и дома Ахутаба ясны основные черты ассирийского землевладения. Мы видим здесь и создание семейных „домов“—имений с неразделенным семейным владением („дом“ Заммуи, вероятно старшего брата, с имуществом его братьев в пределах „дома“) и дробление семьи, и постройку a:l dippe, и постепенное обеднение семьи с распродажей ее земельных владений, и скупку соседних участков более богатой семьей. Последнее явление еще ярче видно на примере семейства ростовщиков, потомков Риш-Набиу, скупающих целый ряд участков беднеющих семей⁶. Последних мы знаем по документам несколько—таковы семья Апапы⁷, Марумэшра⁸, Игаяу⁹ и упомянутая семья Белии. Характерно, что обеднение мы чаще всего встречаем там, где узы „большой семьи“ крепче, где еще имеется полностью или пережиточно семейное владение, то есть, очевидно, в крестьянской среде. Напротив, в отношении скупщиков земли мы знаем лишь о переходе владения—вполне индивидуального—от отца к сыну; таковы скупщики Ахутаб и его сын Нахишшальму,

¹ КAJ 172.

² КAJ 175.

³ КAJ 164.

⁴ КAJ 173.

⁵ См. выше, стр. 48.

⁶ КAJ 143, 150, 157, 160, 165 и др.

⁷ КAJ 146, 153, 155, 160.

⁸ КAJ 150, 152.

⁹ КAJ 147, 149, 165.

таковы Риш-Набиу, его сын Иддин-Кубе и внук Кидин-Адад¹. Также характерно, что причиной передачи земли, как в некоторых случаях можно с точностью установить, являются долги², и что скупщиками являются ростовщики. Заем под залог земли является в эту эпоху очень распространенным³, причем в некоторых случаях залог немедленно отдается в пользование кредитора, а в случае неуплаты долга в срок, как правило, окончательно переходит в его собственность.

Поскольку в качестве скупщиков земли, создателей имений, выступают люди состоятельные и влиятельные, постольку понятно, что крестьянская община бессильна против них; понятно поэтому, почему „дома“-имения, очевидно, не поступают в передел.

В составе „дома“ (bi:tu) имелась (или, во всяком случае, могла иметься) „доля дворца“ (zitti e:kalle). Характер и происхождение этой „доли“ остаются для меня неясными. Трудно предположить, что дворец (т. е. царь) имел право наследования после своих подданных (например, выморочного имущества): при условии существования „больших семей“ случай смерти без наследника должен был быть крайне редким. К тому же, в двух из случаев, в которых документы упоминают „долю дворца“ (речь идет о „доме“ Буршарри и „доме“ Шамашамери), мы с полной уверенностью можем сказать, что эта „доля“—в „доме“ человека, имевшего в одном случае племянников и других родных, а в другом—сыновей⁴. Да и речь идет не о наследстве Буршарри и Шамашамери, а только о „доле“ в их „доме“. Сомнительным кажется мне и предположение Кошакера⁵, согласно которому „доля дворца“ создавалась в порядке § 3 Судебника (B). В этом параграфе говорится, что в случае бегства одного из членов большой семьи (очевидно, для уклонения от повинностей) „царь может поступить с его долей, как захочет“. Во всяком случае, если принять это объяснение, то придется предположить, что такие случаи бегства имели массовое распространение, так как до нас дошло целых четыре документа, касающихся zitti e:kalle⁶.

¹ Семейное владение имелось, однако, у скупщиков из семьи Бельшуну, KAJ 151, 152, 153, 154, 155.

² KAJ 150, 165.

³ См. ниже, стр. 68 сл.

⁴ Для Буршарри—ср. KAJ 175, для Шамашамери ср. KAJ 1.

⁵ NKRA, S. 44.

⁶ KAJ 172, 163, 183 и KAV 210. Предположительно сюда же относит Кошакер (ук. соч. стр. 44³) и темный документ KAJ 10, перевод которого приводим:—„С 1 дня месяца сипу, в эпонимат Курбани, сына Рише, сына Ибашшиилу, Парпараяу и братья его, сыновья Амуррунасира, сына Ашшурикиши, поле и то, что внутри поселения разделили, приобрели; ответственность перед (возможным) истцом друг за друга они не будут нести. Дом Ададшарри, доля Эрибтаяу и (других) сыновей Курбани. Печать Парпараяу, печать Эрибтаяу и сыновей Курбани“. Печать Эрибтаяу и его братьев, приложенная к документу, выражает их согласие на сделку. Кошакер полагает, что „доля“ Эрибтаяу

Следует обратить внимание на тот факт, что если в КАЖ 172 говорится о „zitti e:kalle“, „доле дворца“, а в КАВ 210 и КАЖ 173 сказано точнее: zitti e:kalle adi ше:’иша „доля дворца с ее зерном“, т. е. доходами, то в КАЖ 183 говорится только о ше:’иша zitti e:kalle—„зерне (т. е. доходе) доли дворца“, — доходе, передаваемом царем некоему лицу. Напрашивается вопрос—если это лицо получало только доход от „доли дворца“, то кто же имел самую „долю“, и какое она для того имела значение, если она не давала ему дохода? Не была ли „доля дворца“—участком земли, который члены общины или „дома“ должны были обрабатывать в пользу царя¹?

Так или иначе, земельные владения царя не ограничивались, повидимому, „долей дворца“. Так, нам известно, что в царском хозяйстве имелись начальник пастухов (na:qidu), управляющий орошением (za:riqu) и начальник садов (ame:l kire:)². Под садами, очевидно, разумеются сады „внутреннего города“ (a:l libbi a:le), неоднократно упоминаемые царскими надписями³ и расположенные, повидимому, в северной части города Ашшура⁴.

В хозяйственных документах часто упоминается скот⁵, правда, по большей части в виде приношений (namurtu) наместников областей и других (должностных?) лиц, а также хлеб⁶, виноград⁷ и др.

Существенно важно было бы выяснить, каково было взаимоотношение между дворцовым и храмовым хозяйством, а также их взаимоотношения с „домом города“ (bi:t a:le), который продолжал

и его братьев, быть может, есть „доля дворца“, переданная в пользование Эрибтаяу. Последний, как и его отец Курбанни, был крупным должностным лицом, т. к. оба они занимали должность эпонима—„i:’iti“ (КАЖ 10, 159). Менее вероятно, что это доля, купленная одним из предков Э. со вхождением в „дом“ продавцов. Следует заметить, что сам Парпараяу находился, как указывает Кошакер на основании документов КАЖ 8 и 174, в отдаленном родстве с царским домом, что, может быть, и объясняет наличие „наследственной доли дворца“ на земле его семьи, если толкование Кошакера правильно, и дворец являлся действительным наследником.

¹ Аналогии этому в странах „классического“ древнего Востока мне неизвестно. Подобная система, по крайней мере теоретически, существовала в древнем Китае (система „колодезных полей“, см. Н. А. Шолпоу В. В. Струве, История древнего Востока, 1940, стр. 433). Ср. однако другую возможность объяснения происхождения „доли дворца“ выше, стр. 55 (как выморочной доли).

² Ebeling, UAA, S. 28.

³ IAK I, S. 38—39, 80—81, 104—105.

⁴ RLA I, 3, S. 193, § 66.

⁵ КАЖ 185—195, 197, 198, 200—214, 222, 224, 225, 230, 235, 237, 238, 240, 254, 261, 264, 265, 267, 271, 278, 280—284, 286, 288, 289, 291, 296, 301, 311—314.

⁶ КАЖ 216—221, 226, 233, 234, 236, 242, 262, 263, 269, 292, 308, 317, 318.

⁷ КАЖ 227, 232, 290. Все хозяйственные документы из средне-ассирийского царского хозяйства необходимо подвергнуть специальному исследованию.

существовать¹. Из царских надписей и хозяйственных документов, упоминающих различные хозяйственные учреждения („дом хлебопеков“, „дом конюшень“ и т. п.) невозможно пока с точностью установить, какие именно из них относятся к царскому хозяйству и какие — к храмовым. Что храмы были достаточно самостоятельны и сильны, видно из § 1 (А) ассирийского Судебника, согласно которому дела о краже из храма решались не обычным судом, а оракулом. Однако, как и для старо-ассирийского периода, прямых данных о храмовой собственности у нас нет².

Подобно тому, что имело место в Вавилонии, начиная с древнейших времен и вплоть до времен ислама³, а также в ново-ассирийский период в самой Ассирии⁴, также и в средне-ассирийский период существовала практика выделения земельных наделов⁵ должностным лицам за их службу. Так же, с моей точки зрения, надо толковать упомянутые выше документы о передаче царем доходов от „доли дворца“ и самих этих „долей“. Как показал Кошакер, такие наделы не были наследственными⁶. Любопытно, что подобные наделы могли покупаться у царя третьими лицами; в одном документе⁷ царевич Ашшурбаллит продает некому лицу право на очередь на занятие надела.

¹ Мера дома городского совета — *passim* в заемных сделках.

² RLA I, 3, S. 191—193.

Мы знаем, однако, что лицам, „посвященным“ тому или иному богу, выделялась земельная собственность, возвращавшаяся по смерти „посвященного“ в его семью. См. KAJ 179, где „посвященный“ — сын известного ростовщика Иддин-Кубе, некто Кидин-Адад, сам также крупный ростовщик.

³ И. М. Дьяконов, Письмо к шумерскому царю Шу-Сину, ВДИ 1939, 1 (6), стр. 60¹ и 64; А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX веков, Труды I сессии Ассоциации арабистов, стр. 47—48.

⁴ См. ниже, стр. 126 сл.

⁵ В документе KAJ 177 „укуллу“ Ашшурнерари III передает (или продает?) некоему лицу имение, размером 105 „ику“, предоставленное его предшественником, „укуллу“ Ашшурраби, другому лицу. Согласно KAJ 162, „укуллу“ Ашшурбелнишешу предоставил некоему придворному или должностному лицу Ш. два участка земли, в том числе один типа имения; получивший эти участки заложил их. В случае если (очевидно, при неуплате долга) заложенное имущество перейдет к кредитору И., то, согласно распоряжению царя „укуллу“, тот обязан продать его за деньги указанному царем лицу А. (а именно, владельцу „дома“, где расположены участки). Из этого документа вытекают три интересных вывода: 1) выданный царем надел мог закладываться (в противоположность вавилонскому порядку, Кодекс Хаммурапи, §§ 26—41), 2) царь сохранял право собственности на надел и мог его отчуждать по своему усмотрению, или указывать, кому он должен быть продан; 3) царь выступает в этих случаях в функции „укуллу“.

Кошакер (ук. соч., стр. 46) толкует этот документ несколько иначе. Он полагает, что А. является кредитором, а И. — лицом, имеющим очередное право на надел (как в KAJ 160). Это, однако, не меняет наших выводов.

⁶ NKRA, S. 46.

⁷ KAJ 160.

Имеющиеся документы говорят только о наделах, выделяемых из „доли дворца“ или из *uga:ti* общин; выделялись ли они также и из собственной царской земли—неизвестно.

В этой связи интересно отметить, что царь, таким образом, мог непосредственно распоряжаться землей общин. Вообще все сделки¹ о передаче земли заканчиваются формулой „поле он (продавец) освободит (имеется в виду—от претензий третьих лиц), измерит (землемерной) веревкой царя и перед царем напишет „крепкую таблетку“, т. е. окончательный документ² (*eqla uzakka, ina ashal sharre imaddad u: durra dannata ina ra:ni sharre ishattar*). Кошакер справедливо отмечает связь этой формулы с § 6 ассирийского Судебника (B), согласно которому в случае продажи недвижимой собственности проводится официальное оповещение о состоявшейся продаже, с целью выявить возможных лиц, имеющих на данную собственность претензии. В случае необнаружения в течение определенного срока сторонних претензий, этот факт удостоверяется особой коллегией, состоящей из представителей царя и *a:lu*.

В чем заключается причина заинтересованности царя в сделках с недвижимостью? Повидимому, как и в старо-ассирийский период, он ведал землеустройством. Кроме того, передача земельных участков должна была отражаться на повинностях, о чем речь будет ниже. Документы свидетельствуют об огромном росте значения правителя по сравнению со старо-ассирийской эпохой.

Правда, в случаях распоряжения землей, как указано выше, царь выступает в своей функции „укуллу“, а „укуллу“, как уже упоминалось, не обязательно был царем. Я не думаю, что здесь царь уже является верховным собственником земли; скорее он выступает в качестве представителя Ашшурской общины—государства, как первоначально действительного собственника всей земли; однако, ввиду усилившейся мощи и значения царя и его самостоятельности от общины Ашшура, можно думать, что фактическое право царя распоряжаться землей переросло в право собственности. Однако же еще и в ново-ассирийскую эпоху формально считалось, что царь имеет право распоряжаться землей и повинностями, связанными с ней, не в своем качестве царя, как такового, а лишь в функции „укуллу“, т. е., очевидно, представителя государства (см. ниже, стр. 128). Это известное разграничение между царским и государственным характерно для Ассирии и вовсе чуждо Вавилонии.

¹ За исключением документов с условием *iba'a ilaqqi* и документов КAJ 162 (исходящего от царевича) и 164 (где продается не земля, а лишь документы на эту землю). В документах КAJ 156, 174 и 176 конец текста не сохранился.

² Тот же термин известен и старо-ассирийскому периоду. Здесь средне-ассирийскому термину *durru dannatu ina ra:ni sharre* „крепкая таблетка перед царем“ характерным образом соответствует *durrim dannutu sha a:lim* „крепкая таблетка городской общины“. См. Кошакер, ук. соч., стр. 32^b.

Все вышеизложенное позволяет реконструировать следующую картину землеустройства в средне-ассирийский период (помимо документально не засвидетельствованной храмовой и царской земли): в пределах территории той или иной городской общины имеется целый ряд сельских общин, являющихся собственниками всего земельного фонда, разделяемого на: 1) обрабатываемую землю, поделенную на жребии, внутри которых имеются доли отдельных членов общины, и которые—по крайней мере теоретически—подлежат периодическим переделам, 2) запасную землю (выгон?), на пользование долей в которой члены общины имеют право, и 3) землю внутри поселения, где имеются дома членов общины.

Земля уже поступила в оборот; происходит скупка земельных участков и создание большесемейных и индивидуальных имений, с выселением владельцев и зависимых от них лиц на территорию этих имений, в укрепленные дворы (a:l duppe).

Крестьянство в основном держится „большими (неразделенными) семьями“¹, которые, однако, постепенно распадаются.

В пределах „домов“ царь, возможно, имеет право сохранять за собой „долю“, доход с которой поступает ему или уступается кому-либо из должностных лиц в качестве кормления за службу, и может быть передан третьим лицам. Нам неизвестно распределялись ли, и как именно, эти „царские доли“ в пределах общины; как будет видно из дальнейшего, община в целом была обязана государству повинностями и, вероятно, также натуральными податями.

Аналогичные условия существовали и в соседних с Ассирией областях. Из одной такой области—Аррапхи на притоке р. Адема, вокруг современного города Керкука—до нас дошли семейные деловые архивы документов², датируемые, скорее всего, XV—XIV веками (в это время хуррийцы—жители Аррапхи управлялись то местными царьками, то касситскими наместниками, и находились во враждебных отношениях с Ассирией). Характернейшими документами из Керкука являются сделки купли-продажи, совершаемые под видом усыновлений. Усыновление на древнем Востоке бывало двоякого рода и преследовало две различные цели: либо приобретение в дом работника, либо приобретение наследника, который поддерживал бы после смерти родителей культ предков

¹ Как характерную особенность ассирийского семейного быта следует отметить существование „матрилокального“ брака, что засвидетельствовано §§ 35 Судебника.

² Точнее—из Аррапхи (Керкука) и Нузу (Йорган-тепе), а также ряда более мелких поселений. Издания таблесток из раскопок American Schools of Oriental Research in Baghdad и Iraq Museum—Chiera, Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi, Publications of the Baghdad School, Texts I—V; Chiera, Pfeiffer and Meek в V, IX, и X томах Harvard Semitic Series; отдельные тексты: Gadd, Tablets from Kerkuk (RA XXIII, p. 49—161); TCL IX, 1—46; остальные публикации разбросаны по различным изданиям. Документы из Керкука имеются и в собраниях СССР.

и родовых богов, и тем самым, по верованию древних, обеспечивал умершим членам рода загробную жизнь. Однако в Керкукских документах в качестве усыновляемых оказываются, главным образом, зажиточные люди, при этом в одном случае некий Техиптилла усыновлялся различными лицами... более 100 раз. Усыновитель получал от усыновляемого „подарок“, стоимостью пропорционально размерам его земельного участка. Характерны оговорки в сделках об усыновлении: „если (усыновитель) умрет, то он может его не оплакивать, и если пропадет, то он может его не разыскивать“, или же: „на надел, связанный с повинностью и на богов (усыновителя) (усыновляемый) не имеет прав“. Таким образом, мы имеем перед собой концентрацию земельной собственности вопреки существующему запрету на отчуждение земли. Однако этот запрет уже стал в данный период совершенно фиктивным: фактическое положение вещей было признано судами, и споры по этому поводу разрешались ими согласно с существовавшей практикой.

Итак, в соседней Аррапхе мы встречаем такую же общину, что и в Ассирии, примерно на той же стадии разложения, хотя и проявляющегося в иной форме¹. Община эта была, очевидно, соседской². Неразделенные семьи и другие особенности крестьянского хозяйства Ассирии встречались и в Аррапхе. Надо отметить также существование отдельных поселений, так называемых „башен“, называвшихся, подобно ассирийским „a:l dunne“, по имени того или иного лица.

III

Уже из предыдущего выяснились некоторые черты производственных отношений в сельском хозяйстве средне-ассирийского периода. В дальнейшем мы сможем подробнее остановиться на взаимоотношениях, слагавшихся между членами общины, между знатью и рядовыми крестьянами, владевшими землями, о которых шла речь выше, а также на их взаимоотношениях с общиной

¹ Кошакер полагает, что речь идет только о продаже „ленов“, т. е. наделов, даваемых за (воинскую) службу, которые и в Вавилонии, согласно §§ 28, 29, 35 Кодекса Хаммурапи, были неотчуждаемы. Однако всеобщий характер псевдо-усыновлений и отсутствие каких бы то ни было иных форм отчуждения недвижимости делает такое толкование мало вероятным, что заметил и сам Кошакер (ук. соч., стр. 61^b); что касается повинности (ilku), о которой в ряде случаев идет речь, как о связанной с данным земельным участком, то нет необходимости рассматривать ее, как повинность, связанную с наделом, даруемым за службу; это может быть, как и в Ассирии, ilku ша a:l a:ju:te „общинная повинность“. См. ниже, стр. 71 сл. Массовое распространение псевдо-усыновлений свидетельствует, между прочим, также об обеднении и разорении крестьянства.

² Так, оплата происходила через передачу цены поля свидетелям, которые также „межевали поле“ и были, очевидно, соседями. См. Кошакер, ук. соч., стр. 67 сл.

в целом и царем. Сейчас же мы остановимся на вопросе о рабстве в средне-ассирийский период.

В числе многочисленных деловых документов этого времени дошло всего пол-десяток документов, касающихся рабов¹. Само по себе это еще не означает, что рабов было мало, или что они редко покупались и продавались, т. к. подобные сделки, возможно, могли заключаться и устно. Однако и другие данные подтверждают мнение о том, что в сельском хозяйстве рабов было мало. Если мы не встречаем рабов в числе различного закладываемого под заем имущества², то это еще можно бы объяснить тем, что заем берут преимущественно обедневшие и близкие к разорению крестьяне. Однако в документе КАЈ 9 муж,—видимо, зажиточный человек,—выделяет долю жене³ и хотя в эту долю входят 20 „ику“ поля (6 гектаров), 55 имеров (ок. 2200 л) ячменя, 5 имеров пшеницы (кипа:ши), различная утварь и мебель, тем не менее из рабов перечислены всего лишь „2 женщины и 1 слуга (?—GAL₂-[LA?])“.

Можно с довольно большой уверенностью сказать, что в рядовом крестьянском хозяйстве рабов вовсе не было, а в хозяйствах знати рабов было довольно мало. (Те, что были, конечно, работали и в поле и дома)⁴. Между тем, спрос на рабочую силу был значителен и, как мы увидим ниже, применялись разнообразные способы для создания замены рабского труда или для обращения в рабство беднейшей части крестьянства.

Это можно поставить в связь, между прочим, с политическим положением тогдашней Ассирии. Как мы указывали выше, внешняя торговля Ашшура на некоторое время была прекращена в силу посторонних факторов; даже открывшиеся в середине II тысячелетия до н. э. новые возможности для торговли были все же не столь широки, как ранее⁵, ввиду соперничества соседних крупных государств и защитительной политики этих соседей. Имущественное же расслоение в ассирийском обществе, несомненно, было очень сильным. У ашшурских купцов еще в старо-ассирийский период скопились крупные богатства.

Естественно, что богатые ассирийцы больше начинают разрабатывать внутренние возможности; создаются крупные сельскохозяйственные имения, происходит, повидимому, интенсификация сельского хозяйства, резкое имущественное расслоение охватывает сельскохозяйственное население; торговля и ростовщичество начинают разъедать само ассирийское общество; между тем,

¹ КАЈ 7, 9, 100, 169, 170, 171.

² За исключением КАЈ 53.

³ Речь идет о выделении так наз. *pidunnu*: в пожизненное пользование. Согласно вавилонскому праву (КН, § 171—172) *pidunnu*: соответствовало доле одного сына.

⁴ Так, в КАЈ 7 свободная, но зависимая от хозяина ее мужа женщина, и ее муж-раб должны: „совместно работать в поле и внутри поселения“.

⁵ В средне-ассирийский период имеется мало документов о торговых операциях, однако есть документы о займе для торгового путешествия (*хага:ни*).

необходимое количество рабов маленькая Ассирия дать не может, процесс же порабощения крестьянства должен был идти сравнительно медленно. Выше говорилось о том, что ассирийские походы этого времени преследуют цель обеспечить интересы торговли; но этого мало для их характеристики—несомненно, что они, может быть в не меньшей степени, преследуют также цель добычи рабов. Так, Салманасар I захватывает в Митанни 14 400 рабов¹; Тукульти-Нинурта I приводит много рабов из Вавилонии и Сирии²; несколько позже Тиглатпаласар I собирает с горных племен северо-востока дань рабами³.

Следует отметить, однако, что разбираемые нами деловые документы относятся к периоду предшествующему экспансии, а данные о приводе рабов—ко времени средне-ассирийских царей-завоевателей. Однако уже и в деловых документах рабы, как правило, чужеземцы⁴. В период экспансии число рабов в Ассирии безусловно должно было сильно возрасти. Это еще раз показывает, что отсутствие массового рабства в тот или иной период, в том или ином конкретном обществе не решает вопроса о его не рабовладельческом или рабовладельческом характере. При большом недостатке рабов в Ассирии рассматриваемого периода (нормальная стоимость одной рабыни равнялась 3¹/₂ талантам свинца, что равняется стоимости 21 „ику“ — ок. 6 га—поля) имеется спрос именно на рабский труд, и рабовладельческий характер общества не может подвергаться сомнению.

Бесспорно, однако, что рабовладение в средне-ассирийский период было гораздо менее развито не только чем в Греции и Риме, но и чем в соседней Вавилонии, что отчасти связано, вероятно, с меньшей интенсивностью земледелия в Ассирии⁵. Иначе, чем недостаточным развитием рабовладельческого способа производства, трудно объяснить существовавший, повидимому, обычай массового ослепления военнопленных. Если в тексте Салманасара I⁶ еще можно спорить со значением слова *inipil* („ослепил?“), примененного в отношении уведенных им 14 400 митанийских пленников, то уже бесспорен текст KAJ 180, где перечисляются 47 военнопленных (*ca:be:^{меш} šal-lu-tu*), и в том числе 3 зрячих (*da-gi-lu*), 9 слепых (*IGI-NU-DU^{меш}*)⁷, 1 „ученик“ (*tal-mi-du*),

¹ IAK I, S. 118—119.

² KAJ 103, 108. Оба документа относятся, повидимому, ко второй половине XIII века.

³ KB I, S. 20—21, стр. II, 51.

⁴ Имена рабынь: *Šubri:tu* („Субареянка“) в KAJ 7 и KAJ 170, *Irti:ta* в KAJ 169. В KAJ 171 раб имеет аккадское имя.

⁵ Участки земли в Ассирии в среднем значительно больше, чем в Вавилонии.

⁶ IAK I, S. 118—119.

⁷ Не смешивать с шумерским термином *igi-nu-du*. М. Э. Матье указала мне, что анализ семантики египетского языка и мифов показывает, что термин „ослепление“ чередуется с термином „оскопление“. Не подошло ли бы такое понимание в нашем случае?

11 различных ремесленников и 23 женщины различных наименований, плюс еще 15 человек слепых из Сирии. Интересно, что после списка военнопленных в том же документе подряд идет перечень захваченного крупного рогатого скота (110 голов).

Список этот поучителен со многих точек зрения. Во-первых, половина рабов-военнопленных—ремесленники; из остальных подавляющее большинство составляют ослепленные (?) рабы, т. е. такие, которые могут быть использованы лишь на самых простых и неквалифицированных работах; конечно, и в крестьянских хозяйствах, и в обычных имениях знати трудно было бы найти применение труду такого количества слепых. Лишь в царском хозяйстве, по его обширности, могло бы найтись занятие для большого количества даже неквалифицированных работников, не могущих быть использованными на земле¹.

Но отсюда следует и еще один вывод—что царское хозяйство не нуждалось в большом количестве сельскохозяйственных рабов—по крайней мере нуждалось в них в значительно меньшей степени, чем даже в неквалифицированных не-сельскохозяйственных рабах. Это означает либо 1) что царские земли обрабатывались крестьянами—чему, однако, у нас нет достаточных свидетельств, либо 2) что царь не вел своего большого сельского хозяйства, а доходы получал в виде натурального налога. Это последнее кажется мне наиболее вероятным и, как кажется, подтверждается и документами².

Однако вполне правомерен вопрос—вправе ли мы считать распределение рабов в тексте КAJ 180 типичным? Мне кажется, что да. Хотя этот документ и стоит более или менее особняком, однако его данные достаточно подтверждаются упоминавшимся текстом Салманасара I.

Раб мог иметь свой *resilium*; в одном документе (KAJ 7) мы видим даже раба, вступающего в сделку (выкуп зависимой женщины) с членом семьи собственного хозяина. В роли свидетелей рабы не выступают. О положении рабов можно отчасти судить по положению членов семейств (жен, детей), которые, повидимому, также считались собственностью домовладыки, так как могли неограниченно отчуждаться³.

Власть отца и мужа над детьми и женой мало отличалась от власти хозяина над рабом; так еще и в старо-ассирийский

¹ В одном из ассирийских исторических текстов (Luckenbill, ARAB II, § 267) указывается, что приводимые официальные цифры пленных не включают личной добычи воинов. По аналогии можно считать и здесь, что Салмансар указывает лишь цифру царских пленных.

² Ср. многочисленные документы о поступлении натуральных „даров“ (pamintu) в царское хозяйство; Ebeling, UAA, S. 33—52, при отсутствии документов о царском полевом хозяйстве.

³ О положении жен и детей см. Судебник (A), §§ 4, 6, 24, 46, 55, 59 и ряд заемных сделок в КAJ.

период мы видели, что дети и рабы одинаково причислялись к имуществу, из которого кредитор мог брать возмещение за долг. Конечно, следует отметить, что женщина все же имела известную правоспособность, которой был лишен раб¹; немаловажно, что за свободной женщиной признавалось право на честь², которой раб был лишен; так, рабыне—наряду с проституткой—под угрозой строжайших кар воспрещалось ношение покрывала, признака всякой свободной женщины³. Но все эти признаки свойственны любой „нормальной“ форме рабства, и у нас нет никаких оснований полагать, что рабство (за пределами царского хозяйства) не было чисто патриархальным. И, действительно, переход из рабского состояния в свободное (в частности, для наложниц-рабынь) был обставлен очень несложными формальностями⁴; мы знаем также случай брака свободной (точнее зависимой) женщины с рабом⁵; при этом женщина и ее потомство не становятся рабами.

С другой стороны, переход из свободного состояния в рабское также был очень прост; нам известен ряд видов промежуточного, полу-рабского состояния. Сюда относится прежде всего то, что § 39 Судебника (А) называет „оживлением в бедственном положении“ (букв. „из дурного“—balluti ina lumne).

Этот термин иллюстрируется тремя текстами. В § 39 Судебника говорится, что если женщина (дочь свободного) „ожила“⁶ в бедственном положении, то она безоговорочно принадлежит „своему оживителю“, в отличие от того случая, когда дочь свободного числилась в доме кредитора своего отца в качестве залога. В последнем случае, если она выдана замуж третьим лицом, взявшим на себя роль „оживителя“, то это лицо несет ответственность за возмещение кредитору. Другими словами, в известных случаях третье лицо может взять на себя власть над дочерью задолжавшего, а вместе с тем и связанные с этим права и обязанности.

Как указал мне акад. В. В. Струве, глагол balluti „оживлять“, „сохранять живым“, может иметь прегнантное значение „поддерживать“, „кормить“. (См. А. Ungnad, *Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie*, № 154). Оживитель брал на себя прокорм девушки, а за это получал на нее полную родительскую власть; для выкупа „оживленной“ требовалось предоставление „оживителю“ равноценной замены. В этом и заключается сущность

¹ Имеются документы о сделках, заключенных (одинокими?) женщинами, напр. КAJ 2, 100, 168 и др.

² КAJ 2.—В сохранении чести женщины был, конечно, в первую очередь заинтересован ее владелец—отец или муж.

³ Судебник, (А) § 40.

⁴ Судебник, (А) § 41.

⁵ КAJ 7.

⁶ Употреблен *Permansiv I₁* от глагола *balatu*—„быть живым“, следовательно, буквально „является живой“ или „осталась живой“ в бедственном положении.

„оживления в бедственном положении“¹. Выгода для отца заключалась в том, что он получал наличные средства (цену за девушку), а для „оживителя“ — в том, что он приобретал рабочую силу, с возможностью в дальнейшем выдать девушку замуж и получить за нее „брачный дар“ (terxa:tu). Таким образом, сделка мало чем отличалась от продажи дочери в рабство; в таком виде она и выступает в документе КАЈ 168. В этом документе некто берет в долг сумму в 4 таланта 20 мин свинца, взамен чего он обязуется отдать некую женщину (вероятно, члена семьи) в „оживление“, объявив публичные торги; возможная разница в цене — в пользу должника. Положение „оживленной“ в доме „оживителя“, казалось бы, не отличалось от рабства, и даже так и называлось (amu:tu), что видно из документов КАЈ 7 и КАЈ 167, в которых речь идет о такой „оживленной“ (о чем см. ниже). В чем заключалась, все же, разница между „оживленной“ и обычной рабыней, можно, как мне кажется, определить из того, что в документе КАЈ 167 подчеркивается, что „оживленная“ — ассирианка („ашшига'i:tu“). Это, конечно, в данном контексте не есть этнический термин²; если в том же документе другая рабыня несколько ниже

¹ Сложное объяснение, которое дают этому параграфу Драйвер и Майльз, *The Assyrian Laws*, p. 281 сл., не кажется мне убедительным, т. к. вызывает целый ряд филологических трудностей и, повидимому, не соответствует тому, что мы знаем о термине ballutu ina luppe из деловых документов. Нельзя согласиться и с объяснением Кошакера, *QUAG*, S. 19 сл., так как оно предполагает возможность дважды складывать одну и ту же вещь, чему мы в ассирийских документах не имеем примеров. Я перевожу § 39 Судебника (А) следующим образом: „Если человек отдаст замуж не свою дочь, то если отец ее раньше был должен, и она была помещена в качестве залога, и придет прежний кредитор — он должен быть удовлетворен в отношении цены женщины отдавшим (ее замуж); если у того ничего дать, то он (кредитор) возьмет (за долг) отдавшего (ее замуж). А если она ожила в бедственном положении, то она „свободна“ (техническое выражение безусловной и не подлежащей оспариванию принадлежности) для своего оживителя. А если взявший ее (замуж) напишет ему (отдавшему) документ или примет на себя (возможный) иск, то он должен возместить цену женщины, а отдавший свободен“. Акад. В. В. Струве справедливо привлекает здесь для сравнения § 172 Хеттского судебного.

² Как Кошакер, *Quellenkritische Untersuchungen zu den „altassyrischen Gesetzen“*, S. 75 f, так и Драйвер и Майльз, *AL*, p. 15—17, 79, 286, 99, признают за термином ашшигај(а')и, ашшига'i:tu социальный смысл. Однако, мнение Драйвера и Майльза, согласно которому „ассирийцем“ назывался человек низкого социального положения, помимо того, что такое словупотребление само по себе было бы чрезвычайно странным, не подтверждается и анализом памятников. Драйвер и Майльз ссылаются на § 44 (А) и §§ 2—3 (С) Судебника. в § 44 (А) говорится, что если ассириец живет в доме человека, как залог, и взят за полную цену, то его можно бить и т. д. Параграф 2 (С) запрещает продавать „сына человека и дочь человека“ (mal ame:le, malat ame:le), живущих в доме кредитора как залог, третьему лицу, а § 3 (С) — за пределы Ассирии; в конце § 3 (С) прибавлено: „ассирийца или ассирианку, приобретенных за полную цену, можно продавать в другую страну“. Во всех этих случаях речь идет лишь о том, что пока не истек срок займа, кредитор не получает человека, служащего залогом, в полную собствен-

названа Шубри:tu, т. е. „Субареянка“, то в этом случае это имя собственное (как видно из детерминатива). Мы должны рассматривать здесь и в других местах термин „ассириец“ или „ассириянка“, как социальный (ашшурская гражданка гесп. гражданин); какие это влекло за собой последствия, видно из документа КAJ 2. Здесь, правда, речь идет об удочерении, но характерна оговорка в договоре, согласно которой удочеритель не должен ни притеснять удочеряемую (uamman, тот же \sqrt{imn} , что и в разбиравшемся выше luppū—очевидно, имеется в виду оставление без прокорма), ни иметь с ней половое общение, но должен обращаться с ней, как со своей дочерью, как с ассириянкой (букв. „как с ассирийцем“), и выдать ее замуж, взяв terha:tu (брачный дар). Известно, что право полового сношения—обычное право хозяина в отношении рабынь, так что речь здесь идет о том, что удочеряемая не должна рассматриваться как рабыня. В связи с этим термин „ассириянка“ в применении к „оживленной“ в тексте КAJ 167, как я думаю, следует понимать в том же смысле. „Оживленная“, даже будучи рабыней, остается ассириянкой (характерно, что документ называет ее отчество и что она имеет свою печать), а потому не должна быть сожительницей своего „оживителя“, и должна быть выдана замуж (что и произошло в данном случае, согласно КAJ 7, после ее выкупа на волю, но об этом ниже).

Экономически очень близко к „оживлению“ стоит усыновление. Сохранился ряд договоров об усыновлении¹, причем в них обычным является условие, согласно которому усыновляемый обязан работать на усыновителя „в поле и внутри поселения“ (eqla u: libbi a:le ipalax). В некоторых случаях² говорится, что А. усыновляется Б. „вместе с его полем и домом“. Ясно, что этого рода сделки были для разоряющегося крестьянства средством спастись от долгового рабства; правда, по такому договору

ности; в случае же неуплаты в срок, залог, как мы знаем из деловых документов, считался „купленным за полную цену“, а потому переходил в полную собственность кредитора. Такое понимание §§ 44 (А), 2, 3 (С) снимает также трудности, которые Драйвер и Майльз (ук. соч., стр. 79) видят в толковании § 24 (А), где речь идет о женщине, бежавшей от мужа и скрывающейся в доме ассирийца (то есть, в пределах ашшурской юрисдикции).

Поэтому я придерживаюсь толкования Кошакера, согласно которому „ассириец“ есть гражданин Ашшурского государства. Но надо заметить, что если нет никаких данных для того, чтобы считать „ассирийца“ представителем низшего социального слоя, то нет данных и для того, чтобы считать его представителем какого-то высшего слоя общества. Судебник различает лишь свободных (ame:lu, ma: ame:le) и рабов. Язык же населения едва ли имеет для Судебника какое нибудь значение—и мы не можем понимать термин ашшигају в Судебнике, как „человек ассирийского языка“.

¹ КAJ 1—4.

² КAJ 6.

крестьянин попадал под патриархальную власть „усыновителя“; но все же он оставался формально свободным человеком, а не рабом.

Что в этот период идет процесс бурного разорения крестьянства, видно из многочисленности заемных сделок¹, составляющих большинство юридических документов этого времени. С юридической точки зрения они достаточно освещены в работе Кошакера², и здесь можно ограничиться лишь краткой их классификацией.

Объектом займа обычно являлся свинец³, реже хлеб и др. Срок займа не более одного года, проценты начисляются лишь в случае просрочки уплаты⁴. В большинстве случаев заем давался под залог, который, однако, обычно не переходил, повидимому, в пользование кредитора при заключении сделки⁵.

Имеются следующие формы договоров о займе:

1. В случае просрочки платежа залог (недвижимость) переходит в собственность кредитора⁶.

2. Должник имеет право выкупить залог в любое время при условии уплаты суммы займа и процентов. Это наиболее распространенная форма сделки. Залогом является либо недвижимость, либо члены семейства должника, либо то и другое⁷.

3. При предоставлении займа на продолжительный срок, залог поступает в пользование кредитора взамен процентов⁸.

4. Должник обязан к жатве предоставить кредитору определенное количество жнецов (взамен процентов на сумму займа). Количество жнецов бывает значительным, поэтому можно предположить, что в выполнении этого обязательства участвовали члены всей „большой семьи“ (или даже общины); из документов, подобных КAJ 10, действительно, видно, что „неразделенные братья“ совместно отвечали за обязательства одного из них⁹.

¹ КAJ 11—47, 50, 52, 53, 55, 58—71, 77, 78, 81, 83, 85—87, 96, 99, 142, 143, 150, 163.

² NKRA, S. 92—131.

³ Свинец был в это время обычным денежным эквивалентом; называются огромные количества свинца, порядка свыше 100 кг, причем оплата и свинцом и хлебом, предусматриваемая некоторыми документами, исключает понимание свинца лишь как условного эквивалента. Все это показывает тесную связь Ассирии этого времени с местами добычи свинца.

⁴ Кошакер, NKRA, S. 64 ff. считает, что указываемая в сделке сумма займа превышает действительно предоставленную, скрывая в себе и проценты.

⁵ NKRA, S. 98 ff.

⁶ КAJ 12, 14, 24, 26, 27, 35, 63, 64, 66, 142, 150 и др.

⁷ КAJ 11, 17, 18, 19, 22, 25, 28, 30, 53, 60, 61, 65, 70, 96 и др.

⁸ КAJ 13, 18, 21, 22, 58.

⁹ КAJ 11, 29, 50, 52, 62, 81, 99, 101, 163. Об этом типе сделки см. также J. G. Lautner, *Altbabylonische Personenmiete u. Erntearbeiterverträge*, Leiden, 1936, прим. 516 и, в особенности, акад. Н. М. Никольский, ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 88 сл.

Наряду с займом под залог имеется и заем без залога:

5. Должник отвечает за исполнение обязательства своим имуществом (полем, домом или детьми)¹. Экономически этот тип займа ничем существенным не отличается от первого типа займа под залог.

6. Должник отвечает за исполнение обязательства своей личностью². Сделки этого рода формулируются по образцу, известному нам уже по старо-ассирийскому периоду: объект займа „закреплен за его (гесп. их) благополучным и верным“ (ina tūxхе шalmīши и: ке:пīши takis), что в своем буквальном значении теперь уже не имеет смысла, особенно в применении к одному должнику. Здесь эта формула относится уже не только к тем случаям, когда должниками является группа лиц, а является общей формулой для всех случаев, где предусматривается условие ответственности должника его личностью.

Формы 3 и 4 могут, естественно, сочетаться с формами 1 и 2. Формулы ответственности (5 и 6) могут также сочетаться с залогом.

Сравнение заемных сделок средне-ассирийского периода со старо-ассирийскими показывает, что несмотря на то, что зародыши всех средне-ассирийских форм займа имелись уже и в предшествующий период, экономический сдвиг несомненен. Обращает на себя внимание прежде всего тяжесть условий. Большинство сделок предусматривает заем под залог поля и дома, сыновей и дочерей или даже всего имущества должника. В старо-ассирийский период сделки подобного рода были исключением. При этом закладываемое имущество оценивается значительно ниже его продажной стоимости. Очень тяжелым должно было быть условие относительно поставки жнецов к жатве, т. к. крестьянин-должник сам лишался рабочей силы в самое критическое время. Многочисленность заемных сделок и разработанность их формуляра указывают на их массовый характер, а тяжесть условий—на сильное обеднение крестьянских масс. Результатом должно было быть обезземливание и массовое закабаление крестьянства.

Положение кабальных рабов определяют §§(A) 39, 44, 48 и §§(C) 2, 3 Судебника. Согласно этим параграфам, пока данное лицо является лишь залогом, кредитор не может безоговорочно распоряжаться им—так, он не может отдать замуж девушку, являющуюся залогом, без разрешения отца, и не может подвергать лицо, являющееся залогом, телесному наказанию. Лишь когда (при неуплате долга) данное лицо переходит в собственность кредитора (считается проданным „за полную цену“, ana шī:m gameг), он приобретает над ним полную власть домовладыки—как над женой, детьми и рабами,—и „может его ударять, выщипывать

¹ KAJ, 16, 32, 34, 37—47, 50, 65, 69, 71, 78, 85, 87.

² KAJ 32, 34, 37—47, 69, 71,

волосы, бить по ушам и просверливать их)¹. Может он, согласно § 3 (С), даже продать такого кабального раба за пределы Ассирии.

Что кабальные рабы работали в сельском хозяйстве так же, как и в домашнем (eqla u:libbi a:le, „в поле и внутри поселения“) — несомненно². Но чтобы понять все стороны использования как кабальных, так и „усыновленных“ и тому подобных полурабов, необходимо уточнить структуру ассирийского общества.

Несомненно, что первоначально не существовало сословного различия между отдельными группами свободных. Кто бы ни были ассирийские „великие“ (gab'u:tum, gabu:te), члены советов Ашшура и общин — наиболее богатыми или наиболее родовитыми гражданами, главами семейств, — так или иначе, членство в общине было связано с обладанием земельным наделом и с выполнением общинных повинностей, и поэтому эти „великие“ в формально-сословном отношении еще не выделялись из массы свободных членов общины. Но также несомненно, что знать лично этих повинностей не выполняла.

Из кодекса Хаммурапи³ видно, что существовала тенденция выставлять заместителей на несение повинностей — кодекс борется с заместительством в одном определенном случае, а именно в случае повинностей, связанных с царским наделом, прежде всего воинской повинности (ilkum). Здесь заместителем является наемник⁴. Возникает вопрос — с чем были связаны повинности и каким образом было организовано заместительство в Ассирии?

§ 45 (А) ассирийского Судебника трактует о случае, когда жена без вести пропавшего воина остается без пропитания⁵. Судебник предусматривает здесь три возможности: 1) она принадлежит к царским служащим — если читать [ka]l?-la-i-tu ша e:kalle^{lim} — или зависимым от царского хозяйства лицам — при чтении a-la-i-tu ша

¹ Ср. аналогичное постановление Судебника в отношении жены § 59 (А).

² Мы уже видели, что это верно относительно обычных рабов и „усыновленных“.

³ § 26.

⁴ В других случаях, конечно, хозяин мог выставить за себя раба.

⁵ Этот параграф Судебника труден для толкования. Привожу мой перевод: „Если женщина была отдана замуж, и мужа ее забрал враг, а ни свекра, ни сына у нее нет, то она должна быть верной своему мужу 2 года. В течение 2 лет, если (у нее) нечего есть, то она должна притти и сказать; [если(?) она служ]анка(?) двorca ж (читаю [шум-та ka]l(?) -la-i-tu ша e:kalle^{lim} ши-it по аналогии с [шум-та ашшату] ша-а хи-ур-ше ши-it ниже), то ее [. . .]тель должен кормить ее, и она должна выполнять его работу. Если же она жена хирши, то община (??) должна кормить ее [и она должна выполнять ее (?) работу]. А [если муж ее в своей общине нес повинность] поля и [дома], то она должна притти [и сказать судьям]: „(у меня) нечего есть“. Судьи должны спросить градоначальника (или: старосту, хази'а:пу) и „великих“ общины; если он нес (повинности) в этой общине, то поле и дом они должны приобрести — для ее пропитания в течение 2 лет — и отдать ей, (чтобы) она поселилась, а также должны написать ей документ. (Когда) исполнится два года, она,

e:kalle^{lim} 1; 2) ее муж был хирши — в этих случаях указано, кто именно ее должен содержать, но контекст здесь не сохранился; 3) ее муж нес в общине „ilki поля и дома“; в этом случае ей выдается поле в той же общине. По прошествии определенного срока она может выйти замуж; в случае возвращения первого мужа он может либо а) поступить в царскую службу (dappat sharre)—и, очевидно, в силу этого получить земельный надел—либо б) уплатив цену, получить выданные его жене „поле и дом“.

Итак, если мы правильно понимаем этот параграф, человек мог участвовать в походе либо а) в порядке „царской службы“ (dappat sharre) на основании „повинности поля и дома“ в своей общине, либо б) в качестве хирши. О третьей возможности см. ниже.

Термин хирши известен нам из современной нашим средне-ассирийским документам тель-эль-амарнской переписки (из писем Риб-Адди, царька г. Библа)² и из ново-ассирийских текстов³. В тель-эль-амарнской переписке хирши означает, повидимому, массу крестьянства или, менее вероятно, рядовых воинов. Риб-Адди жалуется, что ему нечем кормить своих „хупшу“, что они враждебны к нему, и что они разбредаются ($\sqrt{\text{ртг}}$ букв. „освобождаются“) по поселениям в поисках пропитания. Олбрайт⁴

может поселиться у какого хочет мужа, а они должны написать ей документ, как вдове. Если впоследствии ее пропавший муж вернется в страну, то он может забрать свою жену, взятую (замуж) на сторону; на детей, которых она родила ее последующему мужу, он не имеет прав, их может взять только ее последующий муж. Поле и дом для пропитания ее, (которые) за полную цену были проданы на сторону,—если он не вступил в царскую службу, он может дать сколько (за них было) отдано и взять (себе). А если он не вернется, а умрет в другой стране, то поле его и дом его куда царь отдаст, туда отдаст*. Трудность здесь заключается в том, что „поле и дом“, связанные с повинностью пропавшего, сначала „приобретаются“ властями, а затем оказываются „проданными за полную цену“. Я предлагаю решить эту трудность следующим образом: власти приобретают поле и дом (не те, которые были связаны с повинностью, ибо они, очевидно, как и в Вавилонии, неотчуждаемы, а другие) и отдают их женщине в пользование на два года: в этом и заключается ее „пропитание“. Когда по прошествии двух лет она выходит замуж, то поле и дом остаются в распоряжении приобретших их властей, которые, естественно, продают их „на сторону за полную цену“. Вернувшийся муж, если он не вступил в царскую службу (в каком случае он так или иначе получит участок) может выкупить приобретенное для его жены имущество, и тогда получает его во владение уже без обязанности нести повинность.

¹ Начало строки испорчено; предлагались чтения [e₂-ka]l-la-i-tu, [ka]l-la-i-tu (см. литературу у Driver and Miles, AL, стр. 256 след., 412 след., 484 след.). Последнее чтение не может полностью заполнить существующую лауну. Я предлагаю чтение [шим-та ka]l-la-i tu... „[если она слу]жанка...“, что возможно при тесном написании знаков, или [шим-та] a(?)-la-i-tu... „[если она] общинница двorca“. (см. ниже, стр. 72).

² Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln, №№ 77, 36; 85, 12; 112, 12; 114, 22, 57; 117, 90; 118, 37; 125, 27, 130, 42.

³ Schrader, KB I, S. 136—137, V 3; KB II, S. 56-57, 33 и др.

⁴ Albright, Archaeology and Religion of Israel, стр. 205 прим. 43 со ссылкой на Mendelsohn'a.

сопоставляет евр. хор^hші:— „свободный“. В ново-ассирийском войске ца:be: хирші служили в обозе¹. Но наиболее определенно говорит о том, кто такие хирши один из текстов Саргона II². Согласно этому тексту, Салманасар V лишил жителей города Ашшура их старинного иммунитета и наложил на них воинскую и строительную повинность (ilku duršikku), причислив их тем самым к ца:be: хирші (imtanī ца:be: хиршіш).

Вероятно „хупшу“—это основная масса общинных крестьян, обязанных всеми повинностями, и призывавшихся в ополчение⁴. В отличие от них, часть общинников несла особую воинскую повинность (и, возможно, только ее), связанную с определенными наделами („полем и домом“)—как в Вавилонии согласно Кодексу Хаммурапи, §§ 26—41.

Но, кроме воинской повинности, имелся еще целый ряд других, известных нам по более позднему времени, например, повинность по постройке дорог и оросительных сооружений, по строительству храмов и дворцов (allu, „лопата“ или „мотыга“, kudurru, za: bil kudurru). Все эти повинности лежали на массе общинников, и эти-то повинности, вероятно, и носили общее название ilku ша a: laju: te, букв. „повинность общинничества“.

Этот термин встречается в часто упоминавшемся документе КAJ 7. В этом документе некий раб Илумаириба выкупает некую Асуат-Идиклат, взятую в порядке „оживления“ одним из членов „дома“ его хозяина, и берет ее замуж. В результате—„пока живы, в поле и внутри поселения они будут вместе работать (pala: x аха'иш е: риши). Асуат-Идиклат и ее потомство—это общинники такого-то (хозяина раба) и детей его (a: laja' u ша А. и: та: ге-ши шипц[та]); повинность общинничества для (хозяина раба), и его детей они будут нести; (ilka ша a: laju: te апа А. и: та: ге-ши illuku) а (хозяин раба) и дети его Асуат-Идиклат и потомство ее в рабство (апа аму: ти и: урду: ти) не должны брать“.

Особо интересен в этом тексте термин a: laja' u. По форме—это нисба к слову a: lu „община“, следовательно „общинник“. Но что значит „общинник такого-то“? Кошакер полагает, что название a: la ja' u „носит выкупленный третьим лицом человек, служивший залогом, по отношению к выкупившему“⁴. Однако

¹ Thureau-Dangin, 8me Campagne de Sargon, лиц. 25—27.

² Luckenbill, ARAB II, § 134=H. Winckler, Sammlung von Keilschrifttexten, II, 1, 33.

³ В КAJ 310, 20 в числе ящиков с архивными документами назван один ящик, касающийся „клича глашатая относительно „домов“ в г. Ашшуре“. (ша sa-su па-гі-ге ша bi: ta: te^{меш} ша a: l- libbi^{bi}-a: le). „Клич глашатая“—м. б. рекрутский набор, ср. стр. 133. Впрочем, термин „клич глашатая“ применялся также к публичному объявлению, требовавшемуся в случае предполагававшейся продажи земли.

⁴ В противоположность мнению Кошакера, старо-ассир. a- la₂-ни, повидимому, не имеет отношения к a: laja' u. Это слово надо читать alla: nū „прочие (вещи)“, как показал J. Lewy, AARUK, S. 956.

положение здесь сложнее: во всяком случае, это не первоначальное значение. К тому же Асуат-Идиклат не есть лицо, служившее залогом: она „оживленная“¹, а это, как я пытался показать, не то же самое.

Термин a:laja'u, „общинники“ расшифровывается следующими строчками: это те, которые несут „повинность общинничества“.

Несмотря на выкуп, Асуат-Идиклат была и остается в том же самом „доме“, потому что и ее „оживитель“ и хозяин ее мужа принадлежат к одному и тому же „дому“. Выкупает ее не свободный человек, а раб члена „дома“ ее хозяина.

Поэтому Асуат-Идиклат и ее дети — зависимые лица (отсюда lida:ni „потомство“ вместо ma:ge: „дети“); они и названы не просто a:laja'u, а a:laja'u своего хозяина, и „повинность общинничества“ они должны нести „для“ него — мы бы сказали — за него, вместо него. Перед нами случай переложения общинных повинностей с землевладельца на зависимых от него лиц. Эти лица — как бы „общинники вместо своего хозяина“. В дальнейшем этот термин мог получить значение вообще зависимого лица; если наше чтение ala'i:tu в § 45 Судебника (А) правильно, то это означало бы, что и царское хозяйство имело таких зависимых лиц (что само по себе вполне естественно). Конечно, они несли в этом случае повинности только за себя².

Некоторые документы показывают нам и иные пути создания подобных зависимых лиц, несущих повинности за знатных землевладельцев. Я имею в виду прежде всего сделки об „усыновлении“. В самом деле, в чем, с экономической точки зрения, сущность „усыновления вместе с полем и домом“? Если исходить из того, что обладание полем в общине означало обязанность нести общинные повинности, то ясно, что усыновляемый „вместе с полем и домом“ должен был продолжать нести свои повинности. Однако, будучи „сыном“ усыновителя, он входил в его „дом“, а следовательно, должен был нести и его повинности, тем более, что сделка оговаривает его обязанность работать на усыновителя „в поле и внутри поселения“.

Нет сомнения, что таково же во многих случаях было положение кабальных рабов. У нас нет данных, из которых мы могли бы заключить, что кредиторы, скупавшие или забиравшие за долги большие участки земли, обрабатывали их с помощью больших отрядов рабов. Вернее будет предположить, что они использовали на этих участках труд бывших же хозяев этой земли. Естественно было их использовать и на повинности.

Такая система заместительства на повинностях имела для верхушки ассирийского общества огромные преимущества по сравнению

¹ КAJ 167.

² Это предположение отпадает, если читать kalla'i:tu „служанка“. В этом случае надо думать, что царские слуги выходили в поход вместе с царем, независимо от общинных повинностей.

с наймом заместителей, вероятно, практиковавшимся ранее и в Ассирии, как и в Вавилонии. Эта система была совершенно бесплатной и верной. Но возникнуть она могла только тогда, когда начался бурный процесс разорения крестьянства, а также когда самостоятельность общины была окончательно подорвана — сначала, очевидно, тем, что власть в совете от „малых“ перешла исключительно к „великим“ (ср. выше, стр. 19, прим. 1), а затем — в результате устранения совета от дел в связи с ростом роли и мощи царя. Все эти политические явления, так же как и разорение крестьянства — имели свои экономические причины, куда относятся и самые условия восточного ирригационного хозяйства, и роль царя как военачальника в рабовладельческом обществе и роль ассирийской торговли в общей экономике Древнего Востока. Как уже указывалось выше в главе о старо-ассирийском периоде, у нас еще недостаточно данных для того, чтобы детально и полностью проанализировать действия всех этих факторов; однако ясно, что они могли привести к наличному результату только в рассматриваемый, средне-ассирийский период¹.

Мы присутствуем здесь при возникновении класса людей, обладающих землей в общине, но не несущих никаких повинностей, и класса зависимых людей, непосредственно работающих на своей земле или на земле уже перешедшей во владение богатой верхушки, несущих все повинности, за себя и за своих хозяев.

Помимо этого, они обязаны своим хозяевам трудом или натуральными поставками — либо за долги, либо в качестве лиц, находящихся под патриархальной властью хозяев („усыновленные“, „оживленные“), либо как кабальные рабы. В последнем случае мы имеем дело с разновидностью рабовладельческого уклада, так как тут непосредственные производители не владеют своими средствами производства, и даже могут быть проданы; новая форма зависимости не выкристаллизовалась; мы имеем здесь дело все еще с типичным рабовладельческим обществом; и тем не менее внутри рабовладельческого общества наблюдается определенный сдвиг по сравнению с „обычными“ формами рабовладельческих отношений.

В настоящей работе мы не имеем возможности остановиться на системе податей и повинностей, существовавших в средне-ассирийский период; это потребовало бы особого углубленного исследования; материал же и скуден и трудно поддается истолкованию.² Поэтому изложенными выше соображениями нам приходится закончить очерк земельных отношений средне-ассирийского периода. В заключение считаю необходимым остановиться на еще одном вопросе, который кажется мне существенным. Это — вопрос об этническом составе ассирийского общества и его соотношении с социальным делением.

¹ Не случайно и в соседней Аррапхе мы именно в этот период наблюдаем вполне аналогичные процессы.

² См. КAJ 180—319, в особенности КAJ 310.

Если ассирийский Судебник и документы и говорят в ряде случаев об „ассирийцах“, противопоставляя их „неассирийцам“, то нет оснований полагать, что речь здесь идет об этническом различии, и нет причин отрывать нисбу ашшигаја'у — „ассириец“ от аналогичных нисб піпу'аја'у — „ниневиец“, sarazaja'у — „саразиец“, ba:ma:taja (нов.-асс.) — „баматеец“ и т. п., и даже от a:laja'у — „общинник“. Разница здесь только в масштабе, количественная, а не качественная. Имеется ли в виду принадлежность к государству, к городской общине или к мелкой сельской общине — все эти нисбы к этническому моменту могут и не иметь отношения. Лишь небольшую часть собственных имен можно довольно уверенно отнести к не-семитским, как, например, Апапа, Урсинале и другие; но и такие имена чередуются в одних и тех же семьях с семитскими. При этом, хотя не-семитские имена, пожалуй (и вполне естественно), реже встречаются среди богатой и знатной части общества, не следует забывать, что они, тем не менее, встречаются даже среди царских имен (так называемая „династия Адаси“). С другой стороны, мы так часто видим лиц с чисто-ассирийскими именами среди должников и закабаляемых крестьян, что видеть в ассирийцах-сеμίтах некую привилегированную часть населения не представляется возможным¹.

IV

Подводя итоги, мы можем реконструировать в общих чертах следующую картину развития ассирийских земельных отношений, как для средне-ассирийского периода, так и для предшествовавшего ему старо-ассирийского, поскольку средне-ассирийские данные позволяют значительно дополнить наши представления о более древних отношениях.

В исходном состоянии ашшурская городская община была, предположительно, непосредственно и сельской общиной. Земля была неотчуждаемой собственностью общины. Она делилась на „жребии“ и подлежала переделам. Хозяйство велось „большими семьями“. Всякий, владевший землей, был членом общины и был обязан нести общинные повинности. Община управлялась советом, состоявшим из членов общины „от мала до велика“. Роль и значение храма и правителя — бывшего жрецом и землеустроителем — неясны, но во всяком случае уступали роли и значению совета, бывшего верховным органом.

Вследствие условий своего местоположения Ашшур представлял издревле центр транзитной торговли. Если он целиком не был с самого начала колонией юга, то по крайней мере вероятно, что здесь была торговая колония, которая затем сама стала центром целой системы торговых колоний. Это обстоятельство привело к непомерному обогащению части ашшурского населения; так

¹ Ср. введение, стр. 8.

как торговля направлялась и до известной степени контролировалась городской администрацией (а вначале, вероятно, вообще являлась делом городской общины), то обогащались, очевидно, лица, ближе стоящие к городской администрации, „великие“, которые постепенно (как мы видели в предыдущей главе) фактически получили в свои руки полноту политической власти.

Подавляющее экономическое и политическое могущество „великих“ содержало само в себе зародыш разрушения архаической крестьянской общины. Временное прекращение ашшурской торговли при огромных богатствах, скопившихся в руках „великих“, вызвало к жизни два параллельных процесса — с одной стороны, стремление к военной экспансии для обеспечения торговых путей, с соответствующим ростом значения царя-полководца, с другой — обратное перенесение центра тяжести экономической жизни в сельское хозяйство, с филиацией сельских общин, созданием крупных имений и развитием ростовщической практики. Это приводило к разрушению устоев суверенной крестьянской общины и к разорению, а затем закабалению крестьянства. Разрушение же первоначальных устоев общины должно было политически проводиться путем усиления власти царя, в качестве землеустроителя и единоличного представителя собственника земли — общины¹.

Общество знало еще только одну ведущую форму эксплуатации, а именно рабство. Создаваемые крупные имения были рабовладельческими по своему принципиальному характеру. Противоречие между крупными средствами и большими материальными возможностями для создания крупных сельско-хозяйственных имений, имевшимися у богатой части ассирийского общества, с одной стороны, и, с другой стороны, недостатком в рабской силе в пределах ассирийского общества, разрешалось, во-первых, рабовладельческими военными походами (и отсюда, опять-таки, усиление значения царя), во-вторых, различными видами замены рабского труда путем закабаления разоряющегося крестьянства.

Такое реконструируемое нами развитие ассирийского общества и должно было привести к тому его состоянию, которое мы застаем в средне-ассирийский период.

Это состояние можно резюмировать следующим образом.

Попрежнему существуют сельские общины; каждая отдельная из них является составной частью ассирийской общины. Община считается верховным собственником земли, а отдельные лица или семьи — лишь владельцами, при этом владельцами не конкретных участков, а определенного размера доли в общине; эта доля, полностью или частично, может отчуждаться. Земля общины попрежнему делится на „жребии“ и, по крайней мере теоретически, подлежит переделам; внутри „жребиев“ имеются отдельные „наследственные доли“ (zittu).

¹ Ср. К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Политиздат, 1940, стр. 6, 11.

Хозяйство попережнему ведется, в основном, „большими семьями“; но отчуждаемость земли (или, во всяком случае, долей в земельной собственности) разрушает их; наряду с „наследственными долями“ появляется и покупная земля (шi'ama:tu), являющаяся индивидуальным владением. С другой стороны, в среде богачей—купцов и т. п. уже в предшествующий период преобладало индивидуальное хозяйство, которое теперь начинает играть еще ббльшую роль и в сфере аграрной. Происходит скупка земель, создание цельных и индивидуальных имений, с центрами в виде отдельных укрепленных дворов (a:l dunne).

Соотношение между общинной землей и землей храма и царя неясно; однако, вероятно, что основные доходы царя идут не с каких-либо царских латифундий, а преимущественно в виде поборов с населения и доходов с „долей дворца“ (zitti e:kalle), происхождение и место которых в общей аграрной системе остается неясным.

Лица, состоящие на царской службе, получают в виде вознаграждения надель, в частности из общинной земли, или же им переуступаются доходы с „долей дворца“. Эти надель и доходы могут являться объектом операций по переуступке третьим лицам.

Царь выступает как верховный распорядитель земельной собственностью, однако, повидимому, не в своем качестве главы государства, культа и войска, а лишь в своем качестве представителя ашшурской общины („укуллу“).

Масса крестьянства пользуется только собственным трудом, и лишь в редких случаях — трудом рабов. Имена богачей являются в принципе рабовладельческими; однако в рабах — по крайней мере в начале средне-ассирийского периода — ощущался недостаток. Положение раба, вероятно, не слишком сильно отличается от положения прочих *personae alieni juris* суровой ассирийской патриархальной фамилии. Чем больше имение, тем тяжелее должно было быть положение раба.

Недостаток в рабском труде вызывает к жизни ряд видов заменителей рабского труда. Сюда относится приобретение состоятельными ассирийцами под свою патриархальную власть разорившихся крестьян обоюго пола — в виде „оживления“ или „усыновления“, а в особенности кабальное рабство за долги. Крестьянство было опутано кабальными долговыми сделками различного рода, которые вели к необходимости отработок на кредитора, уплаты ростовщических процентов натурой, к закладу имущества и членов семейства, и в конечном счете приводили к полной зависимости от кредитора, к переходу к нему права собственности над имуществом и личностью должника. Это способствовало дальнейшему разрушению общины.

Господствующая верхушка ассирийского общества начинает выделяться, как некая общественная группа, стоящая над остальным обществом. Если ранее всякий свободный, вне зависимости от того, владел ли он фактически рабами, в классовом отношении

противостоял рабу (ибо общество не знало иного способа эксплуатации, кроме рабовладельческого, и всякий свободный был потенциально рабовладельцем), то теперь класс свободных начинает дробиться на сословие свободных рабовладельцев и сословие зависимого крестьянства, причем последнее относится уже фактически к эксплуатируемому классу. Если ранее владение землей было непременно связано с несением общинной повинности, и возможно было лишь нанять заместителя для выполнения ее¹, то теперь несение повинностей для крупных владельцев превращается в фикцию и перекладывается постепенно на плечи зависимого и закабаленного крестьянства, с освобождением крупных землевладельцев от этой обязанности. К этому следует добавить, что если ранее общинные повинности сохраняли в значительной мере непосредственно общественный характер, то теперь они приобретают характер эксплуатации. Мы видим в данный период, правда, только начало этого процесса, но тенденция несомненна.

Массовое закабаление крестьянства позволяет применять, наряду с трудом вполне оторванного от средств производства раба, также и труд закабаленного крестьянина, уже лишенного собственности на свои средства производства, но не полностью оторванного от них; он может работать на хозяина, оставаясь на том же, уже не принадлежащем ему, участке земли. Это также новое качество в производстве.

Таким образом, мы можем для средне-ассирийского периода определить следующие социальные категории населения:

1) крупные землевладельцы, рабовладельцы, ростовщики и купцы, постепенно освобождающиеся от общинных повинностей, теоретически еще лежащих на них;

2) служилые люди, получающие от царя вознаграждение за службу в виде доли доходов или в виде ненаследственных наделов;

3) свободное крестьянство, несущее общинные повинности и служащее в ополчении („хупшу“), а также военнообязанные на основе „повинности поля и дома в общине“. Эта категория имеет тенденцию переходить в следующую категорию:

4) кабальное крестьянство различных типов, зависимое от крупных землевладельцев, не имеющее права собственности на средства производства, но в значительной степени, вероятно, сидящее на земле и несущее общинные и государственные повинности за себя и за своих хозяев;

5) рабы.

В этой схеме не учтены царь и храмы, так как их положение в отношении других категорий остается неясным.

¹ Рабовладелец мог, разумеется, выставить за себя раба; но это не противопоставляло его в такой степени крестьянину не-рабовладельцу; разница между ними была еще только в степени состоятельности; свободный крестьянин потенциально мог стать рабовладельцем; новое же положение и формально ставит между свободным рабовладельцем и зависимым крестьянином сословную, более того, почти кастовую грань.

В нашу задачу не входит рассмотрение политических взаимоотношений и взаимной борьбы этих групп населения. Но прежде чем перейти к рассмотрению земельных отношений в следующий, ново-ассирийский период, необходимо сказать несколько слов относительно условий, существовавших в ассирийском государстве к концу средне-ассирийского периода.

Годы, непосредственно следовавшие после убийства Тукульти-Нинурты I, прошли под знаком вмешательства Вавилонии в ассирийские дела. Некоторых ассирийских царей этого времени можно рассматривать, как прямых ставленников и вассалов Вавилонии.¹ Среди них мы находим, судя по дошедшему письму вавилонского царя,² одновременно правящих двух ассирийских царей — быть может, здесь опять мы видим случай разделения функций ишшакки и икилли? Это согласовалось бы с нашим предположением, согласно которому Тукульти-Нинурта был свергнут знатью, опиравшейся на Вавилонию, и отражало бы теоретически вероятную борьбу между ашшурским советом „великих“ и царем за политическую власть.

Дело окончилось к середине XII века упрочением царской власти и воссозданием могущественной ассирийской державы. Походы Ашшуррешиси, а в особенности его сына Тиглатпаласара I (1116—1090 гг. до н. э.) расширили ее пределы до Финикии, Армянского нагорья и Вавилонии. Этому способствовало совершившееся к этому времени падение держав Хеттов и Египта Нового Царства. Результатом было значительное расширение ассирийской аграрной территории, так как на покоренные народы не просто налагалась дань, но их территория объединялась с ассирийской, а население причислялось к ассирийцам.³ Тиглатпаласар I в своих анналах подчеркивает свою заботу о земледелии.⁴ Следовательно, характер отмеченных нами процессов в сельском хозяйстве Ассирии, в частности, разорения и закабаления крестьянства, должен был итти не интенсивно, а экстенсивно, охватывая все большую территорию. Относительное число свободного крестьянства еще не могло резко падать, и процесс расчленения ассирийских свободных на не подлежащих повинностям землевладельцев-рабовладельцев и на зависимых крестьян не мог еще завершиться.

Все же он должен был зайти достаточно далеко, так как именно к этому времени следует отнести дарование всему городу Ашшуру полного иммунитета (kidinnu:tu) от всякого рода повинностей, являющегося позже, в IX—VIII веке, объектом острой политической борьбы внутри Ассирии. К тому времени этот

¹ См. Winckler, AOF, III Reihe, S. 321 сл.

² NABL, 924.

³ KB I, S. 19, стр. 59—61, 84—88, S. 24, стр. 9—10, 34—35 и др.

⁴ Ук. соч., стр. 38—41, в особенности строки 101—104: „Во всей Ассирии я велел устроить оросительные сооружения (пагта:be:!), и сыпку зерна воистину я увеличил более, чем при моих предках“.

иммунитет представлялся уже освященным старинной традицией. Предоставление такого иммунитета должно было быть крупным достижением ашшурской знати и иметь своей оборотной стороной усиление гнета повинностей для сельского населения.

Около 1100 года начинается массовое проникновение на территорию Месопотамии арамейских кочевых племен. Оседая на слабо еще освоенных ассирийцами землях, арамеи не только нарушали связь собственно Ассирии с окраинами державы, но и разрушали слагавшуюся здесь ассирийскую аграрную и политическую систему. Арамейские племена были врагом бесформенным, но тем более страшным. Можно было бороться с отдельными военными отрядами, но ничего нельзя было сделать с целыми племенами, идущими вместе с женами и детьми, просачивающимися по одиночке, или небольшими группами, на ассирийские земли — а именно таким мы должны представить себе арамейское нашествие.

Это переселение было, может быть, самым грандиозным из всех, которые до тех пор знала Месопотамия. Многочисленные данные ассирийских текстов, а также языковые данные, говорят о полной¹ и почти внезапной перемене в составе населения по языку.

Тексты Тиглатпаласара I и его сына Ашшурбелкалы показывают огромное беспокойство, которое вызывало в Ассирии арамейское нашествие, начиная со второй половины царствования Тиглатпаласара². В конечном счете ассирийская территория была расчленена наступлением арамейских племен; в последней четверти XI века арамеи захватывают ряд областей даже за р. Тигром.³

Тем временем само ассирийское общество и ходом внутреннего развития подошло к назревавшему кризису, из которого оно выходит в IX—VIII веках уже в совершенно ином облике.

¹ Если не считать отдельных хеттских и хуррийских островков (Хаттина, Кархемиш, Гузана).

² Тиглатпаласар I провел во второй половине своего правления около 30 походов в район Евфрата.

³ Однако ассирийцы успели за средне-ассирийский период столь прочно укрепиться в ряде пунктов Месопотамии, что сохраняется ряд изолированных ассирийских очагов посреди арамейской стихии, способствующих в дальнейшем новому завоеванию Месопотамии. Таковы были Луха (Элухат), Таиди и Синабу в районе совр. Диарбекра (КВ I, S. 68, стр. 102—3, S. 92), а вероятно и Харран, завоевание которого ассирийскими надписями X—IX веков не упоминается.

Глава III

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НОВО-АССИРИЙСКОГО ПЕРИОДА

I

В начале I тысячелетия до н. э. в Сирии и северной Месопотамии создается множество независимых мелких государств, преимущественно арамейских, среди которых имелось и несколько поздне-хеттских¹ и поздне-митаннийских (Гузана на Хабуре).² Некоторые арамейские племена (на среднем Евфрате, в центральной Месопотамии, за Тигром) сохраняют кочевой быт и родо-племенную структуру. Южнее на вавилонские земли постепенно проникают с запада родственные арамеям халдейские племена.

Ассирийские цари, стесненные со всех сторон надвинувшимися арамеями, и беспокойные от них даже в своих исконных пределах,³ в течение XI и X веков были, повидимому, заняты обороной и внутренними делами, в частности, борьбой со старыми порядками в государственном управлении. Так, один из них⁴ отменил в конце XI века порядок выдвижения эпонимов-лимму (которые, как уже упоминалось, вероятно были не кем иным, как ежегодно сменявшимися членами совета старейшин Ашшура, и имели первоначально вполне определенные административно-финансовые функции), и в течение всех 6 лет своего правления присваивал звание „лимму“ самому себе. Не случайно также, что ассирийские цари теперь, подобно Тукульти-Нинурте⁵, имеют свою резиденцию не в Ашшуре, а в различных других городах, хотя Ашшур и остается традиционной столицей, центром государственного культа⁶ и местом погребения царей.⁷

Обычай датировки по ежегодно сменяющимся эпонимам — „лимму“ был в дальнейшем восстановлен, но должность „лимму“,

¹ Хеттские иероглифические надписи дошли из Кархемиша и из различных пунктов Сирии; цари Хаттины носили традиционные хеттские царские имена (Лубарна = Лабарна, Сапалулме = Суппилулиума).

² Forger, Die Provinzeinteilung, S. 24.

³ Царь Ашшурбелкала призывает „богов запада“ против возможных своих врагов, АКА р. 152 след.

⁴ Ашшурнерари IV (1018—1013 гг.), KAV № 21.

⁵ Ср. выше, стр. 42.

⁶ Здесь был центр культа бога Ашшура, сюда (в храм этого бога) адресовались военные реляции царей.

⁷ См. у W. Andrae, Das wiedererstandene Assur, стр. 136 сл.

замещавшаяся теперь в строго установленном иерархическом порядке царскими придворными, — позже, в особенности, наместниками областей — имела уже, насколько мы можем судить, преимущественно ритуальное значение. Окончательно устанавливается, между прочим, царская титулатура „царь великий, царь сильный, царь вселенной, царь Ассирии“. Роль и значение царской власти в ново-ассирийский период, несомненно, сильно возросли.

Но этот результат сказался лишь позже, при великих ассирийских царях-завоевателях IX—VII веков до н. э.

Вплоть до конца X века продолжается отступление Ассирии. На середину этого века падает образование в северной Месопотамии союза племен и княжеств во главе с народом „теманнейцами“ и княжеством Бит-Бахиани. Этот союз ассирийцы называли традиционным термином Ханигальбат (= Митанни), и он-то и являлся на первых порах главным противником Ассирии¹. Однако, составные части нового Ханигальбата признали верховное владычество Ассирии при Ададнерари II (911—891 гг. до н. э.), а при его преемнике Тукульти-Нинурте II (890—884 гг.) Ассирия вновь приобретает гегемонию в северной Месопотамии² и по всей долине Тигра, и даже добивается существенных уступок от Вавилонии.

Преимущества, бывшие у Ассирии и раньше — благоприятное экономическое и стратегическое положение, более высокая культура, более дисциплинированное войско, чем могли в то время иметь арамеи, традиции военного дела и умение вести войну в условиях оседлой страны — продолжали действовать и в этот период; Ассирии вновь удалось установить свою гегемонию в Месопотамии, но опыт XI—X веков показал, что трудность заключается не в том, чтобы завоевать, а в том, чтобы закрепить эти завоевания. Очередная задача военной политики Ассирии в начале I тысячелетия до н. э. — сделать невозможным отпадение покоряемых ею областей.

В этот период на престол вступает один из наиболее выдающихся полководцев в ассирийской истории — Ашшурнасирапал II (883—859 гг.). Наделенный незаурядным военным талантом, не останавливавшийся ни перед какими мерами для достижения цели, отличавшийся садистической жестокостью, не имеющей себе равной даже в кровавой летописи деяний ассирийских царей, он прошел Месопотамию и Сирию огнем и мечом, оставляя после себя запустение³.

В течение 883—876 годов Ашшурнасирапал II подчинил верховному господству Ассирии, по существу, всю Месопотамию вплоть до Кархемиша на Евфрате, и расширил пределы государства

¹ *Анналы Ададнерари II, КАН II, № 84 (= Luckenbill, ARAB I, § 356 сл.).*

² *Анналы Тукульти-Нинурты II, Luckenbill, ARAB I, § 402 сл.*

³ *Анналы Ашшурнасирапала, АКА р. 254 сл.; Монолит из Карха, АКА, р. 222 сл.*

в восточной горной области, а также провел ряд чисто грабительских походов, в частности, в Армянское нагорье.

Методом его было полное разграбление покоряемых стран и почти поголовное истребление жителей тех областей, которые проявляли признаки строптивости, в устрашение соседним областям¹. В стратегически наиболее важных пунктах создавались, как базы для дальнейшего наступления, крепости, куда свозились запасы провианта и фуража для войска из окружающей области. Остатки населения в значительной части уводились в плен, и, вероятно, обращались в рабство; господствующая часть населения по преимуществу истреблялась.

В своих действиях царь опирался на ассирийских колонистов, поселенных в предшествующий период в различных пунктах Месопотамии и частично оттесненных арамеями из мест их первоначального обитания². Этими колонистами заселялись создаваемые крепости; селились и новые колонисты.

Повидимому, однако, взаимоотношения со старыми колонистами складывались у царя не очень гладко; возможно, они находили новые порядки их прежней родины иными, чем это было для них привычно. Трудно сказать, что было причиной недовольства; быть может, они ранее пользовались самоуправлением или другими свободами, которых их теперь лишила деспотическая власть царя; так или иначе, анналы Ашшурнасирапала II сообщают, что в 882 году против поставленной царем администрации восстали ассирийские колонисты б. митаннийской крепости Лухи (или Элухата), потомки поселенных здесь еще Салманасаром I. Восставшие были истреблены вместе с семьями, и от их поселений не оставлено камня на камне.

В 876 году Ашшурнасирапал II, присоединив к своему войску контингенты вассальных княжеств, двинулся в поход вглубь Сирии и смог достичь финикийского побережья. Собрав дань, учредив ассирийскую колонию в центре царства Хаттина на Оронте и нарубив ценных пород леса в горах Ливана и Амана, Ашшурнасирапал II возвратился на родину. Ассирийская держава уже достигла приблизительно размеров, которые она имела в XIII—XII веках. Кроме мелких карательных походов, Ашшурнасирапал II больше не предпринимал войн.

Казалось, что военно-политический метод Ашшурнасирапала оправдал себя, и его преемники продолжают действовать таким же образом.

Как обычно на Востоке, смерть Ашшурнасирапала II возбудила надежды противников Ассирии, и хотя его сын Салманасар III (859—822 гг.) смог в 858 г. повторить поход своего отца к горам Амана и Средиземному морю, но на этот раз ассирийское войско встретило с трудностями, т. к. царства Сирии и некоторые

¹ См., напр., АКА, р. 285—286, р. 291—292.

² АКА, р. 297.

княжества гор Тавра образовали союз. Для покорения входившего в союз Бит-Адини¹, откуда было уведено в плен и роздано ассирийцам 17500 человек², нового подчинения Кархемиша и укрепления тыла в Месопотамии потребовалось несколько лет, и лишь в 853 г. состоялся большой поход на Запад. При этом Салманасару снова пришлось столкнуться с коалицией сирийских царьков, выступивших против Ассирии с редким и непривычным единодушием. Движущей силой коалиции был царь Дамаска Хададэзер, входили же в нее 12 царств Сирии и Палестины³. Ашшурнасирапал многому научил сирийцев; он показал, какого страшного врага представляет для них Ассирия, и как необходимо единство. Союзники долго не давали решительного сражения, отступая в долину Оронта. Наконец, произошел бой у крепости Каркар. Силы союзников, по ассирийским подсчетам, состояли из 70 000 человек всех родов оружия; ассирийское войско, вероятно, имело в своем составе также тысяч 50—70. Бой был чрезвычайно кровопролитным (по ассирийским сообщениям, у противника пало 14 000 воинов) и окончился поражением Ассирии⁴.

Годы 852—846 проходят для ассирийцев в карательных экспедициях в Месопотамии, разведывательных набегах на Сирию и укреплении тыла для подготовки нового большого похода. В 845 г. Салманасар III созывает, наконец, всенародное ополчение и с войском, по ассирийским данным, в 120 000 человек (неслышанная дотоле цифра) выступает против Сирии — и снова без успеха. Лишь в 841 г., воспользовавшись распадом сирийского союза, Салманасар III, в третий раз предприняв большой поход на Запад, смог разбить Дамаск, проникнуть в Финицию и установить гегемонию в Сирии. Для поддержания ассирийской власти в Сирии (а также для рубки леса на Амане) потребовался, однако, еще целый ряд менее значительных походов.

В 851—850 гг. Ассирии удалось вмешаться в борьбу за вавилонский престол и посадить в Вавилоне удобного ей правителя. Помимо этой и большой сирийской войны, Салманасар вплоть до конца 30-х годов IX века предпринимал лишь отдельные грабительские походы или набеги, не имевшие серьезных последствий — в том числе глубокий рейд на армянское нагорье. Во время этого похода ассирийцы впервые столкнулись с государством Урарту, уже в это время бывшим сильнейшим княжеством.

¹ Между Евфратом и его притоком Балихом.

² Балаватские ворота, III, 5—6 (Pinches, The Bronze Ornaments of the Gates of Balawat).

³ В числе союзников упоминается „Мусур“ — в этом контексте, вероятно, — Египет.

⁴ Иначе, как полным поражением ассирийцев трудно объяснить, что в результате этого кровопролитного сражения ассирийцы не продвинулись вперед и на восемь лет прекратили походы на Сирию. Ср. надпись на монолите, КВ I, S. 170 сл. со сдержанным сообщением анналов, ук. соч., стр. 134—195.

севера, где, повидимому, на рубеже II и I тысячелетий до н. э. начало складываться классовое общество.

В течение IX века Урарту быстро превращается в державу, стоящую в одном ряду с такими государствами, как Дамаск, Вавилония, Элам и, наконец, даже сама Ассирия. Под энергичным правлением царя Менуи (с 810 г. до н. э.) Урарту расширило свои границы от Закавказья до Евфрата и Тигра¹.

Уже при Салманасаре III в Ассирии понимали необходимость борьбы с севером, о чем свидетельствует ряд походов против Урарту и во фланг этой державы. Но противодействовать быстрому усилению севера ассирийцам не удалось из-за начавшейся в 827 г. и длившейся по 822 год серьезнейшей гражданской войны, на которой мы остановимся ниже.

Шамши-Адад V (821—811 гг.), после подавления восстания, начал с войны против Урарту, которому было посвящено три похода, не приведшие к особым успехам на собственно урартском направлении. Большой успех имел Шамши-Адад V на северо-востоке и востоке, где ему удалось проникнуть далеко вглубь Ирана. На юге этот царь провел удачную войну с Вавилонией и ее союзниками — войсками Элама, халдейских и арамейских племен и др. Этот поход был предвестником многочисленных войн Ассирии с южными коалициями.

За Евфрат Шамши-Адад V не переходил и на гегемонию в Сирии не претендовал².

При следующем царе, Ададнерари III (в начале правления которого регентом была его мать Саммурамат, известная античной традиции под именем Семирамиды), в Иран был проведен целый ряд походов, причем ассирийцы доходили до Каспийского моря³. Эти походы на северо-восток имели целью, по всей вероятности, кроме грабежа, препятствовать движению урартов в тыл Ассирии. Но против самого Урарту и в это правление Ассирия не имела успехов. Зато на западе Ададнерари III воспользовался соперничеством за главенство в сирийской коалиции между Дамаском и Хаматом, и в 805—802 гг. провел успешную войну, закончившуюся сдачей Дамаска и получением дани со всей Сирии и Палестины. В Вавилонии было закреплено верховенство, установленное Шамши-Ададом V.

Относительные успехи ассирийской державы в эти два правления были обманчивы. Это сказалось в следующее правление Салманасара IV (782—773 г.), наполненное почти непрерывной оборонительной войной с Урарту, перешедшим при Аргишти I в наступление на юг⁴. Основные события правлений Ашшурдана III

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 67 сл.

² Анналы Шамши-Адада V, KB I, S. 175 (= Luckenbill, ARAB I, § 714 сл.).

³ KB I, S. 191, стр. 10 = ARAB I, § 739; Список эпонимов, KAV, № 21, Col. VI—VII.

⁴ Список эпонимов, KAV № 21, VII.

(772—755 гг.) и Ашшурнерари V (754—745 гг.) — эпидемии, гражданские войны и потеря важных стратегических позиций в борьбе с Урарту¹, в частности, в Сирии. Стечение внешних и внутренних причин привело Ассирию к упадку, из которого ее вывел реформаторский талант Тиглатпаласара III, вступившего на престол в 745 г. до н. э.

Каков был характер политики ассирийских царей с начала IX по середину VIII века по отношению к покоренным странам, и каковы результаты этой политики?

При ассирийских завоеваниях отношения между покоренными и Ассирией проходили несколько стадий.

Страны, наиболее отдаленные от центра Ассирии, и являвшиеся объектами лишь случайных походов, обычно приносили ассирийскому царю единовременную дань. Такая дань бывала обычно значительной, и ее принесение имело целью откупиться надолго. Так, например, дань хаттинского царя Ашшурнасирапалу² состояла из 600 кг серебра, 30 кг золота, 3000 кг свинца, 3000 кг железа, 1000 голов крупного и 10 000 голов мелкого скота, 1000 цветных шерстяных тканей, из льняных тканей, мебели из бука с инкрустациями из слоновой кости, 10 рабынь-музыкантш и пр. Во второй половине VIII века царь Израиля принес Ассирии дань, по данным Библии³, якобы в 30 тонн серебра, обложив для этого все зажиточное население страны налогом в 50 сиклей серебра с человека (несколько менее 1/2 кг). Если дань была меньше, для нее использовались обычно украшения храмов и дворцов. Приносилась такая дань большей частью при приближении ассирийского войска. Такую единовременную дань — в меньшем масштабе — приносили при прохождении ассирийского войска также вассальные царьки и вожди племен. Более отдаленные государства, и в особенности те, которые претендовали на великодержавное положение, ограничивались обычно дарами по случаю восшествия царя на престол или какой-либо крупной победы. Следующей стадией было установление ежегодной дани в пользу Ассирии; напр. ежегодная дань Хаттины была в 858 г. установлена в размере 30 кг серебра, 60 кг шерсти, окрашенной пурпуром, и 200 кедровых стволов⁴. Такая дань изредка могла быть и невелика, в особенности для маленьких государств; так, Ашшурнасирапал установил в 876 г. для Тиль-Абна ежегодную дань всего в 10 мин (5 кг) серебра⁵, но она означала подчинение Ассирии, и ее непринесение рассматривалось, как „бунт“ и вызывало обычно карательную экспедицию. Переходу к следующей

¹ Список эпонимов, KAV № 21, VII; 23, VIII; Б. Б. Пиотровский, ук. соч., 70, 71, 80.

² АКА, р. 368 сл.

³ IV Кн. Царств, 15, 19—20.

⁴ KB I, S. 162, строки 23—24 = Luckenbill, ARAB I, § 601.

⁵ АКА, р. 365 = ARAB I, § 475. Тиль-Абна находилась в северной Месопотамии, к югу от Харрана.

стадии — обращению данной области в наместничество ассирийской державы — предшествовали часто разорение страны и увод части населения в плен, где оно иногда селилось на новых местах. Однако, до 745 г. такие переселения были сравнительно редки и не имели особого размаха (чаще всего переселялось 500 — 1000 человек). Гораздо большее количество людей вырезалось; ко времени причисления народа данной страны „к людям Ассирии“, она зачастую представляла мерзость запустения — с редким населением среди развалин сел и городов, вытопанных полей и сожженных виноградников.

В самом деле, количество населения на территории ассирийской державы к востоку от Евфрата едва ли на много превышало миллион человек. В настоящее время здесь проживает около полутора миллионов. Если принять на веру цифру, приводимую анналами Салманасара III, то всеобщее ополчение мужского населения его державы дало ему армию в 120 000 человек, что соответствует предполагаемой нами общей цифре количества населения.

Между тем, только по цифрам, приводимым (далеко не во всех случаях) т. наз. „Стандартной надписью“ Ашшурнасирапала II, его противники потеряли убитыми и казненными из числа пленных свыше 25 000 человек только на территориях, отошедших к Ассирии. Число уведенных в плен надпись указывает редко, и только относительно мужчин. Общая сумма в тех случаях, где число указано — для тех же территорий — свыше 10 000. Кроме того, в четырех случаях было проведено поголовное истребление населения района. Еще раз подчеркиваем, что речь идет не о территории вражеской, а о территории, вошедшей в состав Ассирии. Это означает, что за короткий срок с 883 по 876 год (годы, охватываемые „Стандартной надписью“) было уничтожено или уведено в качестве рабов не менее трети того количества воинов, какое могла дать вся держава при всеобщем ополчении. Эти цифры охватывают далеко не все случаи. Если они преувеличены, то во всяком случае степень их достоверности не меньше, чем в отношении цифры ополчения Салманасара III. Так или иначе, они показывают размах уничтожения населения на присоединявшейся к Ассирии территории. А ведь до Ашшурнасирапала таким же мерам подверглись и другие, более близкие к Ассирии территории — короче говоря, таким образом была разорена вся территория державы, за исключением маленькой Ассирии в собственном смысле слова. Прибавим к этому потери ассирийского войска, гражданские войны, затронувшие и метрополию в неменьшей степени, чем провинции, наконец, моровые язвы — и мы должны прийти к выводу, что за IX—VIII века ассирийская держава должна была сильно обезлюдеть. Оставшееся население, несомненно, в своей массе было разорено. Та же „Стандартная надпись“ Ашшурнасирапала II приводит цифры снесенных с лица земли населенных пунктов. Общая сумма для тех же территорий, не считая случаев,

где цифра не упомянута — свыше 900 населенных пунктов. Разумеется, что хозяйства в этих населенных пунктах, даже если жители не были убиты или уведены в плен, разорились.

Из всего этого видно, во-первых, что ассирийские войны этого времени преследовали, главным образом, цель грабежа и увода пленных¹; во-вторых, что если ассирийские цари ставили себе задачу укрепиться на завоеванной территории (и эта задача была, в общем, успешно выполнена, по крайней мере в Месопотамии), то целью их при этом не была эксплуатация присоединенных территорий; скорее они стремились к захвату в свои руки важнейших источников ввоза (лес на Амане и Ливане, рудники Тавра) и путей караванной торговли².

Результатом, как указано, явилось обезлюдение территории, сокращение населения и разрушение сельского хозяйства. На очередь стала, поэтому, проблема заселения ассирийских территорий, восстановление численности населения — в особенности имея в виду контингенты вооруженных сил — и восстановление сельского хозяйства.

Заметим при этом, что это обстоятельство имело существенное значение и для земельных отношений, и не только с точки зрения изменения имущественного состояния земледельческого населения. Опустевшие земли лишились владельцев и, естественно, стали собственностью ассирийского государства. Хотя мы не знаем, ощущалась ли юридически государственная собственность в это время как непосредственно царская собственность, но характер царской власти в это время был уже таков, что нельзя сомневаться в фактической возможности для царя распоряжаться на пустующих землях, как хозяину. Заселение территории должно было поэтому являться как бы заселением царской земли. Но этого мало. Древнему Востоку вообще известна идея перехода собственности на завоеванную территорию к государству завоевателей в лице его царя. Если прибавить к этому, что выселению подвергалась преимущественно господствовавшая часть жителей завоеванной территории³, то становится вероятным, что все отношения, которые на ней существовали между крупными владельцами и зависимыми от них крестьянами, арендаторами и т. п. превращались в отношения между ассирийским царем и этими последними.

И если теория верховной собственности царя на всю территорию державы за исключением известных привилегированных земель, теория *γῆ βασιλική* вполне достаточно засвидетельствована лишь для эллинистической эпохи, а вероятно ее существование для ахеменидского времени, то фактическая основа для возникновения

¹ При этом, попрежнему, в большом масштабе практиковалось калечение пленных, АКА, р. 294.

² Книга Наума (3, 16) ставит ассирийских купцов наряду со знатью на первое место среди врагов всех народов.

³ Ср. IV Кн. Царств, 24, 14 для вавилонского времени.

„царской земли“ создается в ново-ассирийский период. Ранее этого времени, по крайней мере для Ассирии, существование верховной собственности царя на земельные территории государства, как уже указывалось, пока не может считаться установленным.

Вторым результатом политики ассирийских царей IX—первой половины VIII века являлось усиление наместников. Вся держава была разделена на два-три десятка областей во главе с наместниками (шакпи). Эти области подразделялись на округа во главе с окружными начальниками (uga:su). На обязанности наместников лежало обеспечение поступления податей и повинностей, а также поставка воинских контингентов¹. Только наместники, в строгом порядке иерархии, могли теперь быть эпонимами „limtu“. Само собой разумеется, что должность наместника была очень выгодной, и некоторые наместничества были прикреплены—очевидно, в качестве вознаграждения за службу—к определенным придворным и государственным должностям. Наместники были в высшей степени самостоятельными: так, они собственной властью могли давать освобождения от податей и повинностей, строить города и храмы, устанавливая подати и приношения в пользу этих храмов² и даже, кажется, вести войны на свой риск и страх³. Поэтому для того чтобы сохранить державу от распада, нужно было полностью перестроить административную систему.

Наконец, в третьих, опыт IX—начала VIII века показал серьезные недостатки в военной организации Ассирии. Ассирийское войско превосходило своих соперников выучкой, дисциплиной, военной техникой, опытом, численностью (следует помнить, что территория и население ассирийской державы, несмотря на относительное обезлюдение, в абсолютных цифрах все же все время увеличивались, и даже в худшие времена XI века Ассирия все же не нисходила до размеров карликового государства, какие ее окружали). Но ассирийское войско имело и свои недостатки. К ним относились недостаточная централизация, неопределенный качественный и количественный состав⁴, изъятие—как мы увидим ниже—значительных масс населения, способных дать боеспособных воинов, от воинской повинности и т. п. Сказывалось, вероятно, то обстоятельство, что армия насильственно рекрутировалась из сельского, в значительной части покоренного населения⁵, а поэтому господствовала палочная дисциплина.

¹ В течение короткого времени при Ашшурнасирапале практиковалась также система назначения в полусамостоятельные еще области, наряду с прежней администрацией, ассирийских чиновников (za:biš kudurri), обеспечивавших привлечение местного населения к повинности.

² E. Unger, Die Stele des Bêl-Harrân-bêl usur.

³ M. Mallowan, Antiquity, Sept. 1937, IX, № 43, 330. Ср. C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, II, 1, 374; F. Thureau-Dangin et M. Dunand, Til-Barsib, 145.

⁴ Поскольку войско набиралось по признаку территории и, видимо, на основе самоэкипировки.

⁵ См. об этом ниже, стр. 112 след.

В результате, одерживая победы над недисциплинированными арамейскими племенами, над мелкими и мельчайшими царствами, Ассирия оказалась не в состоянии добиться прочных успехов в борьбе с более крупными противниками — как например с Урарту, сирийской коалицией, или даже с ослабленной внутренней борьбой Вавилонией.

В таком положении застаёт Ассирию VIII век до н. э. Неуспешная война с Урарту 781—772 гг. показала банкротство старой политики. Внутри страны господствовал упадок. Богатые земли северной Месопотамии и многие из восточных горных областей лежали в запустении после столь многочисленных „карательных“ и иных походов. Много народу полегло в войнах, многих скосили эпидемии. Прочно закрепленными за Ассирией оказались только те области, которые были опустошены, да и они, управляемые крайне самостоятельными наместниками, были ненадежны. Народы остальных областей предпочитали отстаивать свою независимость, чем платить Ассирии непомерные, разорительные дани, которые сами ассирийские анналы называют „тяжелыми“. Крестьянство Ассирии находилось в бедственном положении и страдало от поборов, повинностей и рекрутских наборов. Еще тяжелее было положение пленных, уведенных в рабство.

Ассирия вступила в полосу кризиса. Выражением этого-то кризиса и были гражданские войны 827—822, 772—758 и 746—745 годов.

Исследователи согласны в том, что вступившим на престол Ассирии в 745 году Тиглатпаласаром III были проведены важные реформы в ассирийском обществе. Правда, надписи самого этого царя ничего не говорят о его реформаторской деятельности, но, начиная с его правления, появляются новые, ранее неизвестные явления, которые справедливо относят к числу нововведений Тиглатпаласара III. Нововведения эти следующие:

1) практика массового увода в плен населения завоевываемых территорий в значительно больших масштабах чем раньше (напр. 154 000¹, 90 000², даже свыше 200 000³). Эти пленные переселялись в организованном порядке в одну из ранее завоеванных областей (особенно в разоренные области Северной Месопотамии)⁴, причем надписи указывают, что жители выводились вместе с их имуществом и затем селились на новых местах, где „причислялись к людям Ассирии“⁵. На рельефах в ассирийских дворцах конца VIII и VII веков изображены пленные, угоняемые с имуществом, в то

¹ При Тиглатпаласаре, Luckenbill, ARAB I § 806.

² При Саргоне, Luckenbill, ARAB II, § 39, (H. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons).

³ При Синаххерибе, Luckenbill, ARAB II, § 267 (S. Smith, First Campaign of Sinacherib).

⁴ Ср. Харранский реестр, С. Н. W. Johns, ADB №№ 5, 6; IV кн. Царств, 17, 6; анналы passim.

⁵ См. хотя бы Luckenbill, ARAB II, § 4.

время как ранее мы имеем изображения голых и связанных пленных в колодках;

2) вместо прежних крупных областей во главе с наместниками создаются более мелкие области во главе с „областена начальниками“ (be:l rexa:ti, rexa:tu)¹.

3) коренным образом перестраивается войско. Во главу угла кладется „царский полк“ (kiçig шаггу:ti)—постоянное войско², состоящее на царском материальном снабжении, в то время как раньше исключительной основой организации войска были военные поселения и, может быть, набор рекрутов с собственным вооружением³, а в известных случаях—всеобщее ополчение⁴.

Такова была ситуация к тому времени, от которого до нас дошла основная масса документов ново-ассирийского периода, позволяющих судить о земельных отношениях. И в этой области политика Тиглатпаласара III внесла, вероятно, много нового, но для того, чтобы понять, как отразились его реформы на аграрном строе, и каков он был как до Тиглатпаласара III, так и после него, необходимо перейти к разбору документов VIII и VII веков до н. э.

II

До нас дошли фрагменты реестра земледельческого населения области Харран, относящиеся, вероятно, ко времени правления Ашшурбанапала (668—626 г. до н. э.)⁵. Эти чрезвычайно важные документы были в свое время изданы Джонсом в автографии и транскрипции с обстоятельным комментарием. Однако, поскольку Джонс не дал связного перевода текстов, а комментарий его, написанный почти пол-века тому назад, нуждается в настоящее время в дополнении, я счел необходимым, имея в виду большое значение Харранского реестра для темы настоящей работы, привести полностью в переводе четыре лучше всего сохранившиеся таблетки (№№ 1, 2, 3 и 5 по изданию Джонса) и изложить наиболее важные данные, содержащиеся в остальных фрагментах.

Документ ADB № 5 стоит несколько особняком, и его мы в дальнейшем рассмотрим особо. Остальные документы однотипны, хотя ADB № 3 и, может быть, 10 отличаются несколько иными орфографическими приемами по сравнению с прочими, которые, по всей вероятности, принадлежат все к одной серии. Ни начала, ни конца серии, к сожалению, не сохранилось, но можно предположить, что

¹ Forrer, Die Provinzeinteilung, S. 49 ff.

² Manitius, Das stehende Heer der Assyrer-Könige, ZA XXIV.

³ См. выше, главу II, стр. 69 сл., а также статью E. Cavaignac, RA XXI, p. 59 сл.

⁴ Diku:t ma:ti у Салманасара III, KB I, S. 140, Luckenbill, ARAB I, §§ 571 и 658.

⁵ Я отношу составление Харранского реестра ко времени вскоре после похода Ашшурбанапала на страну гамбулийцев (655 г. до н. э.), сопровождавшегося выселением жителей (Luckenbill, ARAB II, § 788; Цилиндр Рассама).

таблетка ADB № 1 была последней в серии. Поэтому приводим таблетки в следующем порядке: №№ 2; 1; 3; 5.

Привожу текст и перевод:

№ 2

(I, 1) 1 дом [...].

Шулум(?)—Нашху, [земледелец], Хан-дада, [сын его, то-же],
1 женщина — всего [3.]

2 дома, 50 имеров [поля], в том [числе] 10 имеров *aršu*¹,
1 вол, 1 гумно, 1 цисте[рна].

Нашху-катар, сын Нади-Иштара.

Все (это) — „усадьба А'на“ в г. Нура.

(10) Аль-Нашху-мил[ки], сын Илу-иттия, [земледелец], Зербаяди, [сын его, то-же,] 1 жена его — [всего 3].

[...], [...], сын его хол.², 1 племянник его, 1 женщина,
1 дочь „IV“³ — всего 5.

40 имеров поля, в том числе 10 имеров *aršu*, 2 вола.

Все (это) — „усадьба Гурраба“ округа Дур-Набу.

(20) Илу-ба[...], са]довник, [...]

(Пропуск около 35 строк)

(II, 1) ...], 2 колодца.

[Все (это) — поселение ...]буту округи Бинали.

[...]—илани, земледелец, 1 женщина, 2 дочери „III“ —
всего 4.

1 дом, 1 огород.

Халмус, земледелец, Си'-дилини, сын его хол., Шарру-дилини,
сын его хол., Мису, сын его „IV“, 1 женщина, 1 дочь реб.⁴ —
всего 6.

(10) 1 дом, 1 гумно.

Всего 4 земледельца, 60 имеров поля, в том числе 40 (?)
aršu, 2 дома, 1 гумно, [1 ого]род.

Все (это) — поселение Магрису в г. [...]ре.

Всего 2 дома наместника Ба[...], (бога) Нуску, где (?)
хозяева их ж[ивут (?)].

Хани, сын Пали[...], из ковровых (?)⁵ ткачей, земледелец,
Нуску-шезибани, сын его „IV“, 1 женщина, 1 дочь „III“ —
всего 4.

¹ „Возделанных“ или „орошенных“?

² В подлиннике ца — сокращение от цахарту „холостяк (?)“. Ср. ARU 67, 68, 167, ADD 783, 906, KAV 39.

³ Цифры V, IV и III означают рост (la:pu) в мере ги:ти — ср. ARU 467, 5 и др. В некоторых документах дети с отметкой V включаются в число „холостяков“.

⁴ В подлиннике UD или piḡ, — сокращение от piḡsu „ребенок“ (соответствует отметкам IV и III).

⁵ ciḡirtu — род ремесленного изделия; изготавливается ткачом, но бывает и из золота (золотой нитки?).

(20) 1 вол его собственный, 30 имеров поля, в том числе [...] *arshi*, 1 дом, 1 гумно, 1 ого[род].

[...], сын Зур[...]

(Пропуск 25—30 строк)

(III, 2) ... Всего 4 земледельца, 2 хол., 1 сын „IV“, 2 женщины, 1 дочь [„...“], — всего 10.

2 вола его соб[ственных]; 80 имеров поля, в том [числе] 10 имеров *arshi*.

Паппу, из [(название профессии)], сторож *qablu*¹, (10) Ханпашан, сын его [„...“], 2 женщины — всего 4.

1 тутовый *qablu*, 12 имеров его со[бственного] поля, 1 осел, 1 в[ерблюд (?)].

Манну-яди, сын Ха[...], в[ерблюжий] пастух, Нани, брат его [„...“], 1 сын „III“, 2 женщины, [1] дочь „III“ — всего 6.

(Пропуск около 200 строк)

(VII, 1) ... Все (это) — „усадьба Бир-Хану“ [...].

Лаитти-иль, сын [...], земледелец, из [(название профессии)], Атарпимди (?), [сын его „...“], 1 женщина — всего 3.

(Пропуск около 40 строк)

(VIII, 1) ... 10 [+ x ...] 1 [+ x ...] 5 [+ x ...] 20 [+ x ...] 6 имеров [поля ...], в том числе 50 пахотной², *arshi*.

Все (это) — „усадьба Капару [...]“ округи г. Харрана, целиком.

Бел-дан, земледелец, (10) Нани, сын [его хол.], певчий ...

(Пропуск 20—30 строк до конца)

№ 1

(1,1) Арнаба, сын Си'-надин-апли, садовник³; мать его — всего 2.

Паппу, садовник, Сагибу, сын его хол., Иль-абад, сын его „IV“, 2 женщины — всего 5.

10 000 лоз⁴, 2 дома; 10 имеров поля — их собственное.

(10) Все (это) — поселение Ханана в г. Саруге.

¹ Род плантации, может быть сад?

² ШЕ. NUMUN (чит. те:геши, ср. ADD 773 и ARU 118 сл. Поле бывает те:геши и *karabxi*, то есть, вероятно, „под пашней“ и „под паром“. *Arshi* — причастие с пассивным значением, те:геши — *poten loci*, оба слова — от корня 'гш „обрабатывать землю“.

³ *Nukaribbu, lakurubbu* (идеогр. NU.GIŠ.SAR) — букв. „садовник“. Имеется в виду, обычно, „виноградарь“.

⁴ Растение *BE-lit, BE-lut* (чит. *tillit, tillut?*) по Джонсу — „женская финиковая пальма“, по Унгнаду „овощ (?“). Считается на шутики, растет за пределами распространения финиковой пальмы. В аккадском литературном языке „виноград“ — *kaḡa-ni*, „лоза“ — *girru*.

Син-на'ид, садовник, Нуску-илаи, то-же, Нашху-катар, сын его „IV“, 1 женщина, 2 дочери — всего 5.

Ахуну, садовник, мать его — всего 2.

Всего 3 садовника, 1 сын реб., 2 женщины, (20) 2 дочери — всего пять.

15 000 лоз, 8 имеров поля, 1 дом.

Все (это) — поселение Марибеуари окрúги г. Тиль-абна.

Илу-нури, садовник, Аль-Си'-мильки, сын его хол., 1 ребенок грудной¹, 1 женщина, 1 дочь „IV“, 1 дочь „III“ — всего 6.

(30) Си'-напи, садовник, 1 сын „IV“, 1 женщина — всего 3.

Идрану, из управляющих (?)², садовник, 1 женщина — всего 2.

29 000 лоз, 3 дома, 2 вола, 10 имеров поля —

Все (это) — „царская усадьба“ окрúги г. Диммету, (40) *ina qe:ra:ni*³.

Нуску-илаи, из пекарей, садовник, 1 сын „IV“, 1 женщина — всего 3.

Аки-мати-илу, садовник, 1 женщина, 1 дочь хол., 1 (дочь) „IV“ — всего 4.

6000 лоз.

Все (это) — „усадьба Бел-абуа“ окрúги г. [...]куа, (50) *ina qe:ra:ni*.

(II, 1) Си'-идри, садовник, Нашху-идри, сын его хол., 1 женщина, 1 дочь девушка⁴, — всего 4.

5000 лоз, 1 дом, 1 огород.

Все (это) — поселение Хамеде, *ina qe:ra:ni*

Нашху-ба[...], из [(название профессии,] (10) са[довник], Нашху- [..., сын его „...“]. 1 женщина, 1 [дочь „...“ — всего 4].

4000 [лоз, ...].

Все (это) — поселение [...] в (?) окрúге [г....].

Хан-[...], кор[овий пастух ...], Канкану (и) Шер-надин-апли, 2 сына хол., (20) Луна-Нашху, сын Канкану „III“, 3 женщины, 1 дочь реб. — всего 8.

61 лошадь, корова и бык.

Все (это) — поселение Яната' окрúги г. Хаурины.

Рахима, козий пастух, Нашху-сама'ани, сын хол., 1 женщина, 1 дочь „III“ — всего 4.

(10) 57 коз проверенных (?)⁵

Все (это) — поселение Гадуата, г. Хасаму.

¹ В подлиннике GA = *šizbi* „молочный“

² шаріг.

³ См. ниже, стр. 119.

⁴ *Batussu*, асс. диал. вм. *batultu* „девушка“.

⁵ IGI.LAL

Иль-шимки, садовник, 1 сын „III“, 1 женщина, 1 дочь реб., —
всего 4.

7000 лоз.

Все (это) — поселение 'Ат'ану (??) округа г. Харрана.

Си'-акаб, сторож *qablu*¹, (40) Шер-манани, сын его хол.,
Кусайя, сын его „IV“ — всего 3.

1 *qablu* ⁱⁿ*NIG*₂.*ШУ.ГИ*(?)²

Все (это) — поселение Янибир Малый.

Всего 37 земледельцев,

11 садовников,

(III, 1) 4 [(название профессии)],

1 [„ „ „],

1 [„ „ „],

4 [„ „ „],

1 [„ „ „],

1 [„ „ „],

(Пропуск 14 строк, содержащий, вероятно, итог людей по
одной из „округ“).

40 [+ x имеров поля?],

10 [+ x тысяч лоз?],

10 [+ x огородов?],

10 [+ x *qablu* или т. п.],

1 [+ x],

5 [+ x] — окр[уга г. ...],

2 [+ x],

3 [+ x] — округа [г. ...],

60 л [ошадей(?)]

(30) 4020 о(слов (?)) — в г. Бана[...],

60 м[улов (?)] ...,

— всего 1250 в (?)[...].

282 000 [+ x лоз?],

41 000 [растений ...?] — *ina qe:ra:ni*,

25 000 [+ x лоз?] — (40) в г. Са[руге?],

(Пропуск 4 строки)

... 12 000 в [...]

— всего 79 000 [...].

(следуют цифры, затем пропуск около 100 строк)

(VI, 4) ... 10 000 [лоз, x] имеров [поля],

8 коров, быков [и ...],

24 вола [(?) ...],

¹ См. выше, стр. 92, прим. 1

² Род растения.

92 (?) овцы [...],
 [...] о[слов (?)] — в г. [...],

(Пропуск около 40 строк)

(VII, 1) ... Все (это) — (владение) рабов¹.
 30 лошадей подати (?)²
 ... верблюдов,

(Пропуск до конца—22 строки)

№ 3

(I, 1) Си'-нури, земледелец.
 15 имеров поля, в том числе 7 *arshi*.
 Все (это) — поселение Тиль-лини, округи г. Харрана.

1 сад *zamri* в г. Харране, в том числе 300 грядок (?)³ (и)
 150 тутовых деревьев и и-ли-би (?) — (10) всего 450.
 Все (это) — (владение) Аху-дури, сына Ша-Набу-шу.

Нуску-дури, [(название профессии)], 2 женщины, женщина
 (некоего) А[...], у[правляющего? ...]

(Пропуск около 35 строк)

(II, 1) Адад-дури, земледелец, Нашух-дилини, [сын его] хол.,
 1 женщина — всего 3.
 30 (имеров) поля, в том числе 15 *arshi*, 1 сад *zamri*, 1 вол.
 Все (это) — „усадьба Арризу“ округи г. Харрана.

(Пропуск около 40 строк)

(III, 1) 4000 (лоз) в г. Саруге;
 Всего 4000 лоз, 1 сад *zamri* округи г. Харрана.
 Всего 1000 в <пропущено>.
 1 овечий пастух ...
 Все (это) — дом Син-эреша, хлебопека, которого поселил Адад-
 римани, начальник хлебопеков г. Харрана.

(10) Зура, сын Шамаш-каме, земледелец, [...], сын его хол.,
 [...] дочь „IV“ ...

(Пропуск свыше 35 строк)

(IV, 1) ... 2 женщины, 2 дочери — всего 4 женщины, всего
 8 человек, душ⁴.

¹ пархаг ша arda:ni, букв. „Все (это) рабов“. Эта пометка относится, очевидно, к отдельному перечислению имущества, начинавшемуся со строки VI, 4 или, скорее, содержавшемуся в пропущенных (разбитых) предыдущих строках.

² Ціbtu — ср. ціbit алре:це:ni ниже, стр. 131.

³ Ganni.

⁴ В этом тексте под „душами“ (ZI) понимаются, повидимому, только несамостоятельные члены семейства.

24 (имера) поля в округе г. Харрана, в том числе 10 *агши*, 10 000 лоз — *ina qe:ra:ni* — 1 дом, 1 гумно.

1 пастух беглый.

Все (это) — (владение) Син-эреша, (10) сына Нуску-илаи¹.

Асануну, земледелец, 3 души — всего 4.

20 имеров поля.

Абда, пастух ...

(Пропуск около 65 строк)

(V, 2) Адад-бел-насир, [(название профессии)], Шар-илани-или [сын его „...“, — всего 2], Самси-илаи, [(название профессии)], 2 сына хол., 2 женщины — всего 5.

40 (имеров) поля, в том числе 10 *агши*, 2 вола.

Все (это) — поселение Хандари (10) в округе г. Харрана.

Все (это) — (владение) Шульму-аххе, сына Уади.

Уаси, сын Та'лы, садовник, Нашух-дилини, сын „III“, 1 женщина — всего 3.

Забда, сын Иль-бару, то же, 1 женщина — всего два.

(Пропуск около 35 строк)

[VI, (1)] [...], сын Харимы, [са]довник, [...]хи-Нашух, [сын (?) Н]ашух-димри, 1 сын хол., Атхари „III“, Набу-иддин, сын реб., 1 женщина, 1 дочь девушка, 1 (дочь) „IV“ — всего 8.

1 вол, 10 000 лоз, (10) 1 дом.

Адад-на'ид, земледелец, Асси, сын „III“, 1 женщина, 1 дочь девушка, 1 (дочь) „IV“, 1 (дочь) хол. — всего 6.

(Пропуск около 35 строк)

[VII (4)] ... 3 (дочери) „IV“, 1 (дочь) „III“, [...] — всего 14 женщин.

Всего 23 человека душ.

6 волов, 40 (имеров) поля в округе г. Харрана, в том числе 10 *агши*, (10) 100 (имеров) — *ina qe:ra:ni* — всего 140 (имеров) поля, в том числе 10 *агши*, 10 000 лоз ...

(Пропуск около 30 строк)

[VIII, (1)] ... Халама, [незанятый (?)], 1 женщина — всего 2.

Нани, [незанятый (?)], Атхари, сын его хол., 1 женщина — всего 3.

Даннай, овечий пастух, Иль-натани, сын „III“, 1 женщина — всего 3.

50 овец ...

(10) Всего 1 пастух, 6 незанятых² — всего 7.

¹ Имя, несомненно, местное.

² Ra:qu:ti — букв. „пустые“, „ни с чем“.

60 овец. (Размера) поля я не знаю.¹ Надо спросить о нем Си'-ахада.

„Усадьба Адалала целиком.

Все (это) — (у) Си'-ахада, начальника поселений ... [...] ..., которого я на[значил].

10 [+ x ...],

7 [+ x ...].

(Конец таблетки)

№ 5.

(I, 1) Ахуа, сын Габриэля, Таб-на'ид. сын его хол., Нашху-катар, [сын его] „IV“, Си'-сака, хол., сын Алла-шарри — всего 4.

20 имеров того же² — начальник виночерпиев.

3 имера того же — глашатай страны. 1 дом.

Иль-габри, сын Набу-лади, то же,³ Нашху-надин-апли, сын его „V“.

20 имеров того же — начальник виночерпиев.

(10) 3 имера того же — глашатай страны. 1 дом.

Аху-нури, сын Си'-ябабы, то же; Нашху-габри, сын его хол.,

20 имеров того же — наместник Ниневии,

4 имера того же.

Какусту, сын Араталану; Уппуку (и) Хуму, братья его „V“;

10 имеров того же — (наместника) г. Римусу⁴,

10 имеров того же — которые там, где наместники (?)⁵.

4 имера того же — наместника Хальсу.

(20) Аси, сын Тити, Апулу, брат его „V“.

20 имеров того же — ША₂.NU.SAG^{меш 6}

3 имера того же — наместника Хальсу.

1 (с дробью) имера — (некоего) Си'-мата'.

Поселение берапшийцев.

(Пропуск около 25 строк)

(II, 1₁) [...], Набу-балатсу-[икби], Тер-надин-апли ... [...] — (некоего) Алла-шарри.

17 имеров того же — главный судья.

3 имера того же — глашатай страны,

¹ eqlu la:uddi — асс. диалект вместо литературного eqla ul i:di.

² Т. е. поля (данная таблетка является продолжением другой).

³ Т. е. земледелец.

⁴ Римусу, Уднун — окружные города в коренной Ассирии.

⁵ Ша bid^{ame:1} шакпи:ti^{меш-ti}. Шакпи обозначает обычно „наместника“, но также и какую-то (ремесленную?) профессию; ср. ARU 47, 146, 680.

⁶ Может быть шакпи^{nu} ге:ше:меш = шакпи десятников (?)

3 имера того же — не глашатая страны,

1 имер того же — наместник Ниневии.

Эрису, сын Манну-ка-шарру, (10) Набу-эреш, сын его „V“, Набу-усалли, хол., — всего 3.

KU¹ Нуску-иди.

20 имеров того же — дворецкий² царевича.

4 имера того же.

Набу-ушаллим, то же, Нинурта-усалли, то же, 2 сына Куни; Илаи-аби, сын его хол., (20) Илу-надин-апли „V“ — всего 4.

KU¹ Хананы (и) Айбу.

40 имеров того же — начальник MU.GI², дворецкий³ храма Ашшура (и) наместник Уднуна.

8 имеров того же.

Всего 10 земледельцев, 3 хол., 5 „V“, 2 „IV“, 1 „III“, 1 реб., 2 грудных — всего 24.

Поселение гамбулийцев,⁴ все там, где я прикреплю их.⁵

(Пропуск 20—25 строк)

(III, 1 ... 20 имеров [...],

10 имеров [...],

10 имеров — г. [...],

10 имеров — [(название племени или профессии],

еще 3 имера — г. [...],

2 имера — (некоего) Иштар - [...],

несет повинность [(?) ...],

1 имер того же, колодец (?) [...],

2 имера Панзи [...], (10) медника, который несет

повинность для г. Нампигу.⁶

2 имера того же — наместник Дандана⁷;

возделывать (?) ты п[приказал (??)]⁸;

4 имера (неких) Бисы, (?) Курзы (?) (и) Хампы —

возделывать (?) ты [приказал (??)];

2 имера (с дробью) — (некоего) Набу — [...],

4 имера (с дробью) то же, не [...],

5 имеров из [...],

(20) 4 имера (с дробью) то же, не [...], данданийцев⁵.

возделывать (?) ты [приказал (??)].

¹ Может быть цаба:tu, цибту — держание? или adi „с“? Очень сомнительно.

² Абагакку. Перевод условный.

³ Высокая придворная должность, др.-евр. gb-mg.

⁴ Гамбулийцы жили между Эламом и Вавилонией и были выселены Ашшурбанапалом в 655 г. до н. э. См. Forrer, Die Provinzeinteilung, S. 99.

⁵ пархаг ша е-та а-ка-цаг-и-пи.

⁶ По Джонсу — эллинистич. Βαμβόλη, сир. Mabbog, Mappug, совр. Mambu:dj, но ср. Vambuku в ADD 773, 5.

⁷ Данданийцы, повидимому, соседили с гамбулийцами, Forrer, ук. соч., стр. 120.

⁸ а-па APIN^{меш} ta-qa-[bi (??)]. Чрезвычайно сомнительно.

1 имер ... — (некоего) Си'-[...].
Поселение берапш[ийцев]

(Пропуск не менее 200 строк)

[VII, (1)] ... Атар-ид[ри, садовник], Ата-ид[ри, сын его „...“].

1 дом, 1 ого[род (?).]

Улула[й, садовник (?)], А[...]

(Пропуск около 20—30 строк)

[VIII, (1)] ... [...], Шамаш-[...], Ма[...] — всего 7.

1 сад,¹ то-же, [...] — в крепости [...].

1 сад,¹ то-же, ZA.PA.ZA рядом с са[дом (?)].

Всего 3 садовника поселения Хуму[...].

[(10)] ... Айхали, [...]

1 сад,¹ то же,

Всего 13 садовников, 1 воин,² (?) 2 [...], 1 хол.,

2 „IV“, 2 реб., [...] — всего 32.

7 садов¹ ZA.[PA.ZA], 1 сад¹ то же—(богини) Иштар Ху[му ...]ской, 1 сад, то же с насаждениями (?) — всего .12 садов ZA,³ 1 qablu тутовых деревьев, 6 имеров поля, 3 огорода, 6 домов.

(конец отбит)

№ 4—фрагмент, сходный по содержанию с № 2. Особенности:

а) после одного раздела написано: ina a:l ri:bit ri:m-ana-ili, пархаг ша арал^mRi:m-a-ni-i-li a-па III U (может быть читай IGI. LAL?) Предлагаю перевод: „... в поселении дороги (?) Риманили; все (это) — сына Риманили; для проверки (?)“;

б) В двух разделах главами семейств являются женщины; в последнем из этих разделов сохранилось: — „(владение) Адад-римани, начальника хлебопеков гор. Харрана“.

в) в одном случае вместо i-па q₁-ра-a-ni написано, повидимому, ina ma:t qip-an.

№ 6 — фрагмент, сходен с № 2. После одного из разделов идет фраза „все (это)—пленные страны Гамбулу“. Ср. № 5, II, 27. Затем идет последний сохранившийся раздел: „Илубани, той же профессии (= садовник), 1 сын, 1 женщина из числа беглых, которых привел (пацц:пи) Набуаххешаллим“.

№ 7, — фрагмент, перечислялись семьи ремесленников (кузнецов). В последнем, вообще незаполненном столбце на краю таблетки сохранилось: nis-xu la [e-риш] — „выписка не [сделана]“.

¹ Идеограмма дает только GIII, т. е. дерево; вероятно, сокращение в. GIII.SAR = ki₁; „сад, виноградник“.

² ши-lu tu₂—от ши:lu: „ставить гарнизоном“—„гарнизонный солдат“ (?)

³ Вероятно, сокращение в. zam₁ (?) или ZA.PA.ZA. Значение неизвестно.

№ 8—фрагмент, сходен с № 1.

№ 9—фрагмент, сходен с № 1.

№ 10—фрагмент, сходен с № 3. Упоминается скот EШ₃-GAR₂ (порученный?) и 'NU-IGI-LAL (непроверенный), земля „вокруг Харрана“ и „в области Харрана“, и др.

№ 11—фрагменты, перечисляются семьи пастухов и скот.

№ 12 и 13—фрагменты.

№ 14—фрагмент. Упоминается ame:itamkaḡ „купец“ (в качестве владельца?).

№ 15—22 — мелкие фрагменты.

Несмотря на фрагментированность, эти документы позволяют сделать ряд выводов.

Документы представляют собой реестры людей и сельскохозяйственного имущества в области Харрана (провинции „туртана“)¹. Для полей указывается площадь, для садов, виноградников и т. п.—количество плодовых деревьев, лоз и т. д. без указания площади, для скота—количество голов, в отношении же людей указывается: для главы семейства—профессия, в прочих случаях—рост, а также отношение к главе семейства. Все это делает вероятным, что целью составления реестра является призыв на повинности и налоговое обложение, так как, например, указание на площадь только для полей, а для насаждений—на количество плодоносящих растений, выражает доходность тех или других, а налог с земли носил в Ассирии, как мы увидим ниже, подоходно-поземельный характер. Другое имущество, как то орудия сельскохозяйственного производства, предметы ремесла и т. д. вообще не перечисляется, что естественно, если считать, что реестр учитывает облагаемое имущество. Обозначение же роста несамостоятельных членов семейств и их отношения к главам семейств становится объяснимым, если предположить, что реестр должен был отражать их способность к несению повинностей.

Такое объяснение Харранского реестра подтверждается также и другими документами, как мы увидим ниже.

Данные Харранского реестра сгруппированы по „поселениям“ (a:lū). Возникает вопрос—является ли каждый раздел, отделенный чертой, перечнем всего населения и всего сельскохозяйственного имущества данного a:lū, или только какой-то определенной категории, только и включенной в реестр? Ряд данных² показывает, что поселение—a:lū в ново-ассирийский период вообще бывало очень невелико, и количество жителей в нем могло быть порядка десятка человек, поэтому нет ничего невероятного в том, что разделы Харранского реестра, в каждом из которых перечисляется по 5—10 человек, характеризуют поселения в целом³.

¹ „Туртан“ (главный полководец) был наместником Харранской провинции, Forrer, Die Provinzeinteilung, S. 21 f.

² См. ниже, стр. 118 сл.

³ См. выражение „целиком“ (ana gimirti-шу) в № 2, VIII, 8; 3, VIII, 18.

Названия поселений в сохранившихся фрагментах реестров не повторяются.

С другой стороны, реестр составлен не по географическому принципу. Каждое поселение—а:lu обозначено, как находящееся в пределах более крупного а:lu или его „округа“ (qanu). Было бы естественно ожидать, что реестр будет группировать свои разделы по этим крупным а:lu (городам) и „округам“. Однако на самом деле различные города и „округа“ упоминаются вперемежку. Более выдержана группировка по профессиям упоминаемых лиц; так, таблица № 1 перечисляет преимущественно виноградарей („садовников“), № 2—земледельцев, № 7—кузнецов¹, № 11—пастухов. Однако и здесь система не выдержана.

Систематичнее подведены итоги, насколько можно судить по сохранившимся остаткам текста, в конце таблицы № 1. Эти итоги относятся не только к одной этой таблице, так как цифры не сходятся с ее данными: земледельцев гораздо больше, чем перечислено в таблице № 1, виноградарей меньше. Конец итогов не сохранился, вероятно были еще итоговые цифры и по земледельцам и по виноградарям, и т. п. Повидимому, итоги подведены по городам и „округам“, но отдельно по различным профессиям людей, и по различным видам сельскохозяйственного имущества для каждого города или „округа“.

Бросается в глаза большая величина участков по сравнению с числом обрабатывающих их людей. Так, в № 2, III, 2-7 имеется 10 человек на 80 имеров (около 60 га)² земли, там же II, 4-11—6 человек на 60 имеров (около 45 га), там же I, 1-7 всего 3 человека на 50 имеров. Земля „возделанная“ (agshi) в этих участках составляет сравнительно небольшой процент. Наряду с населением явно местного происхождения (на что указывают арамейский характер большинства имен³ и имена местных харранских божеств Си и Нашуха⁴ в теофорных именах), имеются и многочисленные переселенцы из завоеванных Ассирией областей („пленные из Гамбулу“, „поселение гамбулийцев“,

¹ В противоположность мнению Джонса, ADB, p. 7, которому следует Б. А. Тураев, История Древнего Востока, 1935 г. II, стр. 63, я не думаю, чтобы реестр охватывал также и городское население. Селения ремесленников представляют на Востоке во все эпохи довольно обычное явление.

² Мейснер (Babylo-nien und Assyrien, I, 358) считает имер приблизительно равным $\frac{2}{3}$ га; этому расчету мы и следовали; однако, возможно, что размер имера был большим, см. Hildegard Lewy. RA XXXV, 1, стр. 33.

³ Ср. окончания status emphaticus на -a; глагол $\sqrt{\text{сbd}}$ „делать“ и $\sqrt{\text{xd}}$ „брать“, предлоги ca^1 и la, местоимение man и др.

⁴ Как правильно отмечает Джонс, бог Si' есть, несомненно, Син Харранский, Наших—его сын Нуску, Nshk нерабских надписей. В отличие от Джонса, который производит Si' от 'Sin, я предлагаю читать это имя Sih и считать сокращением от Sihr (S'hr в Нерабе; П. К. Коковцов, Древне-арамейские надписи из Нираба, ЗВОРАО XII, 1899, стр. 154, сравнивает евр.-арам., Se:hra:).

„поселение берапшийцев“ — ср. всю таблицу № 5). Довольно много бывших ремесленников, обратившихся в земледельцев.¹ Все это заставляет согласиться с Джонсом,² что в Ассирии, повидимому, более ощущался недостаток в людях, чем в земле. Это совпадает и с выводами, к которым мы пришли выше.

Часть поселений обозначены не как a:l lu, а как a:l ше:'i (букв. „хлебный a:l lu“ — условно перевожу „усадьба“) и в таком случае именуется по лицам — очевидно, нынешним или бывшим³ владельцам, вполне соответствуя термину a:l dippe средне-ассирийского периода (см. выше, стр. 50 сл.). В некоторых случаях обозначены владельцы поселения⁴ — это частные лица или должностные лица, в одном-двух случаях, возможно, храм⁵. Трудно сказать, являлись ли они собственниками, или держали землю и людей на каких-либо иных основаниях. В одном случае указан сад без людей, принадлежащий некоему Ахудури, сыну Ша-Набу-шу⁶ (имена ассирийские). Кто обрабатывал землю этого владельца — неясно. Быть может, его люди были освобождены от повинностей (что широко практиковалось, см. ниже, стр. 127 сл) и поэтому не были включены в реестр.

Термин „дом“, которым обозначено владение хлебопека Син-эреша⁷ напоминает аналогичное словоупотребление в иммунитетных грамотах⁸ и заставляет полагать, что в данном случае речь идет о собственности этого лица.

Что касается самих непосредственных производителей, то, как видно из неоднократных указаний на то или иное небольшое имущество, как „их собственное“ (gapa:pi-шип), основная масса сельско-хозяйственного имущества (исключая сельскохозяйственный инвентарь, о котором мы ничего не знаем) не принадлежала им. Более того, как показывает упоминание под отдельной рубрикой, в итогах на таблице № 1, имущества „рабов“ (ша arda:ni), что может относиться только к упомянутому выше „собственному“ имуществу непосредственных производителей, последние рассматривались, как рабы.

В тех случаях, когда указаны конкретные владельцы „поселений“ и „усадеб“ (напр., в таблице № 3), это, очевидно, рабы этих владельцев, в остальных случаях, вероятно, это рабы царя на землях царя. Но это рабы особого рода, ибо они сидят на земле, живут семьями, несут — как мы увидим ниже — государственные повинности и обладают — хотя и не всегда — собственным имуществом.

¹ № 1, I, 32; 42; II, 9; № 2, II, 16; III, 8, VII (3).

² Ук. соч., стр. 25.

³ Из деловых документов, напр. ARU 101, ADD 742 и др. видно, что лицо, по которому назывался a:l ше:'i, не было его собственником, во всяком случае при написании документа.

⁴ № 3, I, 11; IV, 9—10; V, 11—12; III, 7—9 (?); № 2, I, 8 (?); № 5 passim.

⁵ № 5, VIII, 16 (?) и темное место № 2, II, 14.

⁶ № 3, I, 11.

⁷ № 3, III, 7, 9.

⁸ Ниже, стр. 128, раздел IV.

По происхождению это частично местные жители, частично — насильственно переселенные жители завоеванных областей. Перечень таких насильственно переселяемых мы имеем в таблице № 5. Здесь занесены имена переселенцев и состав их семьи (характерно отсутствие женщин и почти полное отсутствие маленьких детей — с отметками „III“, „PIR₂“ и „GA“), размер выделяемого им участка и должность обладателя, который будет ими владеть или их эксплуатировать (во всех без исключения случаях это — крупные сановники). В конце таблички перечислены участки — очевидно, на которых будут посажены переселенцы, так как их расселение или „прикрепление“ (каца:гу)¹ еще не произведено².

Такие переселения имели, несомненно, целью, помимо освоения пустующих земель, также и ликвидацию условий для мятежей и волнений покоренного населения. С этой целью переселенцы сажались на землю с таким расчетом, чтобы создать наибольшую этническую пестроту. Такое впечатление создает и Харранский реестр, такое же впечатление, в еще большей степени, создают и ассирийские анналы³ и Библия⁴. Этим же, быть может, объясняется и малый размер поселений. На почти полностью опустевших месопотамских землях ассирийские цари, возможно, могли перестроить самую систему расселения, создавая мельчайшие хутора, не представлявшие опасности с военной точки зрения в случае мятежа.⁵

Другая характерная черта — сильнейшая дробность владений, выделяемых сановникам. Какой-нибудь „глашатай страны“ (па:giг e:kalli) — сановник, ведавший повинностями и рекрутским набором⁶ — или начальник той или иной области, получал участки зачастую по 3—4 имера (2—3 га), в лучшем случае до 40 имеров, в десятках, а может быть и сотнях различных поселений и даже в различных областях, что особенно отчетливо видно из иммунитетных грамот⁷. Этот, не имеющий аналогий и едва ли способный долго удержаться, обычай следует, по всей вероятности, связать все с теми же реформами Тиглатпаласара III, стремившегося ослабить знать и, быть может, разница между до-тиглатпаласаровскими наместниками и более поздними начальниками областей именно и заключалась главным образом в том, что наделы, выделявшиеся этим новым сановникам за службу, носили указанный выше дробный характер.

Таким образом, Харранский реестр дает нам довольно полную картину земельных отношений на территории данной месопотамской провинции. Земли целиком или в весьма значительной своей

¹ Примеры на это употребление глагола каца:гу см. VR 7, 79 f, NABL 218, 301 и др.

² № 5, II, 28.

³ Ср. неоднократные упоминания о переселении „людей, покоренных рукой моей“ на противоположный край державы.

⁴ IV Кн. Царств, 18, 11, 31—32.

⁵ См. ниже, стр. 120.

⁶ ADD, II, p. 70.

⁷ Ниже, стр. 135 сл.

части являются, повидимому, царскими. На них расселяется местное и пригнанное из недавно завоеванных областей сельскохозяйственное население. Люди эти считаются рабами, однако, сидят на земле семьями, и могут иметь собственное имущество, движимое и недвижимое. Они—как и земля—находятся во владении царя, лиц, замещающих определенные государственные должности, а также частных лиц и храмов—которые владеют людьми и землей либо в порядке держания от царя, либо, возможно, в ряде случаев и на правах собственников.

Воинов в качестве владельцев харранских рабов мы не находим; более того, я постараюсь ниже показать, что частично именно из этих последних и составлялось ассирийское войско.

Земля, надо полагать, обложена податями, на людях лежат повинности.

III

Мы видим, что земельные отношения в месопотамских владениях Ассирии в VII веке значительно отличаются от ассирийских земельных отношений XV—XIII веков, которые исследовались в предыдущей главе. Но и положение в самой Ассирии, насколько позволяют судить весьма многочисленные документы, не отличалось сколько-нибудь существенно от положения в Харранской провинции.

В отношении деловых документов ново-ассирийского периода мы находимся в гораздо более благоприятном положении, чем в отношении более ранних деловых документов. В книге Джонса „Assyrian Deeds and Documents Recording the Transfer of Property“ издано свыше 1100 юридических и хозяйственных документов в копии с комментарием; документы юридического характера из этого и других изданий переизданы в транскрипции и переводе в книге J. Kohler'a и A. Ungnad'a, „Assyrische Rechtsurkunden“, содержащей 685 юридических документов, в том числе 160 только касающихся продажи недвижимости.

В отличие от аналогичных сделок средне-ассирийского периода, границы отчуждаемого участка указываются здесь точно. Схема договора о купле-продаже такова: вначале печать продавца или продавцов, обозначаемых, как „хозяева передаваемого участка“, затем точное обозначение характера, размеров и границ участка, цена, имя покупателя, формула передачи собственности и упоминание о совершившейся уплате цены; затем констатируется, что оспаривание сделки продавцом или его наследниками, или же представителями власти не может иметь силы; наконец, перечисляются санкции за нарушение договора¹ и приводится список свидетелей.

¹ Эти санкции различны. Наиболее обычен крупный штраф в пользу какого-либо из храмов, или начальника области; встречается принесение в жертву детей нарушившего договор и др. Ср. ADD III, p. 336—372, ARU, S. 455—458.

Характерной особенностью сделок о купле-продаже недвижимости ново-ассирийского периода являются частые случаи продажи вместе с землей также и людей (всегда семьями). Таких случаев, по изданию Колера—Унгнада, имеется 32 на 160 случаев продажи недвижимости, т. е. 20%. Еще более интересно распределение случаев продажи людей вместе с землей по отдельным категориям продаж, как видно из следующей таблицы:

№	Характер продаваемой недвижимости	Число случаев:		в 0/0 (округленно)	
		всего	в т. ч. с людьми	всего	в т. ч. с людьми
1	Негодные к обработке участки	8	0	100	0
2	Дома и сооружения	27	1	100	2,5
3	Отдельные полевые участки	55	1	100	1,5
4	Сады, огороды, виноградники и т. п.	26	4	100	15,5
5	Комплексы (поле, сад, дом вместе, и т. п.)	38	22	100	58
6	„Усадьбы“ (a:l ше:'i) и „поселения“ (a:lu)	5	4	100	80
	Вместе	159	32	100	20

Если объединить вместе графы 3 и 4 как отдельные участки возделываемой территории, а 5 и 6 как усадьбы, то окажется, что при продаже отдельных участков они продаются вместе с людьми в 60/0 случаев, а при продаже усадеб соответствующий процент—600/0. Другими словами, обработка усадеб сидящими на земле людьми, которые могут быть проданы вместе с землей, является для Ассирии данного периода правилом. Отметим, что имеющиеся документы в большинстве случаев относятся к собственно Ассирии в узком смысле слова, т. е. к треугольнику Ниневия—Ашшур—Арбела.

Что касается положения этих лиц, сидящих на земле, то можно установить следующее:

1. Документы называют их либо просто „людьми“ (niše:,ца:be:), либо „рабами (arda:ni) такого-то“ (хозяина). Часто они называются просто по профессии: „земледелец“ (егге:ши или м. б. ikka:ru, идеогр. ^{аме:1}APIN)¹, „виноградарь, садовник“ (nukaribbu, идеогр.

¹ Любопытно, что в то время как в Кодексе Хаммурапи термины егге:ши и nukaribbu применяются только к свободным крестьянам (§§ 45—52, 60—65), в ново-ассирийских документах они применяются только к сидящим на земле рабам.

аше: NU. GIШ.SAR), „пастух“ (ге:'и), „ткач“ (ишраги), и т. д. — так же как и в Харранском реестре.

2. Они могут иметь собственное имущество, в том числе недвижимость¹ и рабов².

3. Они могут выступать в качестве самостоятельных контрагентов³ и свидетелей.

4. Они живут семьями и часто продаются семьями, а когда продаются с землей, то всегда семьями⁴.

5. Они подлежат государственным повинностям. Это видно, между прочим, из того, что среди лиц, со стороны которых предполагается в договорах возможность оспорить сделку, упоминаются: „наместник“⁵, „областеначальник“⁶, „староста поселения“⁷, „полковник“⁸ или, обобщенно, „всякий владыка повинности его“⁹—причем не только в случаях продажи с землей, но и в случае продажи одних людей¹⁰.

Мы видим, таким образом, что это та же общественная категория, что и в Харранском реестре, и что условия, рисуемые этим реестром, верны, в общем, и для собственно Ассирии, а точнее говоря для всей державы.

Мы видим также, что положение этой общественной категории резко отличается от положения классических рабов и рабов предыдущих эпох истории Ассирии. Мало того, тот факт, что они несут государственные повинности, показывает, что и по происхождению они отличаются от рабов. Раб может быть послан своим хозяином для выполнения повинности этого последнего, но это не есть его, раба, государственная повинность. Между тем, в данном случае это именно их повинность, а не повинность их хозяев, что и подчеркивается, как мы увидим ниже, в иммунитетных грамотах этого времени. Исходя из тех фактов, которые изложены в предыдущей главе, можно с уверенностью сказать, что описанная общественная категория возникла из закабаленного

¹ ARU 52, 61, 123, 124.

² ARU 50, 53, 61, 521.

³ ARU 52, 61, 521. Рабы имеют свою печать: ARU 51, 52. Рабы свидетели: ARU 49, 83, 86, 111, 113, 159, 173, 194, 450, 460, 525, 550, в том числе рабы царевича и ряда крупных должностных лиц: ARU 66, 82, 111, 373, 376, 438, 455, 457, 615, 679; храма: 461.

⁴ Исключением является ARU 445, где продается земля с 1 рабом, очевидно бессемейным.

⁵ ARU 44, 46, 50, 105, 123, 133, 159, 167, 376, 515. О шакпи см. выше, стр. 97 пр. 5.

⁶ ARU 47, 48, 49, 123, 133, 167.

⁷ Однако, может быть, вмешательство старосты поселения относится только к продаже земли, ср. ARU 50, 96, 123, 167, 211, 376 и в неясном контексте—133.

⁸ ARU 164, 376.

⁹ ARU 49, 96, 432 и др.

¹⁰ При продаже без земли: наместник ARU 44, 46, 159, 515; начальник области: ARU 47, 48, 460; „владыка повинности“: ARU 49 и, вероятно, 432. Неясно, с землей или без земли. (наместник, областеначальник, староста): ARU 133.

крестьянства, а переселенцы из завоеванных стран и, возможно, рабы были позже приравнены к этой категории, когда данный тип эксплуатации стал ведущим. Отсюда несение государственных повинностей, собственное имущество и известная правоспособность. С другой стороны, в средне-ассирийский период только та часть закабаленных, которые относились к категории „оживленных“ и „усыновленных“, сохраняла известную гражданскую правоспособность и право на какое-либо имущество. Крестьянин, попавший в кабалу за долги, а тем более раб, этих прав не имел. Таким образом, за истекшее время эти две категории зависимого населения добились уравнивания в правах с более привилегированной категорией этого населения. Несомненно, что это могло случиться только в результате ожесточенной классовой борьбы, и может быть мы здесь стоим перед одной из важнейших причин, обусловивших как внутренний кризис Ассирии в XI веке, так и смуты конца IX—VIII веков до н. э., приведшие к реформам Тиглатпаласара III.

Были ли эти ново-ассирийские „рабы“, однако, *glebae adscripti*, как полагает Джонс и за ним Колер?¹ Были ли они прикреплены к земле?

У нас имеется, по изданию Колера—Унгнада, всего около 200 документов о купле-продаже людей, которые группируются следующим образом²:

Одиночных продаж:	Групповых продаж:	Всего:
71— (71 человек)	115 (575—625 человек)	186
Без указания родства:	Несомненно семьями:	Всего:
102 (200—250 человек)	84 (450 человек)	186
Без земли:	При земле:	Всего:
155 (525—575 человек)	31 (125 человек)	186

Отсюда видно, во-первых, что люди продаются без земли гораздо чаще, чем при земле, группами гораздо чаще, чем в одиночку, и семьями во всяком случае значительно чаще, чем в одиночку и группами без указания родства.

Следовательно, кажется мало вероятным, чтобы все эти люди были крепки именно земле, были *glebae adscripti*. Но, с другой стороны, нужно отметить, что из рабов-мужчин, продаваемых

¹ ARU 452; ADB, p. 21, ADD III, p. 629. Джонс считает, что следует отличать собственно рабов от сервов „*glebae adscripti*“, которые продаются только с землей. Документы, однако, называют тех и других рабами, *arda:ni*.

² Исключаем некоторые нетипичные случаи (ARU 53, 208, 445, 496, 506, 521 и др.), как, напр., покупки рабынь в жены рабам, где рабыня просто переходила из одной семьи в другую семью, или как продажа рабынь, принадлежащих рабам. Для определения численности семей исходим из данных Харранского реестра (в среднем 4 чел.). В некоторых случаях речь идет о продаже более чем одной семьи (точный подсчет невозможен ввиду фрагментированности многих таблесток). Несомненно, что в ряде случаев семьи налицо и там, где упоминания родства не сохранилось.

в одиночку, ни один не назван „земледельцем“ или „садовником“, а из продаваемых группами и семьями без земли имеются только два „садовника“¹ и ни одного „земледельца“. Двое из продаваемых в одиночку — квалифицированные ткачи, двое — пастухи, один — ге:ши (десятник?). Из продаваемых группами и семьями без земли в 5 случаях указаны ремесленники, в 1 — погонщик верблюдов. В остальных случаях профессия не указана, и продаваемый обозначен просто как „раб“.

Напротив, люди, продаваемые с землей (всегда семьями), хотя и названы в некоторых случаях „рабами“, но чаще обозначены по профессии, как „земледельцы“ и „садовники“. Похоже на то, что „рабы“ — земледельцы были в более привилегированном положении, всегда имея семью, от которой не могли быть разлучены или на практике не разлучались, в то время, как домашний раб или раб-ремесленник этой привилегией не пользовался. Однако и земледельцев надо скорее считать прикрепленными к хозяину, чем к земле. Это подчеркивается и терминологией иммунитетных грамот, где от податей освобождается земля, а от повинностей — люди; таким образом чувствуется, что люди и земля не представляют нераздельного единства.

Но, с другой стороны, следует помнить, что среди людей, продаваемых без земли, вероятно очень много таких, которые еще не „прикреплены“ (кацаги, ср. Харранский реестр, № 5, II, 25), то есть не посажены на землю, только что привезены в плен из похода. После каждого ассирийского похода число таких продаж должно было быть значительным и этим, возможно, объясняется сравнительная многочисленность продаж одиночных и групповых без указания родства. В одном случае (ARU 532) речь безусловно идет о продаже живой добычи. В числе свидетелей сделки здесь перечислены один начальник полка и 4 воина царского полка (kiçig шагги:ti). Аналогично и в документе ARU 231 (продажа „садовника“ с семьей). В условиях постоянных походов, переселений, сажания пленных-переселенцев на землю и перетасовки населения стиралось правовое различие между „настоящим“ рабом-военнопленным и закабаленным крестьянином, сидящим на земле. Один мог легко превратиться в другого и обратно. Конечно, ново-ассирийский раб на земле и генетически не то, что раб более ранних периодов, и социально представляет собой новое качество в производстве, однако, мы должны констатировать, что хотя его положение и приближается к положению крепостного, но социально-экономически он все же именно раб, так как не обладает своими средствами производства, или, во всяком случае, главным из них — землей². Да и отношения собственности

¹ По крайней мере в одном из этих случаев речь идет о пленных, только что приведенных из похода (см. ниже).

² Кроме редких случаев, когда он обладает небольшим участком с своей земли наряду с хозяйской, или своим скотом.

между ним и хозяином чисто рабовладельческие и сводятся к апроприации личности производителя.

Цена на рабов в серебряном выражении в этот период повысилась (в среднем она составляла для одиночного раба несколько менее 1 мины серебра, для рабыни—около 30 сиклей), а в перечислении на стоимость земли—несколько упала (1 мина серебра соответствует стоимости 7 имеров поля или около 5 га; напомним, что в средне-ассирийский период стоимость раба равнялась стоимости примерно 6 га). Другими словами, несмотря на запустение земли и приток большого числа рабов, очевидно, приток серебра и развитие денежных отношений были еще более сильными. Характерно, однако, что в тех из документов о групповой продаже рабов не семьями, где сохранилась цена, она является часто низкой (до 17 сиклей на одного раба); это, может быть, подтверждает наше предположение о том, что мы здесь имеем дело с живой добычей.

Другой вывод, который можно сделать из приведенной выше цифровой таблицы, а именно из сравнительной частоты групповых продаж рабов по сравнению с одиночными—это вывод о распространенности более крупных рабовладельческих хозяйств по сравнению с хозяйствами, имевшими всего 1—2 рабов. Продажа 15, 20, 30 рабов зараз далеко не является редкостью. Примерно в половине из случаев продажи людей семьями речь идет о более, чем одной семье сразу.

Таким образом, мы видим с одной стороны сильный рост рабовладения—конечно, не только за счет завоеваний и привода военнопленных, но,—быть может в не меньшей степени,—за счет поглощения свободного крестьянства рабовладельческим укладом. С другой же стороны мы наблюдаем массовый отход от „классических“ форм рабовладельческого хозяйства.

Несомненно, что еще и в этот период существовало также и свободное крестьянство, обремененное личными повинностями и податями, которые они несли каждый „в своем а:лу“ или „вместе со своим а:лу“. Об этом свидетельствуют, например, документы ARU 113 и 114, где оговаривается, что покупка участка не сопровождается обязанностью покупателя нести повинности „вместе с (данным) а:лу“. Об этом же свидетельствует встречающаяся иногда характеристика контрагента, как „принадлежащего к такому-то а:лу“ (ша а:l NN)—в случаях, когда это, казалось бы, не имеет никакого значения для сделки (например, при продаже раба), и выглядит скорее как характеристика социального положения. Знаменательно, что лица, так характеризованные, не принадлежат к числу зажиточных (так, в документах ARU 117, 118, 119, 137 они закладывают небольшие участки земли, в ARU 423—продают небольшой участок, в ARU 206, 209, 504, 507, 508—продают отдельных рабынь, и лишь в ARU 539—продают более одной рабыни). К этой же категории населения относится и некто Нарги из а:лу Бамате (^{a:l}Va:ma:taja), который в ARU 653

берет займы быка с условием работать на владельца впредь до возвращения должником или третьим лицом быка и процентов зерном. К этой же категории я отнес бы лиц, хотя и не охарактеризованных, как принадлежащие к а:lu, но коллективно владеющих отдельными рабами или небольшими участками земли (очевидно—большие семьи)—довольно распространенное явление в данных документах.

Численность этой категории лиц определить трудно, но во всяком случае едва ли подлежит сомнению, что их было значительно менее, чем „рабов“, поселенных на земле. Последние насчитываются сотнями, если не тысячами в составе имений ассирийской знати, составляют целиком население мелких а:lu, и т. п. Характерно, что в документах ARU 113 и 114 большинство свидетелей—рабы, обозначенные, как „жители этого а:lu“¹, то есть того самого а:lu, „вместе“ с которым покупатель, согласно оговорке в тексте, не обязан нести повинности, а нормально, значит, должен был бы ее нести. Другими словами, свободные крестьяне и рабы-земледельцы могли жить попеременно в одном а:lu (причем рабы даже, повидимому, составляли в нем большинство населения), и нести одни и те же повинности.

Закабаление свободных крестьян имело место и в этот период, но уже не в тех масштабах, как в средне-ассирийский. Заемные сделки, правда, многочисленны, но в огромном большинстве случаев заключались без залога. Наряду с этим известен и залог (типа антихрезы) недвижимой собственности, реже рабов (иногда с землей), еще реже встречается самозаклад. Следующая таблица показывает распространенность различных видов займа и залога, а также самопродажи и продажи членов семьи:

1. Продажа членов семьи: 5 случаев (в одном²—несомненно за долги).
2. Заклад членов семьи: 6 случаев (в том числе 3 случая заклада женщин, которые могут быть и рабынями, и 1 случай заклада семьи, включая 1 домашнего раба).
3. Самозаклад: 3 случая (в том числе 1—в судебном порядке).
4. Заклад земельных участков: 22 случая.
5. Заклад рабов—5 случаев (в том числе в 1 случае—земледельца с семьей и его имуществом).
6. Заклад земли с рабами: 5 случаев (в том числе 1 случай—заклад имения в 200 имеров).
7. Заем без залога: 117 случаев.

Таким образом, 14 типично кабальных сделок, 32 случая заклада, которые могут и не быть кабальными сделками, и зачастую вообще не имеют отношения к крестьянству (заклад крупных имений), и 117 случаев займа без залога.

В одном документе³ заложенная семья выкупается, но обязуется отрабатывать проценты на кредитора.

¹ Аналогично в документах ARU 376, 438 и др.

² ARU 43.

³ ARU 656.

Из изложенного видно, что и в ново-ассирийский период продолжалось, хотя и не в столь широком масштабе, закабаление свободного крестьянства¹.

Следует заметить, что эти свободные крестьяне никогда не обозначаются терминами „земледелец“ (егге:шу), „садовник“ (пикагитбу); эти обозначения всегда относятся к рабам-земледельцам. Это позволяет истолковать весьма интересный текст реляции царя Асархадлона богу Ашшур у о походе на страну Шуприа². Здесь сообщается, что после завоевания страны царь отобрал известное количество населения и прикрепил его к „царскому полку“ (кициг шагги:ти, постоянному войску). „Кроме того,—продолжает текст,—колесничих, охранные (?) войска (қи-уб-те ит-та-ни), конников охраны (қи-уб-те), многих шакпи, ге:шу, мастеров, ремесленников, саперов, гонцов, разведчиков, земледельцев, пастухов, садовников, я прибавил в большом числе к обширным войскам Ассирии и к полкам прежних царей, моих предков, и Ассирию до отдаленнейших пределов ее я наполнил (ими), как колчан. Прочих я распределил, как овец, между моими дворцами, моими вельможами, занятыми в моих дворцах, и жителями Ниневии, Кальху, Какзу и Арбелы“.

Здесь совершенно четко указана участь населения покоренной области. Это население разделяется на три группы: первая входит в состав постоянного войска, вторая несет общие для всей Ассирии повинности, в том числе воинские—причем часть из людей этой группы относится к специализированным родам войск—это, очевидно свободные; но к этой же группе относятся также „земледельцы, пастухи и садовники“—т. е. та категория населения, с которой мы познакомились в Харранском реестре, а это, как мы видели, есть земледельческое население, числящееся в рабском состоянии.

Наконец, третья группа населения завоеванной страны уходит в рабство и частично остается царскими рабами, а частично распределяется среди ассирийской знати. Это и есть та категория, которую мы знаем по сделкам о продаже рабов без земли; но и она, в конечном счете, в своей массе, вероятно, оседает на земле, как мы видели из табл. № 5 Харранского реестра.

Совершенно аналогично поступил Саргон в Израиле после взятия Самарии:³ 50 колесничих было выделено в состав постоянного войска, 27 290 человек было выведено; на оставшихся, а также на переселенных в Самарию „людей стран, завоеванных

¹ Другим источником пополнения рядов кабалных рабов было закабаление в судебном порядке—так, за воровство, ARU 657, за грабеж, ARU 658, за убийство—ARU 659, 660. В последнем документе говорится о „замене убитого“ (в качестве рабочей силы). Быть может, также нужно толковать загадочное выражение парша:те итallá в средне-ассирийском Судебнике, §§ 50, 52, (A) § (B) 2. Ср. еще письмо HABL 186.

² Winckler, AOF, II, S. 26 сл.; Luckenbill, ARAB II § 603.

³ Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, Annapeln, начало; Luckenbill, ARAB II, § 4.

рукой" царя, была наложена „повинность воинская и строительная, как на ассирийцев“. Судьба переселенных нам известна из Библии¹: они были поселены частью в провинциях Гузана и Халлахха в северной Месопотамии—недалеко от Харранской провинции—а частью в Мидии.

Таким образом, основной массой земледельческого населения в ассирийской державе были земледельцы, числившиеся в рабском состоянии. Наряду с этим были и свободные крестьяне как в собственно-Ассирии, так и в провинциях—причем в собственно-Ассирии их, вероятно, было значительно больше. Но принципиального различия между жителями провинции и жителями собственно-Ассирии не было; официально все они числились ассирийцами, что видно из таких выражений царских надписей, как „людей области Мусасира я причислил к людям Ассирии, повинность воинскую и строительную я наложил на них, как на ассирийцев“², или „людей этой области я прибавил к людям страны моей“. Положение этих людей, конечно (как видно и из Харранского реестра), не отличалось от положения тех переселенцев, о которых анналы говорят обычно формулой: „людей стран, покоренных рукой моей, я поселил там“. Состояние населения как остававшегося на местах, так и переселенного, показывает Харранский реестр: это состояние земледельцев, числящихся в рабском состоянии. Сам термин „люди“ (пiше:), „люди страны“ (пiше: ma:ti, что полностью соответствует др.-евр. 'am ha-a:gaц—„народ страны“), означающий рядовую массу населения³, неоднократно применяется именно к этой категории, к рабам, сидящим на земле.

Кроме приводившихся данных, есть еще другие указания на то, что воинской и другим повинностям подлежали как свободные крестьяне, так и находившиеся в рабском состоянии. Так, лицо, посвящающее своего сына богу Нинурте в документе ARU 44—несомненно, свободный человек; однако, он оговаривает, что сделка не может быть опротестована ни шакпи (наместником), ни гаb хапша: (пятидесятником)—следовательно, он относился к сословию, подлежавшему воинской повинности. Аналогичен документ № 45, где четыре человека посвящают в храм Нинурты своего родича, племянника двух из них, сына их сестры, храмовой проститутки (хагimtu). Здесь оговаривается, что он будет нести „воинскую и строительную повинность“ в храме Нинурты (то есть, очевидно, не в своем a:lu).

С другой стороны, в документах ARU № 83, 96а и, вероятно, №№ 432⁴, 610, 615, 625 при продаже людей оговаривается, что

¹ 4 Царей, 18, 11, ср. 31—32; Кн. Исаяи, 36, 16—17.

² Thureau-Dangin, La 8me Campagne de Sargon, I, 410.

³ Анналы Ашшурбанапала (цилиндр Рассамы) X, 87—94, V R 10.

⁴ Отнесение этого фрагментированного документа Колером и Унгнадом к категории сделок о продаже недвижимости кажется мне ошибочным.

сделка не может быть опротестована лицом, ведающим повинностью (be:l ilki, буквально „владыка повинности“). Под этим термином надо понимать обобщение того перечисления должностных лиц, какое обычно встречается в подобных документах¹, включающее старосту поселения (хаза:пу а:ли), областеначальника (be:l реха:ти) и—что, возможно, в данном случае то же самое—наместника (шакпи), и их представителей². В одном случае упоминается также „полковник“, гаb кiциг. Это показывает, что и та категория людей, которых можно было продавать и которые считались рабами, также несла общегосударственные повинности. Имунитетные грамоты, на которых мы в дальнейшем остановимся подробнее, показывают, как и анналы, что среди этих повинностей была и воинская.

Сущность приводимой в сделках гарантии от вмешательства лиц, ведающих повинностью, заключается, как правильно указал Джонс³, в том, что продавец берет удовлетворение их требований на себя.

Интересен документ ADD 855 (издан Джонсом только в копии). Я позволю себе привести из него отрывок в переводе (сохранилась только средняя часть таблетки):

[.....]
Все (это) [.....]

Син-риба (= имя собственное)

400
200
300

[не подошли (?) ...]

[.....]
[.....]

Муди-[... (= имя собственное) ...]

Ая-дари (= и. с.)

400
400

не подо[шли (?) ...]⁴

Набу-[... (= и. с.) ...]

в ополч[енцы (?) ...]⁵

Все (это) саперы⁶

рабы [...]

500		Табихийцы	
2200			Улулай (= и. с.)
800	700	всего 1500	Бабилай (= и. с.? или „вавилоняне“?)
200	400	всего 600	Ашшур-римани (= и. с.)
900	500	всего 1400	Бисуни (= и. с.)
500	700	[всего 1]200	Бабилай (= и. с.? или „вавилоняне“?)
[...]	...	всего ...]	люди наследственной доли ⁷
[...]	...	всего] 1200	Бир-Амма (= и. с.)

[.....]

¹ Ср. ARU 96a.

² пише:-ши, qa:te:-ши, шапу: См. выше, стр. 106, прим. 5—8.

³ ADD II, стр. 49.

⁴ La te-xu-[u₂ (?)...]

⁵ ана ца:be:^{меш} [ху-ур-ши...]; менее вероятно видеть в вертикальном клине не ана, а детерминатив собственного имени (имя, начинающееся с „сабэ“— было бы исключительной редкостью).

⁶ a₂e:l ka₁-la-bu.

⁷ ame:l ша₂ zittl.

На обороте—остатки текста в том же роде.

Толкование этого документа несколько затруднительно, но я полагаю, вслед за Джонсом, что мы имеем здесь перечень воинских контингентов с их командирами отрядов. Цифры, данные в двух столбцах, относятся, вероятно, к контингентам щитоносцев и лучников, которые, как известно, сражались вместе, образуя один отряд легкой пехоты¹.

Среди этих воинов мы встречаем „людей наследственной доли“ и „рабов“. Характерно, что рабы являются саперами. Саперы (kalla:bu) упоминаются в анналах рядом с ца:be: хирші (обозниками-ополченцами?). Но ца:be: хирші, ополченцы, являлись представителями низшего податного сословия, то есть, для данной эпохи, очевидно, земледельцами-„рабами“; естественно, что и саперы вербовались из числа земледельцев-рабов.

Другие толкования приведенного документа—например, как перечня пленных—наталкиваются на большие трудности. Думаю, что толкование Джонса² правильно, и документ свидетельствует еще раз о том, что ассирийское войско набиралось не только из свободных („людей наследственной доли“), но и из людей рабского состояния.

Ассирийские исторические тексты, как уже указывалось выше, свидетельствуют о том, что воинской повинности подлежало все население державы, независимо от языка и этнического происхождения. Это же подтверждают и другие тексты. Так, письмо NABL 1009 (вероятно, времени Ашшурбанапала) дает следующий состав „воинского соединения (ети:qu), о котором писал царь“: 2 лошади, 5 колесничих(?), 50 щитоносцев, жителей Амка (у залива Александретты), 3 лучника, из Кушите³; 23 (лучника) „damta:qu:te“⁴, 12 (лучников) из Киприте, 7—из племени Хиндару; всего 2 лошади, 5 колесничих(?), 50 щитоносцев, 45⁵ лучников—итого 100 человек (ца:be:—следовало имя командира отряда (rab ki:ir), которое не сохранилось. Далее перечисляются аналогичные отряды; один включает 128 щитоносцев(?), в том числе киликийцев, самаритян и других, и 81 лучника(?), а всего 209 человек отряда Забабаэрибы, командира отряда (?? raksu) „мажордома“ (rab bi:ti). Следующий отряд состоит более чем из 400 человек, в том числе 33 колесничих, 25 конников(?), 50 щитоносцев, 95 жителей Битсилла из (бывшего?) отряда некоего Набу..., 20 жителей города Какзу в собственной Ассирии, 20 жителей города Кар-Нинлиль близ Ниневии⁶ и 25(?) из Дур-Синаххериба в Мидии; кроме того,

¹ Ср. ADD II № 856 и §§ 125, 224.

² ADD II, p. XII.

³ Это, конечно не кушиты, т. е. эфиопы, как думает Уотермэн, последние были бы названы „Ku-sa-a-a“, а не Ku-shi-ta-a-a.

⁴ Вероятно, название племени.

⁵ Джонс, ADD II, p. 170, читает „40 (sic!)“, Уотермэн—„50“. Конечно, надо 45.

⁶ Forrer, Die Provinzeinteilung, S. 114.

при отряде имеются: 1 (командирская?) колесница, 2 кобылы, 4 мула и 14 ослов¹.

Интересна этническая пестрота состава—причем представители различных племен размещаются в отрядах попеременно.

Однако отряды могли создаваться и сплошь из единоплеменников. Так, в письме NABL 218 говорится о „филистимлянах, которых царь свел в отряд“ (ша шагги be:li kiċċu iċċiċu:ni).

Документы показывают, таким образом, что воинской повинности подлежало население державы независимо от этнического происхождения и местожительства, и что жители покоренных областей служили зачастую в одном отряде с жителями коренной Ассирии.

То, что говорилось выше о воинской повинности, верно и относительно строительной².

Как видно из письма NABL 121 (Габбу-ана-Ашшура к царю Саргону), велись списки лиц, подлежащих включению в войско и призыву на работы, причем случалось, что эти лица бежали от повинности—ср. многочисленные упоминания „беглых“ в Харранском реестре. Обычным местом, куда убегали от повинностей, была горная область Шуприа (совр. Сасун) на границе Урарту³. Так, некто Ашшурдурпаниа пишет царю Саргону⁴: „23 числа месяца адара в город Шабирешу прибыли предводители шуприйцев; царь, господин мой, конечно, спросит: „Кто они?“—(Это) Ята', начальник поселений пограничной округи (царя) урартского, и с ним пришел Абияка и „люди страны“ той... Люди, находящиеся на царской работе (ца:be: шагги), „люди страны“, которые в прошлом году бегали по три, по четыре раза от воинской повинности (ilku), от царской работы (ца:be: шагги)⁵, приходят туда (т. е. в Шуприю) и пишут об этом друг другу письма. Прежние (повинные?) люди (ца:be:), которые теперь бегут от царских работ (dullī шагги), уходят туда. Он (=царь урартский?) дает им поля, виноградники и дома, дает им приобрести их в своей стране. Там они живут“.

В другом письме того же лица⁶ рассказывается, как 15 человек племени гурраи из поселения Мутурна, вызванные старостой поселения Мутурна на работы, „убоялись“ их и „не стали выполнять работ с братьями своими“, а во главе со своим пятидесятилетним бежали в Шуприю и занялись разбоем.

¹ В письме NABL 304 упоминается отряд (kiċċu) в 1119 человек.

² Ср. изображение строительства дворца на рельефе Синахериба, где изображены работающими и пленные в кандалах и войны.

³ Это вызвало поход Асархаддона в Шуприю, ее покорение и наказание беглых. Luckenbill, AKAB II, § 593 сл.=Winckler, AOF II Reihe, S. 26 сл.

⁴ NABL 252.

⁵ Перевод на основании письма NABL 246, где видно, что ца:be шагги—повинность. „Люди царя“ (ца:be: шагги)—это, повидимому, те, кто делает dullī шагги „царскую работу“.

⁶ NABL 251.

Набор на воинскую и строительную повинность производился либо в порядке мобилизации (diku:tu, всеобщая мобилизация — diku:t ma:ti), либо в порядке рекрутского набора (šisi:t pa:giri, букв. „ключ глашатая“)¹. В последнем случае определенная группа лиц (скорее всего „поселение“ a:lu) была обязана выставить полностью снаряженного воина. В некоторых областях юга державы (территория племени иту'аи на среднем Тигре², племени пукуд на нижнем Тигре³, Вавилония⁴) существовал другой порядок: имелась так называемая „земля лука“, держатель которой нес обязанность служить в качестве лучника, но зато освобождался от податей. В самой Ассирии эта система, повидимому, вышла из употребления и была заменена системой набора „царского полка“ (kiçig šarru:ti) на полном царском довольствии⁵.

Системы повинностей и податей мы еще коснемся ниже в связи с иммунитетными грамотами.

Разнообразные и пестрые материалы, приведенные нами, создают, таким образом, в целом вполне ясную картину положения земледельческого населения ново-ассирийского периода:

1. Существует свободное крестьянство, обязанное воинской и строительной повинностью⁶. Представители его характеризуются, как принадлежащие к тому или иному a:lu, что, быть может, выражает их закрепление за определенной общиной, за idia.

2. В гораздо большем числе существуют земледельцы, считающиеся собственностью царя, храмов или частных лиц и могущие продаваться с землей (а будучи пленными—и без нее). Они могут иметь собственность и могут быть наделены известными гражданскими правами, и также подлежат общегосударственным повинностям, вместе с первой категорией именуясь „людьми страны“. Сюда относятся как местные жители, так и переселенные

¹ ADD II, p. 178.

² HABL 201, 5—6. Ср. ADD, II, p. 172. Это племя исполняло род полицейской службы, см. HABL 95, 242, 506, 572 и др.

³ HABL 291.

⁴ HABL 210.

⁵ Следует сказать несколько слов по поводу вопроса о существовании наемников в ново-ассирийском войске. В большинстве общих работ этот вопрос решается положительно, но мне кажется, что это есть лишь необоснованное предположение, приобретшее видимость истины в силу традиции. В самом деле, мне неизвестны тексты—ни среди писем, ни среди юридических и хозяйственных документов, ни среди анналов, —свидетельствующие о практике найма воинов. Полагаю, что источником такого мнения являются изображения воинов на поздних ассирийских рельефах, где вооружение является весьма разнообразным, иной раз даже напоминая малоазийское и греческое. Но если иметь в виду характер состава ассирийского войска, то станет ясным, что нет необходимости объяснять все эти типы вооружения, как вооружение наемников. В составе подданных Ассирии были и мало-азиаты, и греки (киприоты).

⁶ Положение ремесленников в городах было, в той мере, в какой они не были рабами, аналогично положению крестьян. В целях несения повинностей они были организованы в „полки“ (kiçru—ADD II, p. 127; J. Mendelsohn, Gilds in Assyria and Babylonia, JAOS, 1940, 1 p. 68 sqq.).

в принудительном порядке из покоряемых стран, как жители самой Ассирии, так и жители провинций, как ассирийцы по своему этническому происхождению, так и не ассирийцы.

Из этих двух категорий и составляется ассирийское войско, (привилегированные роды оружия—колесничие, конники и личная царская охрана, *qirbu:te*, повидимому¹ набираются из знати).

3. Наряду с этими категориями существовали рабы в собственном смысле слова. Они могли продаваться независимо от земли и, повидимому, не относятся к числу земледельческого населения. Также и эта категория, кажется, могла подлежать общегосударственным повинностям, если только случаи, где „владыка повинности“ является заинтересованным лицом при продаже людей без земли, не относятся, все же, к продаже земледельцев, только еще не посаженных на землю.

Так или иначе, между положением несвободных земледельцев и положением собственно рабов чувствуется определенная разница. Впрочем, сами ассирийцы называют „рабами“ и тех и других.

Мне кажется, причиной ощущаемой здесь неясности является следующее: с одной стороны, тот факт, что несвободные земледельцы служили в войске и набирались на воинскую повинность по признаку территории, и то, что они вели хозяйство хотя и не на своей земле, но на свой риск и страх, приводило к необходимости, во-первых, отнесения их к иной, более высокой категории, чем рабы, а во-вторых их прикрепления к земле; с другой стороны, инерция рабовладельческого строя, психология рабовладельцев, а также тот факт, что в условиях войн, завоеваний, увода пленных, их переселений и перепродажи из рук в руки (до их поселения на земле), стиралась и фактическая грань между действительными рабами и несвободными земледельцами—все это вело к причислению последних к рабам.

Как же можно объективно охарактеризовать этих несвободных земледельцев в социальном отношении?

Конечно, это не крепостные. Они работают, как правило, с хозяйским скотом и всегда на хозяйской, а не на своей земле, даже если имеют, наряду с хозяйской, и свою землю.

Это и не крепостные „завоевательского типа“, ибо могут быть ассирийцами в узком смысле слова так же, как и жителями покоренных стран, а официально называются ассирийцами в обоих случаях. Генезис этой социальной группы, как мы старались показать—следует искать внутри самого ассирийского общества.

Учитывая, что для средне-ассирийского периода мы констатировали массовый переход крестьянства в зависимое состояние,

¹ Колесничий (*rakbu*, *be:l parkabti*) обычно занимает почетное место среди перечисляемых должностей и профессий; то же верно в отношении *qirbu:te*. Конники (*ma ret-xalli*) могли, однако, повидимому, вербоваться в общем порядке. См. NABL 304.

а начиная с правления Тиглатпаласара III мы наблюдаем обращение пленных—которые „нормально“ должны были бы становиться обыкновенными рабами—в этих же зависимых земледельцев¹; что, следовательно, мы имеем дело с новой категорией населения, возникшей частью из закабаленных крестьян, частью из посаженных на землю рабов,—мы можем определить интересующую нас социальную группу как приближающуюся к известным социальным группам, которые на Западе относились к числу колонов. При этом я имею в виду не колонов-крепостных раннего средневековья, а тех рабов первых веков н. э., которые переводились на самостоятельный оброчный труд на отдельных земельных участках, сливаясь с колонами-арендаторами². Очевидно, рабовладельческое общество Передней Азии в середине I тысячелетия до н. э. уже подходит к полосе кризиса³. Чрезвычайно характерно отсутствие для этого периода мелкой крестьянской аренды⁴, столь обычной для нормального рабовладельческого общества как Востока, так и Запада. Еще более характерно, конечно, отсутствие имений, обрабатываемых трудом обыкновенных рабов, не посаженных на землю. Общество явно перешло на новые методы эксплуатации в сельскохозяйственном производстве.

IV

В ново-ассирийский период общинная организация сельскохозяйственного населения не столь очевидна, как в предшествующий.

Прежде всего, ново-ассирийский а:lu отличается очень малыми размерами, что мы уже видели из Харранского реестра. То же самое мы наблюдаем и при продажах а:lu, которых мы имеем две (ARU 167 и 168). В первом из этих документов, продается „а:lu Мусинаш целиком“ (букв. „в совокупности его“), в провинции Арпад (Сев. Сирия). Состав этого а:lu:—1 виноградник на 1500 лоз, 1 огород и 2 семьи „земледельцев“ (егге:ши), всего 6 человек. Во втором документе состав а:lu не сохранился.

А:lu, подобный перечисляемым в Харранском реестре и описанному в документе ARU 167, конечно, не может быть общинной. Повидимому, теперь всякий населенный пункт носил название а:lu⁵. Нам известно, что такие мелкие хутора входили в состав

¹ Ср. Кн. Царств II, 18, 30—32.

² Не имея другого подходящего термина, мы будем далее—конечно, совершенно условно—обозначать данную социальную категорию как рабов-земледельцев или „колонов“ в кавычках, не настаивая на этом термине.

³ Этот факт кажется парадоксальным, если учесть, что Передняя Азия, повидимому, лишь к концу парфянского периода—1000 лет спустя—действительно по настоящему переходит к феодальной формации. Разрешением вопроса должен быть анализ социальной стороны эллинизма.

⁴ Документы, которые Джонс (условно), называет „Leases“, на самом деле закладные типа антихрезы, см. Kohler, ARU, S. 454—455.

⁵ Ср. NABL 414: a:l xe-e-sa bi:t mar-di-ti-e niše.^{меш} ina libbi^{bi} la-аш-ши—„а:lu Хеса—караван-сарай. (Постоянного) населения там нет“.

более крупных a:lu или их „окрѹг“ (qanpu). В ARU 167 a:lu Мусинаш обозначен как находящийся „в руках¹ a:lu Нириб, начальника области Арпад“. Нириб—то же что Нераб, и поныне существующий в Северной Сирии поселок. Точно также в Харранском реестре мелкие a:lu входят в состав поселков и городов Харран, Саруг (совр. Серудж), Хаурина, Хасам, Дур-Набу и др.

Поэтому, когда в документах говорится о „повинности a:lu“, о „старосте a:lu“, о праве a:lu на пользование водой, то я полагаю, что речь идет чаще всего об этих более крупных поселениях. Каждое такое поселение и каждый город (иногда, впрочем, мелкое поселение и даже „усадыба“ (a:l ше:'i, ARU 101) имели своего старосту, (хаза:пу)², неизвестно, выборного или назначаемого, который был низшей инстанцией из ведавших повинностями, и обладал правом суда³.

Некоторые a:lu (новообразованные?) не входили, однако, в состав более крупных и не имели своего хаза:пу. В этих случаях, повидимому, ими ведал це:ри, царское должностное лицо⁴, и они обозначались, как находящиеся ina це:ра:ni.

Наряду с хаза:пу и це:ри одним из низших должностных лиц, имевших отношение к сельскохозяйственному населению, был gab a:la:ni, „начальник поселений“. В Харранском реестре⁵ он упоминается как лицо, сообщающее для реестра данные о земельной площади. Он мог быть владельцем земли⁶ и рабов⁷, но мог и сам быть рабом⁸. Исходя из таких обозначений, как „начальник поселений (некоей) Пирхинит“⁹, или „начальник поселений дворцовой жены“¹⁰, я полагаю, что это был род управляющего царских владений или владений того или иного лица, как мы увидим, обычно весьма разбросанных. Он мог также иметь отношение к сбору податей или поставке людей на повинности¹¹.

Таковы наши сведения об управлении a:lu.

Государство рассматривало a:lu, как единицу при сборе податей¹², вызове на повинности и рекрутском наборе¹³; таким образом, внутри него, очевидно, существовала круговая порука. Совместное пользование водой¹⁴ было, вероятно, основным признаком a:lu.

¹ То же выражение о несвободном земледельце: „x, в руках у'а“ — напр. ARU 657.

² ARU 89, 96, 123, 133, 167, 211, 376 и др.

³ ARU 644, 648, 657.

⁴ ADD II, p. 84, ADB, p. 9.

⁵ Табл. № 3, VIII, (14)—(21).

⁶ ARU 61.

⁷ ARU 61, 544.

⁸ ARU 61.

⁹ Или жрицы pirxini:tu (laxxini:tu?) ARU 58.

¹⁰ ARU 61.

¹¹ ARU 123.

¹² ARU 113, 114.

¹³ ARU 114, 117, HABL 251.

¹⁴ ARU 113.

Имелся и другой характерный признак общины—неразделенная запасная общинная земля (м. б. выгон)—таковой, повидимому, являлась та земля, которая носила название „матери a:lu“ (umte a:li), часто упоминаемая при указании границ отчуждаемого участка¹.

Мы видим здесь, таким образом, несомненно, расшатанную общинную систему—расшатанную и социальной перестройкой общества, и военными потрясениями, и искусственной перетасовкой населения. Все же говорить об отсутствии общины в этот период нельзя, и несомненно, что историческая тенденция в дальнейшем должна была привести к восстановлению общин, поскольку коллективная ирригация продолжала лежать в основе сельского хозяйства.

Наряду с a:lu, ряд поселений обозначается, как a:l ше:'i, т. е. „хлебный (доходный) a:lu“, и носит название по имени какого-либо лица—вероятно, первоначального владельца. Мы переводили этот термин, совершенно условно, как „усадьба“. Как я уже упоминал, по происхождению это, вероятно, то же, что a:l duppe средне-ассирийского периода—обособленные от общинных поселений укрепленные дворы. Однако в рассматриваемый период трудно различить разницу между a:lu и a:l ше:'i. Судя по Харранскому реестру, a:l ше:'i не отличался принципиально от любого мелкого a:lu. В сделках о продаже (ARU 99, 101) „усадьбы“ охарактеризованы в очень общих выражениях—„a:l ше:'i такого-то, с полями, такой-то земледелец (или такие-то земледельцы) с людьми его (т. е. семьей)“. Повидимому, среди населения „усадеб“ могли быть и не рабы; по крайней мере, в перечне свидетелей к документу ARU 438 два свидетеля „из ('усадьбы' Данаия“ обозначены, как „раб везирия (sukkallu)“ и „раб главного виночерпия“, а другие 6 свидетелей „из ('усадьбы' Лакипу“ (откуда и продается участок) как рабы не обозначены.

„Усадьбы“ также имели землю, обозначаемую как „мать усадьбы“².

A:lu и a:l ше:'i, повидимому, бывали укрепленными, подобно castella северо-африканских колоннов римского времени; по крайней мере, анналы говорят об осаде как укрепленных городов (a:la:ni dappu:ti), так и „малых a:lu вокруг них“.

Среди крестьянства все еще были распространены неразделенные семьи. Свидетельством этого являются довольно частые случаи продажи земли и рабов группами совместных владельцев, а также обычные в сделках о продаже гарантии против опротестования сделки родственниками продавца (букв. „ближними“, qurbu:ti, tappu-shi qurbu).

Взаимоотношения между царем и общинами в вопросе собственности на землю не вполне ясны. С одной стороны, ни

¹ ARU 146, 199, 393, 395, 400(?).

² ARU 169, 210, 394.

в одном тексте прямо не указывается на царя, как на верховного собственника земли в государстве. В некоторых случаях царь даже покупает землю у своих подданных¹. С другой стороны, фактическое положение вещей делало царя именно верховным собственником земли. Основную массу земельного фонда державы составляла земля на завоеванных территориях, а здесь царь, конечно, был полновластным хозяином, разрушая существовавшие ранее отношения собственности, выводя и перемещая население и раздавая землю и людей по своему усмотрению. На всей завоеванной территории—а это 90%, если не более, территории державы—всякий владелец земли получал ее из рук царя. Если мы прибавим к этому, что и на коренной ассирийской территории царь был еще в средне-ассирийский период верховным землеустроителем с очень широкими полномочиями вмешиваться в дела общины и даже раздавать наделы из общины, то можно сказать, что в ново-ассирийский период основной земельный фонд державы имел тенденцию стать „царской землей“. Фактическая основа для такого понимания власти царя над землей имела хотя мы и не знаем, была ли она уже оформлена в виде соответствующей юридической теории, как в ахеменидское и позже в эллинистическое время².

Соответственно этому, сельская община, когда-то столь самостоятельная, была теперь в системе государства низведена до роли низшего звена в деспотической системе ассирийской державы, до роли податной единицы.

Несомненно, что существовали непосредственно царские домены. Так, в Харранском реестре, во всех тех случаях, где не указаны индивидуальные владельцы земли и людей, я склонен считать поселение принадлежавшим непосредственно царю.

Сохранилось любопытное письмо (NABL 99) некоего Табсиль-Эшарры к царю Саргону, следующего содержания: „Теперь, когда царь, господин мой, освободил (от повинностей) город Ашшур, то повинность Ашшура перешла на меня. Я же прикрепляю (работников) к починке повреждений дворца в г. Экаллате. Будут ли вызваны купленные (рабы) или свободные коменданта дворца? Я только что составил список купленных людей и детей дворцовых рабынь, и послал царю, моему господину. Их 370 людей, 90 из числа³ выполняющих царские повинности (ma:re: ца:be: шарri) и 99 из округи⁴. Пусть 190 человек выполняют царские работы“.

Здесь видно, что в царском дворце в городке Экаллате имелось 370 „купленных“ и потомственных рабов царя, и окрестные жители, подлежащие повинностям; кроме того у коменданта

¹ ARU 3 (Ададнерари III), ARU 10 и ср. Luckenbill, ARAB II, § 120 (Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons) (Саргон).

² См., напр., А. Ранович, ВДИ 2(20), 1947, стр. 32.

³ Букв. „сыновей выполняющих царские повинности“—обычный в подобных случаях оборот речи.

⁴ Ku-tal, т. е. „задней“ территории, территории городской общины Экаллате за пределами ее стен.

дворца имелись еще „свободные“, очевидно, различные служащие дворца.

Письмо Табсиль-Эшарры дает известное представление о царском хозяйстве. Все же надо думать, что на царских сельскохозяйственных землях работали не отряды рабов, а поселенные рабы-земледельцы или „колоны“, как и у других владельцев, и как в Харранском реестре. В документах мы встречаем „усадьбу царя“ (a:l še':i šaḡḡ¹ „виноградяра дворца“ (pikaḡibbu ša e:kalli)², и т. п.

Храмы³ играют в ново-ассирийский период большую роль. Это видно уже по обычным юридическим сделкам, которые в подавляющем большинстве случаев предусматривают, в случае нарушения условий сделки, крупные штрафы в пользу местных храмов. Влияние храмов и жречества, как видно из писем царского архива, было чрезвычайно большим⁴.

Основой богатства храмов являлись пожертвования царей и частных лиц. Так, сохранились фрагменты документа об учреждении храмовой земли бога Ашшура царем Ададнерари III⁵.

Текст гласит, что Ададнерари, в своем качестве „укуллу“ передал(?) через одного из жрецов храму бога Ашшура „поселения, поля, дома, сады и людей“—всего не менее десяти участков. Сохранилось указание на размеры (1000 имеров или около 700 га) и на границы одного из таких участков. Он составлял отдельный а:lu, находился в округе г. Ашшура и граничил с рядом других поселений, принадлежавших, повидимому, отдельным владельцам.

Текст заканчивается обращением к будущим царям с призывом соблюдать условия грамоты.

Как видно из этого документа, храмовое землевладение ничем не отличалось от обычного землевладения частных лиц и было основано на труде посаженных на землю рабов-земледельцев⁶.

Видимо, наряду с дарением земли—с людьми, а, возможно, и без них—производилось также дарение храмам рабочей силы. Так, в документе ARU 44 некто Маннудик, начальник (младший командир) щитоносцев „дарит в дар“ храму бога Нинурты в Кальху „за жизнь Ашшурбанапала, царя Ассирии“, своего сына. Аналогичное дарение в ARU 45, с указанием, что „в отношении повинностей на него будут рассчитывать в храме Нинурты“ (ana ilki duršikki ina bi:t Ninurta iddagal).

¹ Табл. № I, 1, 38.

² ADD 1077.

³ Ср. ADD II, p. 105—108.

⁴ Любопытно, что в ново-ассирийский период существовало уже понятие „безбожник“; так, сохранился документ (ADD 826), перечисляющий людей (рабов-земледельцев?) „не боящихся бога“.

⁵ KAV 94, 116—117 (не переводился).

⁶ Ср. „a:l še':i бога“, ARU 97,

Другой дарственной храму, повидимому, от частного лица — является документ KAV 39, насколько мне известно, изданный до сих пор только в копии, почему я и позволю себе привести его полностью в переводе:

„Бел-убал[лит, . . .]-кену, сын его „холостяк“¹, 2 дочери — всего 5 душ.

Набу-зезиб, жена [его, 1 сын его] „холостяк“¹, 1 сын „ребенок“¹, 3 дочери — всего 7 душ.

Набу-мукин, жена его, 1 сын „ребенок“ — всего 3.

Набу-реш-иши, 1 сын „холостяк“¹, 1 сын „ребенок“² — всего 3.

Набу-этир-напшати, жена его, 1 сын „ребенок“² — всего 3.

Силли-Набу, жена его, 3 сына „холостяки“¹, 1 „грудной“³ всего 6.

Кисай, жена его, 2 дочери, 1 сын — всего 5.

Набу-этиранни, жена его, 2 дочери его — всего 4.

Нуску-шумуа, АШ₂-та-пи⁴, Басасу, АШ₂-та-пи⁴.

Набу-шезибанни, АШ₂-та-пи.⁴ Набу-ишдия-укин, АШ₂-та-пи⁴.

Кукулану, АШ₂-та-пи⁴.

Всего 41 душа, арбельские (=из г. Арбелы), я отдал их в qadīnpi бога Забабы.

Руки царя мы омыли, никто другой не будет над ними господствовать. [Пропуск . . .] будь то старейшина (ame:š¹ша₂ ziq-ni), будь то . . . (далее отбито, возможно, около половины текста. Документ заканчивается словами): „оракулы я глядел, Шамаша и Адада я вопрошал — в оракулах Шамаш и Адад дали мне знать: это ремесленники (umta:n) бога Забабы. Я поступил, как подобает (богу) Забабе и (богине) Бау . . . и перед Воротами Медников (=в г. Ашшуре) [я . . . и]х, воистину я (так) сделал“.

Термин qadīnpi, перевод которого неизвестен, встречается в ново-ассирийских описях имений среди наименований различных сельских профессий. Интересно, что все qadīnpi этого документа носят чисто-ассирийские имена.

Из приведенных документов видно, что храм был одним из землевладельцев (хотя и привилегированным) в ряду других землевладельцев, пользовался своими землями и своими — подаренными, приобретенными другими способами или, возможно полученными во временную эксплуатацию работниками (см. ниже документ ADD 806). Он не пользовался, очевидно, правом непосредственно привлекать к работе население государства в целом или отдельных общин, и земли его, несомненно, были отделены от государственных (царских) и общинных.

Правда, наряду с общегосударственными повинностями, существовали и повинности храмовые⁵, но им, повидимому, подлежало

¹ Сахарту. См. выше, стр. 91, прим. 2.

² Pirsu. См. выше, там же, прим. 4.

³ GA.

⁴ Бобыль?

⁵ dupšikku bi:tati ila:nī rabu:ti, IV R 48. Ср. ARU 45, выше, стр. 122.

обыкновенно не население вообще, а лишь население храмовых земель, посвященные храму лица и население специальных областей, выделенных для несения повинности в пользу храмов.

Так же, вероятно, обстояло дело и с поступлением податей в пользу храмов. Они поступали с земель, специально выделенных для этого и освобожденных (как и вообще храмовые земли) от общегосударственных податей. Об этом дает представление грамота, дарованная царем Саргоном группе лиц, владевших землей в поселении Магануба, на территории которого Саргон строил свою новую резиденцию Дур-Шаррукин. Текст гласит: „... (эти земли) Ашшурнерари (?), прежний царь Ассирии, освободил и отдал Кануну, Ахуламуру и Маннукиаби. Он определил им (поставлять) 10 имеров¹ крупы в „лоно“ (?) бога Ашшура и богини Бау и отделил (?) им [...]. Это поле оказалось среди (других) полей [...] людей, живущих среди этих полей... Я очистил 95 имеров поля в округе Ниневи, на обрабатываемой земле a:lu (жрецов) e:ribu:t bi:ti, и отдал их Шульмушарри, Паршиду и Ишди-Иштару, сыновьям Ахуламура, Хурасу, сыну Кануну и Маннукиаби с сыновьями его. Прежние 10 имеров крупы, которые Ашшурнерари (?) закрепил за „лоном“ (?) Ашшура ... — для „лона“ того же бога не прекратятся. „Зерно исторжения“² с этого поля не должно исторгаться, „солома“² не должна реквизироваться; в отношении крупы оно навеки принадлежит Ашшуру. Чтобы постоянное приношение (sattukku) Ашшура не прекращалось и повеление прежнего царя не было изменено, я приложил царскую печать и отдал им (документ)“³.

Наряду с этим существовала другая натуральная подать, так называемая gīnu:, взимаемая на содержание отдельных категорий жрецов. Так, письмо NABL 167, 16 сл. сообщает: „2 (сила)⁴ хлеба, 2 (сила) пива для заклинателя, 1 (сила) хлеба, 1 (сила) пива для жреца — „штта:пу“ — всего 6 (сила) хлеба и пива — дополнительная „gīnu:“ храма Набу. Пусть царь, господин мой знает, — никто не изъят (?)“⁵. Списки поступления таких gīne: сохранились⁶. Порядок взимания gīnu: для этого периода неясен; существовала земля gīnu:, как и земля sattukku⁶.

¹ Здесь мера емкости.

² Род подати, см. ниже, стр. 131. Те же виды подати в Израиле, II: Цар. 4, 28 (=5, 8).

³ ARU 10.

⁴ Род меры емкости.

⁵ ADD 1003—1030.

⁶ ARU 371, 12: ^{ik}kiru: ша gīne: ша ^dАшшур ^dNinlil шу: „это сад (подати) gīnu: (бога) Ашшура и (богини) Нинлиль“.

Имеются, впрочем, данные, указывающие, как будто, на всеобщий характер храмовых податей. Из письма NABL 4 (времени Асархаддона) видно, что за поступление gīnu: в храм Ашшура были ответственны начальники областей под наблюдением царя, причем, повидимому, не только некоторых, а всех областей. Царь Асархаддон (бывший, заметим, явным

В документе ADD 806, насколько мы знаем, изданном только в копии, а также в письме NABL 532¹, упоминается еще „пятина“ в пользу храмов (xamissu). Трудно сказать, есть ли это еще один вид сбора в пользу храма, или просто указание на размер ginu: или sattukku. Последнее кажется более вероятным.

Первый из указанных двух документов, весьма любопытный, хотя и темный, привожу в переводе:

„... 10 имеров поля в a:lu нирамайцев, рабы начальника области Симê, дано в возмещение за (пролитие) крови; 40 имеров поля в цаххи (?) ашшурцев (a:l-libbi-a:laja)—всего 270 имеров поля, что во времена Тиглатпаласара.

40 имеров поля Бельаххешу, сапер (??), взял за серебро. 30 имеров поля „с людьми, ...ша, садовник, Хатуку...—всего 70 имеров поля, 2 сада, 2 садовника—во времена Салманасара.

100 имеров поля во временное пользование в a:lu уппу'нцев, рабы царевича (и) рабы военачальника, ежегодная пятина (xamissu) для возлияний (? MU NAG).

2 сада—Адрê, раб царевича, 2 то же—Набуа ^{am:c:l} царabbi, 1 то же, 1 садовник—Мушаллим-Ашшур, сын „III“ [—...такому-то?], ниневийцу. Всего 450 имеров поля, 7 садов и 30 душ отдано за серебро“.

Джонс считает этот документ запиской о храмовых участках земли.

Нормальные государственные подати, поступавшие с некоторых областей, могли переуступаться храмам².

Храмы были также и ростовщиками: имеется ряд заемных сделок, где храм или его представители выступают в роли кредитора³. Преимущественно в пользу храмов поступали штрафы за нарушение сделок.

Изложенное в достаточной степени характеризует положение храмов. Наиболее важным выводом, который можно сделать,

ставленником жречества) утверждает (KAN I, 75, стр. 14—15=Luckenbill, ARAB II, § 710), что им были установлены ginu: и sattukku в пользу храмов по всей державе. Было ли это временным явлением, нововведением Асархаддона, или это надо понимать таким образом, что по всей державе были выделены земли „ginu:“ и „sattukku“? Тексты ARU 10 и 371 показывают недвусмысленно, что имелась специальная земля sattukku и ginu:; однако же в числе податей, распространенных Салманасаром V на свободный ранее от всяких поборов г. Ашшур, были и подати в пользу храмов.

¹ Времени Асархаддона.

² Так, подать скотом (cibit alpe: ce:ni) с области Гамбулу была передана Саргоном храму Бела вавилонского (Хорсабадские анналы, Н. Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, = Luckenbill, ARAB II, § 31). Ср. конфликт между начальником области и храмом из-за этой подати в конце царствования Асархаддона (?)—NABL 464.

³ ARU 143, 290—303. В №№ 237—298 объектом займа является ginu:—м. б. речь идет об отсрочке платежа? В большинстве остальных документов объект займа—SAG^{меш} божества. Значение идеограммы неясно (первинки?).

является тот, что храм в хозяйственном отношении был не столько центром государства и общины¹, сколько как бы государством в государстве, имея, повидимому, свои особые податные земли, наряду с теми доходами, которые он извлекал из земли, как землевладелец. Следует отметить огромную экономическую мощь храмов.

Содержание государственных и царских должностных лиц осуществлялось в основном, повидимому, выделением доходных земель, а для некоторых, наиболее важных должностей — выделением целых областей в управление — вероятно, с правом собирания податей. Так, специальные области были прикреплены к должностям полководцев „правой руки“² и „левой руки“³ „царского глашатая“ (лица, ведавшего рекрутским набором)⁴, главного виночерпия⁵ и другим.

Упоминание земель, прикрепленных к определенным должностям мы встречали в Харранском реестре. Характерно, что такие земли, повидимому, не составляли сплошных массивов, а были разбросаны по различным поселениям и даже областям⁶. Даже наместники областей имели, как видно из Харранского реестра, должностные земли за пределами своей области.

Земли за службу получали не только крупные должностные лица, но и мелкие. Сохранилось любопытное письмо к одному из ассирийских царей⁷, свидетельствующее о такой земле. Содержание его следующее: „Отец царя, моего господина, дал мне 10 имеров пахотной земли в области Халахха⁸. Я пользовался (a:tal) полем 14 лет, никто у меня (его) не оспаривал. Теперь наместник области Бархальса пришел, насильно захватил моего земледельца, дом его разгромил и поле огнял. Царь, господин мой, знает, что я бедняк, несу службу (таццатту, букв. „дежурство“) царя, моего господина, и не покидаю дворца (букв. „не пренебрегаю серединой дворца“). Теперь у меня отняли поле. Я прошу царя, пусть царь, господин мой, окажет мне правосудие, чтобы я не умер с голоду“.

Из этого письма можно сделать несколько выводов. Во-первых, участки на содержание должностных лиц давались независимо от места службы данного лица (автор письма служит во дворце, а участок его — за сотню километров оттуда). Во-вторых, доходы с такого участка, повидимому, — единственное вознаграждение за

¹ Количество храмов в городах Ассирии было очень значительно; так, в Ашшуре известно свыше 20 храмов, не считая тех, которые входили в главный храм Ашшура, как составные части — RLA I, 3, Sp. 179 ff.

² Харран, Forrer, Die Provinzeinteilung, стр. 21, 108.

³ Коммагена, ук. соч., стр. 78.

⁴ В районе Б. Заба, ук. соч., стр. 117—118. Ср. письмо Урзаны, царя Мусасира, HABL 409.

⁵ Шабирешу на верхнем Тигре, ук. соч., стр., 107.

⁶ ADB № 5. Ср. ниже стр. 135 сл.

⁷ HABL 421.

⁸ В Северной Месопотамии.

службу¹. В третьих, такой участок был не собственностью должностного лица, а пользованием и, следовательно, входил в состав царской земли. Более крупные гражданские должностные лица в Ассирии, как правило, имели одновременно и командную должность в войске. Но у нас нет данных о том, чтобы подобные участки предоставлялись за службу также и рядовым воинам. Повидимому, воины содержались непосредственно из царской казны.

Наряду с описанными видами землевладения и землепользования—царским, храмовым и должностным—существовало также и индивидуальное не-крестьянское владение землей. Свидетельством об этом землевладении и являются, в значительной мере, дошедшие по нас сделки о купле-продаже земли с людьми и целых имений.

Такая земля—как и земля свободных крестьян—была обложена двумя видами натуральной подати—так называемым „зерном исторжения“ (ше: пуса:xi)²—которое, несмотря на свое название, взималось вообще со всякой земельной собственности, приносящей доход, в том числе и с садов (в этом случае она исчислялась не с площади, а с количества деревьев)³—и „соломой“ (фуражом) (ше:тiбни), иначе называемой „реквизицией“ (шiбши)⁴—Со скотоводческих имений брался „побор крупным и мелким скотом“ (цiбит алре: це:ни).

Подати лежали не на владельце, а именно на земле, и если земля была специальной иммунитетной грамотой освобождена от податей (такая земля называлась „свободной“, заку:ту⁵, то она оставалась „свободной“ и в случае заклада или продажи ее другому владельцу.

Землевладельцы всегда стремились добиться „освобождения“ своей земли, и процент „свободной“ земли к концу существования ассирийской державы был довольно велик⁶.

Самые иммунитетные грамоты дошли до нас также в значительном числе⁷. Хотя ни одна из них не сохранилась полностью, но благодаря тому, что они составлены в стандартных выражениях, текст их восстанавливается почти без лакун. В предыдущем изложении мы не раз ссылались на данные, которые дают эти

¹ Как указал Джонс, ADD II, р. X. крупные должностные лица получали еще долю из дани, mandattu Ср. HABL 568.

² ARU 99; 114, 116—121, 131, и passim в иммунитетных грамотах.

³ ARU 114, 120.

⁴ Я полагаю, что термин tibni (passim в иммунитетных грамотах, ARU 99, 116, 120) равнозначен термину шi/ebши (ARU 114, 115, 117, 118, 119, 121, 131), поскольку оба одинаково употребляются с глаголом шаба:ши; шiбши есть сокращение от „шiбiш tibni“—„реквизиция фуража“.

⁵ ARU 115, 117, 118, 122, 407.

⁶ 3 продажи земли заку:ту на общее количество 125 продаж полей, садов и имений, 8 закладов земли заку:ту на 22. Вспомним, что закладывалась, главным образом, не-крестьянская земля.

⁷ ARU 1 (?), 2 (?), 4, 5 (?), 6, 7 (?), 8, 9, 11, 15, 16, 18—30.

грамоты для освещения различных сторон аграрного строя ново-ассирийского периода. Ввиду большого значения этих грамот для нашей темы я полагаю уместным привести один образец полностью. Привожу грамоту ARU 16 в переводе, а наиболее важные места ее—и в транскрипции¹.

(I. Царь есть наследственный „укуллум“)

„Ашшурбанапал, укуллум, сын Ашшурахиддины, укуллума, сына Синаххерибы, укуллума-же“².

(II. Характеристика царя)

„Я, Ашшурбанапал, царь великий, царь могучий, царь вселенной, царь Ассирии, царь четырех стран света, истинный пастырь, творящий добро, царь праведный, любящий истину, дающий процветание людям своим, который всегда благосклонно содержит (ittanabalu ina damqu:ti) приближенных придворных своих (ши:t-ge:ше: мапзаз ра:пi:ши), воздающий благо чтущему и соблюдающему слова царственности моей“.

(III. Характеристика награждаемого)

„Набушаррусур, военачальник (габ ге:ше:) Ашшурбанапала, царя Ассирии, добрый, благодетель, который от (дней) воспитания до (дней) царствования глядел на царя, своего господина, чье сердце было предано его господину, находившийся предомной в правде и пребывавший благополучно, выросший с добрым именем во дворце моем и несший мою царскую службу— по решению моего сердца и по моему собственному совету я бросил (на него) взор, обдумал и утвердил его будущее (аг-[kat-su])“.

(IV. Содержание иммунитета)

„Поля, сады и людей, которых под моею сенью он приобрел и сделал своим собственным домом³—я освободил, записал, приложил печать моим царским перстнем и отдал Набушаррусору, военачальнику, чтущему мою царственность.“

С этих полей и садов—их „зерно исторжения“ не будет исторгаться, их „солома“ не будет реквизироваться, их „побор“ (мелким и) крупным скотом с них не будет браться.

¹ В тексте перевода квадратными скобками отмечены только восстановления, сделанные мной, и не отмечены бесспорные восстановления, сделанные уже раньше на основании многочисленных параллельных грамот, а также мелкие восстановления в пределах одного слова.

² Восстанавливается по аналогии с другими грамотами.

³ Вариант: „поля, сады и людей я ему дал“—следует перечень имений, затем, начиная словами: „Эти поля, сады и людей я освободил, записал“ и т. д.—как в нашем варианте.

Эти [люди] полей и садов¹ на воинскую и строительную повинность не будут мобилизовываться;² от пошлины пристани и переправы они свободны, ... кож (?) они не будут давать³. [Они] свободны, как он сам." (Следует сильно фрагментированное место).

(eqlē:ti^{меш} и^ц kira:ti^{меш} [niše:]^{меш} ша i-na цilli-ja [iq-nu]-u₂ e-pu-ши bi:t [ra-me-]ni-ши u₂-zak-ki-ма аш-тур i-na un-qi шаггу-ti-ja ak-nu-uk a-na^{м.д.} Nabu:шаггу-уциг^{аме:1} rab₃-ге:ше: pa-li-ix шаггу-ti-ja a-din

ша eqlē:ti^{меш} и^ц kira:ti^{меш} ша-a-ti-na [ше] nu-sa-xi-ши-na la in-na-su-xu [ше]tibnu-ши-na la i-шаб-ba-аш [цi-]bit alpe:-^{меш}-ши-nu la i-ца-bat [niše:^{меш} eqlē:]ti^{меш} и^ц kira:ti шу-a-tu-nu [a-na il-ki dup-ши]k-ki de-ku-tu₂ la ir-гу-ду-u₂ [ina mi-ik-si k]a-a-ri ni-bi-ri za-ku-u₂ [...] b/pit-ku машке:^{меш} la id-du-nu [шу-nu-ма (?)] ki-ма ша-a-шу₂-ма za-ku-u₂ [...]-bu ma-a'-ut-tu ka-bi-is-tu [...] ina pa-ni-ши [...] tu-za-az иц-цу-u₂).

(V. Обращение к будущим правителям).

„Будущий правитель из царей, моих потомков, чье имя призывают Ашшур и Иштар, [детям его и] семени их твори добро и благо: [они потомки благодете]ля (в отношении) царя, господина их. [Если кто из них (?)] согрешит против царя, господина своего, [узнай, что (?)] несет бог в сердце—не поступай согласно слову клеветника и супостата; [нака]жи (?), как (?) царь, если это верное слово, (но) ради (царской) печати (на этой грамоте) не проявляй небрежности: в меру греха его наложи ему наказание!“

(VI. Похороны награждаемого)

„Когда же Набушаррусур, военачальник, во дворце моем с добрым именем отойдет к судьбе, его должны похоронить, где он скажет, и положить, где желает сердце его. Оттуда, где он покоится, ты не должен тревожить его, рук твоих в этом ты не должен поднимать на злое дело—это останки доброго, благодетеля царя, господина своего.“

¹ [niše:^{меш} eqlē:]ti^{меш} и^ц kira:ti (в противоположность Джонсу и Унгнаду, которые восстанавливают [eqlē:ti]i^{меш} и^ц kira:ti^{меш}). Мое восстановление — на основании рода местоимения и варианта в ARU 20: niše:^{меш} шу-a-tu-nu—„эти люди“.

² diku:tu (вар. diku:t e:kalli—„царская мобилизация“) = Accus. loci, ilki dupšikki = Gen. l.—В противоположность переводам Джонса и Унгнада переводжу буквально так: „для воинской и строительной повинности на мобилизацию их не будут гнать“.

³ Вар.: „в храмах [богов] от [gipu:(?)], от пошлины пристани и городских ворот они свободны, с лодки, двери...“ (ARU 20).

(VII. Формула проклятия)

„Кто в могиле, где он покоится, его потревожит, на того пусть прогневаётся царь, господин его, да не пощадит его, да запретит ему пребывание в храме и дворце, пусть кровавый меч¹ снесет главу его из-за гнева бога и царя, труп его без погребения пусть растерзают собаки.

Будь то царь, будь то правитель, который изменит содержание этой грамоты—(проклят он) клятвой Ашшура, Адада, Бера, Эллиля ашшурского и Иштар ашшурской! Будущий правитель, кто не тронет содержания этой грамоты—Ашшур, Адад, Бер, Эллиль ашшурский и Иштар ашшурская услышат твои молитвы! (Следует дата).

Если перечень имени был слишком велик для того чтобы дать его в самом тексте грамоты (в разделе IV, см. стр. 128, прим. 3), то к ней прилагаются отдельный перечень.

Иммунитетные грамоты, значительно менее известные, чем царские анналы,—хотя они и дошли от почти всех поздних ассирийских царей, начиная с Ададнерари III²,—дают нам понятие о внутренней политической жизни Ассирии. Вместо знакомой всем нам стилизованной фигуры всемогущего царя, единственного активного персонажа анналов, мы находим царя, называющего своих придворных „своими благодетелями“. Особенно сильна эта нотка во фрагментированной грамоте молодого сына Ашшурбанашпала, Ашшурэтелилани, дарованной полководцу Синшумлиширу, впоследствии, как полагают, свергнутому с престола. Царь представляется здесь чуть ли не игрушкой в руках придворных, как он представляется послушной игрушкой в руках жрецов в целом ряде писем ассирийского царского архива³.

Но вернемся к тексту иммунитетных грамот. Он дает материал для целого ряда выводов, очень важных для нашей темы. Прежде всего выясним, от чего собственно освобождали эти грамоты „поля, сады и людей“.

Для этого необходимо определить, какие именно подати и повинности существовали в ассирийской державе.

Ассирийские царские анналы, говоря о завоеванных территориях—как тех, которые сохраняли еще свою автономию, так и тех, которые входили в состав державы—говорят обычно о двух видах дани—*biltu* и *mandattu*. Несомненно, что это два разных термина; они сохранились и в ахеменидской державе

¹ ka-ak da-a-me; полагаю, что перевод Джонса правилен.

² Адад-нерари III—6 (?) грамот, Тиглатпаласар—2 (1—сомнительная, может быть дарственная?), Саргон II—2 (?). Ашшурбанашпал—4, Ашшурэтелилани—2, неизвестных царей—8.

³ ARU 21, где вм. Si:n-shatgu-ibni (?) было предложено читать Si:n-shimi-li:shir.

в арамейской форме *bəlo:* и *minda:*. Разницу между этими двумя терминами установить трудно. Исходя из употребления этих терминов в других случаях (не для даней) я, все же, хотел бы предложить их гипотетическое толкование. В ново-вавилонский период *mandattu* назывался оброк, уплачиваемый рабом, ведущим самостоятельную хозяйственную деятельность. Термин *biltu* означает—в различные периоды вавилонской истории—вообще „доход“, более узко—„арендную плату“ с земли. Я предложил бы поэтому понимать ассирийский термин *mandattu* как подушную дань, а *biltu*—как дань, взимаемую с территории или с хозяйства¹.

Оба эти вида дани уплачивались драгоценными металлами, утварью, иногда скотом; к земле они не имеют отношения и естественно поэтому, что их не затрагивают и иммунитетные грамоты.

То же верно в отношении *tamartu*, единовременного „подношения“ царю от вассального царька или наместника, тождественного с *patirtu* хозяйственных текстов², известного уже и в средне-ассирийский период.

С земли же, как уже указывалось выше, собиралось „зерно исторжения“ (*ше: pusa:xi*) и „солома“ (*tibnu*, *šibšu*). Как правило, в документах не указывается их величина; такое указание мы имеем в одном только случае (ARU 120). Здесь „зерно исторжения“ равно $\frac{1}{10}$ (урожая?), „солома“— $\frac{1}{4}$. Надо думать, что самый факт указания на размер податей свидетельствует, что в данном случае норма была необычной. В другом документе (ARU 117) указано, что с данного поля владелец „должен давать *šebšu* и *pusa:xi* наравне со своим *a:lu*“. Это, очевидно, типичный случай, но формулировка ничего не раскрывает для нас.

Натуральная подоходно-поземельная подать шла на содержание армии³.

Что касается третьего вида натуральной подати, „побора скотом“ (*šibit alre: ce:ni*), то она являлась чисто подоходной, а не поземельной. Если в иммунитетных грамотах после *ше: pusa:xi* и *tibnu* стоит местоимение ж. р.—*šina*, явно относящее эти подати к полям и садам (*eqla:ti*, *kira:ti* по асс.—женского рода), то после *šibit alre: ce:ni* стоит местоимение мужского рода, следовательно эта подать относится скорее к людям (*piše:* в данных текстах—всегда мужского рода, хотя в других текстах встречается и согласование в женском роде). В грамотах Ашшурэтелилани⁴ „побор скотом“ отнесен в конец перечня, следовательно, надо думать, относится к людям. По смыслу же подать эта должна

¹ Ср. IV Кн. Царств, 15, 20.

² Анналы Синаххериба (Призма Тэйлора), Delitzsch, Assyrische Lese-stücke⁵, I, 50-64=Luckenbill, ARAB II, § 235.

³ Ср. анналы Ашшурнасирапала, KB I, S. 72, стр. 9, S. 84, стр. 86, S. 108, стр. 82: „этот город я взял себе, насыпал в нем зерно (*ше:lu* вм. *ше: pusa:xi*, ср. ARU 115) и „солому“ (*tibnu*) страны такой-то“. Контекст не оставляет сомнения в том, что речь идет о крепости, созданной как опорный пункт для дальнейших походов,

⁴ ARU 20, 21.

относиться ни к тем и ни к другим, а к движимому имуществу (скоту) владельца.

Храмовые подати и поборы—*gīnu*-, *sattuḫku*, *hamussu* (?) и т. д. в грамотах обыкновенно не упоминаются¹, хотя, как мы указывали, вероятно они могли взиматься иногда (особенно начиная с Асархаддона?) и не только со специально храмовых земель.

Этим исчерпывается список податей. Что касается повинностей, то из царских анналов мы знаем их четыре вида—*ilku*, *d/тиршĭкку*, *kuḍuḡu* и *allu*.

Термин *ilku* (буквально „хождение“, синоним *хагга:ни* „поход“)² известен начиная с времени Хаммурапи, где он означает обязанность несения царской службы—и специально воинской³—за выделяемый царем надел. Мы встречали этот термин выше (стр. 70—71) в средне-ассирийский период, где он означал, повидимому, как воинскую⁴, так и вообще повинность⁵. Это же общее значение можно приписать термину *ilku* и в ряде контекстов в документах ново-ассирийского периода⁶, но поскольку он обычно противопоставляется термину *ḍuršĭkku*, или *ца:be: шагги* (*dullĭ шагги*), который, несомненно, означает строительную повинность, то можно думать, что *ilku* применялось также и в более специальном смысле „воинской повинности“⁷. Так я и переводил этот термин на протяжении настоящей главы. Он сохранился в ахеменидское время в форме *h^alak^h*⁸.

Термин *ḍuršĭkku* означает первоначально корзину для кирпичей, которую носили работники при строительстве. Ряд текстов⁹ прямо показывает, что этот термин применялся для строительной повинности, которой подлежали как рабы (напр. пленные), так и свободные, не принадлежащие к знати¹⁰ или не освобожденные согласно иммунитетной грамоте.

¹ Но ср. ARU 20, 21, и грамоту городу Ашшуру (см. ниже).

² Ср. примеры, приводимые у Driver'a и Miles'a, AL, p. 486.

³ КН §§ 27—31, 37—41.

⁴ Судебник, § 45 (А).

⁵ KAJ 7.

⁶ Так в NABL 99, и ряде других писем.

⁷ Так, несомненно, в письме NABL 246 (читаю „ша₂ il-ka-шу-ni il-ku-шу i-ti-[din] ша₂ ame:l ца:be: меш шагги-шу-[ni] ame:l ца:be: меш шагги i-ti-din та:tu:ч₂ gab-bu a-[na] шагги i-ta-цаг“—„кто (должен дать) *ilku*—дал свой *ilku*, кто (должен дать) своих царских людей—дал царских людей; разве вся страна не служит царю?“ Предположение Джонса, что *ilku* мог быть натуральной податью (ADD IV, p. 209), на основании того, что документ ADD 766 с надписью „*ilku*, который Саргон, царь Ассирии, получил с областеначальников“, был ярлыком от мешка, едва ли верно: этот мешок (находившийся, несомненно, в архиве!) содержал, вероятно, документы о поступлении людей на повинности—Ср. также выше, стр. 113 сл. („полковник“ и „пятидесятник“ как „владыки“ *ilku*).

⁸ Эд. Мейер (Geschichte des Altertums, Bd. III, 1901, S. 88) ошибается, переводя этот термин как „Wegesteuer“.

⁹ Напр., Цилиндр Рассама X, 87—94=Luckenbill ARAB II, § 836,

¹⁰ NABL 99.

Термин *kidurgu* (собственно „межа“?) редко применяется в текстах после Тиглатпаласара III, а если применяется, то как синоним *diršikku*¹. Как отдельная повинность, она, вероятно, уже не существовала в VIII—VII вв. до н. э., а термин употребляется историческими надписями для придания стилю возвышенного и архаического характера.

Термин *allu*, который, как и *kidurgu*, не встречается за пределами анналов, означает буквально „лопата“². Возможно, что это было первоначально названием ирригационной повинности, но в текстах Ашшурбанапала он применяется, так же как *kidurgu* и *diršikku*, к повинности строительной. Возможно, что эти две повинности формально слились³.

Diku:tu „мобилизация“ (от глагола *deku:*, частого в анналах), вопреки переводам Джонса и Унгнада в тексте иммунитетных грамот, не является отдельным видом повинности, но лишь формой привлечения к повинности⁴. В иммунитетных грамотах городам и др.⁵ ей противопоставляется „ключ глашатая“ (*šisi:t na:giri*), т. е. „рекрутский набор“⁶.

Таким образом, иммунитетная грамота освобождает земли награждаемого от натуральной поземельной подати, а людей („колонов“) на этих землях—от воинской и строительной повинности в порядке мобилизации. При этом грамота устанавливает, что люди будут „свободны“, как сам владелец. Это касается, конечно, лишь их юридически-фискального взаимоотношения с государством. Они свободны лишь для неограниченной эксплуатации их владельцем, рабами которого они остаются.

Но это указание чрезвычайно важно для нас в другом отношении. Оно показывает, что знатные землевладельцы и рабовладельцы вообще были свободны от податей и повинностей. Они четко противостояли таким образом, крестьянству как „свободному“, так и находившемуся на положении рабов, как сословие неподатное—сословию податному. Таким образом, основная линия деления общества проходит в ново-ассирийский период иначе, чем раньше.

Остается неясным, являются ли иммунитетные грамоты одновременно актами дарения. Как понимать термин *iqnu:* „приобрел“,

¹ Напр., в указанном месте анналов Ашшурбанапала (Цилиндр Рассама). Клаубер считает, что *kidurgu* есть общее (вавилонское) название для повинностей, от которых освобождает дарственная—„*kidurgu*“.

² Даваемый обычно перевод „мотыга“ вряд ли верен: пиктографический знак, из которого вышло клинописное *AL*, явно изображает лопату. См. впрочем RA XXIII, p. 1.

³ В письмах вместо *diršikku* встречаем обыкновенно более общее выражение *dullī šaḡḡi*—„царская работа“, или *ca:be: šaḡḡi*—„царские люди“.

⁴ Так правильно у Джонса ADD, II, p. 178.

⁵ Так в грамоте Саргона, Winckler, *Sammlung von Keilschrifttexten*, II, № 1 и в „Предсказаниях царю“ на таблетке Британского Музея DT 1, (IV R 48); см. о ней ВДИ, 4 (18), 1946, стр. 41 сл.

⁶ ARU II, p. 70, 178.

употребленный для выражения отношения владельца к „этим полям, садам и людям“? Было ли это личное владение награждаемого, или же речь идет о переходе в его собственность кормления, положенного ему по должности? Можно было бы привести ряд доводов в пользу второго толкования¹, но столь же вероятно, что когда царь заявляет, что он „дал“ награждаемому эти земли², то он лишь выступает, как формальный верховный собственник земли, или даже только как верховный землеустроитель. Недаром в начале документа объявляется, что царь является *ikullu*—должность, которой издревле, как мы видели, принадлежало ведение землеустройством. Скорее всего, могли иметь место оба случая.

Рассмотрим, наконец, самый состав „освобождаемых“ имений. Опись, приложенная к приведенной нами грамоте на имя Набушаррусора сохранилась, хотя и не полностью. Несмотря на однообразие таких описей, все же приведем в изложении эту, а также еще одну опись (обе изданы только в копии, ADD 741, 742), так как это единственные в своем роде документы, дающие представление о хозяйстве ведущих представителей господствующего класса ассирийской державы.

ADD 741 является приложением к грамоте ARU 16, приведенной выше. В начале сохранившегося текста идет, как в Харранском реестре, перечисление рабов с их семьями—преимущественно виноградарей („садовников“), но также пастухов, погонщиков верблюдов, ткачей и лиц, профессия которых не указана—всего в сохранившейся части текста около 120 человек. Затем названы „1 дом, 1 огород в Адиа, Курди-лам[...]ame:1qa-din-[пи]“, и в конце даны итоги: „всего 1700 (имеров) поля, 40 виноградников по 2[...], 6 домов Набушаррусора, военачальника царя Ассирии(?)“.

Так как, за исключением одного *qadinnu*, который указан, как живущий при определенном недвижимом имуществе в *a:lu* Адиа³, в остальных случаях не указаны земли, на которых сидели перечисленные рабы, то надо думать, что эти земли были целиком названы в не сохранившемся начале документа.

После черты документ продолжает: „30 имеров поля в *a:lu* Шульму-хальсу, 20 имеров в *a:lu* Шатрухат(?), 30 имеров поля в *a:lu* AN.KI.TA.A 20 имеров *a:lu* Тиль-Ра[...], 1 виноградник в области Сингара, 1 виноградник [в...], 1 виноградник в „усадьбе“ Набунасира, 1 сад *zamgi* [в...]. Затем начинается такой же перечень рабов, как выше.

Является ли это продолжением описи имени Набушаррусора или, возможно, описью другого имени, на которое была одновре-

¹ Так, ср. выражение „я отдал“ (особенно в ARU 20, 21) и самый характер имени, как он виден из документа ADD 742 (см. ниже).

² Термин „отдал“ (*addin*) можно отнести и к самому документу, а не к землям, ср. ARU 10, но также ARU 20, 21.

³ Джонс (ADD IV, p. 205) полагает, что *qadinnu* есть род управителя.

менно выдана иммунитетная грамота—например, ARU 15, имеющая ту же дату, что и ARU 16—неясно¹.

ADD 742 целиком построен по формуле: „столько-то имеров поля (или: такой-то сад, и т. п.) в а:lu таком-то; такой-то, земледелец (виноградарь, пастух и т. п.) с людьми своими“. Эта формула наиболее типична для иммунитетных грамот².

Привожу сводные данные по этой описи.

В а:lu Наркабате	—?	имеров поля,	2	семьи земледельцев
„ Дарраска	—?	„ „	3	„ „
„ Бит-Ташбиру	—?	„ „	7	семей „
„ Асаяти	—20	„ „	1	семья „
„ Мельяба	—30	„ „	1	семья „

„Все это—в провинции крепости Арбелы“.

В г. Арбеле—1 дом, в воротах бога Хамру, $\frac{1}{2}$ огорода перед ниневийскими воротами, 4 семьи без указания профессий.

В а:lu Кабаси, выше Арбелы, 20 имеров поля, 2 виноградника, 1 семья земледельцев.

В г. Кальху, перед ниневийскими воротами—12 имеров поля, 1 дом, 2 семьи.

В а:lu Лукумайа, г. Аррапха—40 имеров поля, 4 семьи земледельцев.

В „усадьбе“ Хумути—40 имеров поля, 2 семьи земледельцев.

В „усадьбе“ Нуни—40 имеров поля, 2 семьи земледельцев.

Провинция Бархальса.

В а:lu Андуллу— 40 имеров поля, 1 семья земледельцев,

В а:lu Асиху— 14(?) имеров поля, 13 семей земледельцев,

В а:lu Кашпу—? имеров поля, 3 семьи земледельцев,

В а:lu Яда'и—? виноградников, 2 семьи виноградарей,

В а:lu Барзаниста—? виноградников, 1 семья виноградарей,

В а:lu Тиль-Зани—? виноградников, 3 семьи виноградарей,

В а:lu Испаллуре(?)— 2 виноградника, 2 семьи виноградарей,

„Все это—в провинции Исаллу“.

В „усадьбе“ Анзале(?)—40(?) имеров поля, 14(!) семей земледельцев.

В а:lu Ардизу... (следует большая лакуна. Обратная сторона таблетки начинается с перечисления семей земледельцев, но название а:lu и размеры участков не сохранились. Затем текст сохранился лучше, и сводные данные таковы):

В а:lu ?,—? имеров поля, 2(?) семьи земледельцев,

В „усадьбе“ У[...]а—? имеров поля, 1 семья земледельцев,

¹ Этого типа описи ADD 741, 743, 744 (=745?), 752. Имена данного рода скорее можно было бы считать собственностью получающего привилегию, чем имение описанного ниже рода.

² Ср. ARU 20, 22, 24, ADD 742, 746 (=747), 748, 749—751? Этот тип имений я склонен был бы считать подаренными из числа первоначальных должностных кормлений.

В а:lu Бит-Адад-эреш—? имеров поля, 4 виноградника, 6 семей земледельцев,

В „усадьбе“ Набуиддина—40 имеров поля, 4 сада zamgi, 2 семьи земледельцев, 1 семья садовников.

Провинция Халахха.

В „усадьбе“ Маннулуахуа—1 с дробью имер поля, 4 семьи земледельцев.

В а:lu пастухов царевича ? имеров поля, 1 семья земледельца, 1 семья палаточника (? , sukka:ja), 1 семья без указания профессии—

„Все это—ниневийцы“.

В а:lu Иринних—80 имеров поля, 5 огородов, 4 семьи земледельцев, 2 семьи огородников,

В а:lu Дур-аннай — 60 имеров поля, 3 семьи земледельцев,

В а:lu Бел-икби —140 имеров поля, 6 семей земледельцев,

В а:lu ? — ? имеров поля, 6 семей земледельцев,

В „усадьбе“ Саниму— ? имеров поля, 2 семьи земледельцев,—

„В степи г. Каль<ху?>“.

(Далее текст фрагментирован и вскоре обрывается).

Мы видим, что учитывая только сохранившуюся часть описи (примерно $\frac{3}{5}$ таблетки), всего имелось 600—700 имеров полевых участков, распределенных по 32 населенным пунктам в 8—9 провинциях ассирийской державы. При них 109 семей рабов, или не менее 400 человек. Судя по именам, это представители местного населения каждой из провинций¹.

К какой именно иммунитетной грамоте относится опись—неизвестно.

Таким образом, если в первой описи освобожденные от податей и повинностей имения и представляли собой, возможно, сплошной массив, то во второй описи, несомненно, земли были расположены в разбивку. Поэтому вероятно, что это были первоначально земли, приписанные как кормление к должности: мы видели из Харранского реестра (ADB № 5), что такие земли именно давались в разбивку, очевидно, для того, чтобы не слишком усилить вельмож.

Для того, чтобы завершить картину земельных отношений в ново-ассирийский период, необходимо остановиться на роли городов в обществе того времени.

Нам известно, что в период существования ново-ассирийской державы внутри нее шла острая борьба за привилегии (kidinnu:tu) крупных городов. Такими привилегиями пользовался прежде всего

¹ Так, в провинции Арбела и Аррапха все имена—ассиро-вавилонские; в месопотамских провинциях Бархальса и Исалла появляются арамейские и не-семитские имена. (Но обр. вн. на имя ^{m.na:ir}Za-ban-iddinna („Река Заб дала“) в строке 14, в провинции Бархальса).

Ашшур, в Вавилонии—Сиппар, Ниппур и Вавилон¹. Привилегии эти заключались, главным образом, в освобождении граждан этих городов от общегосударственных повинностей (*ilku duršikku*). Права городов были нарушены Салманасаром V, вновь наложившим на граждан повинности, а затем восстановлены Саргоном, который распространил привилегии также на Харран и (частично) на вавилонские города Дер, Ур, Эреду, Ларсу, Кисик и Нимед-Лагуда. До нас дошла во фрагментированном состоянии грамота Саргона городу Ашшуру, в которой говорится, что он освободил ашшурцев от мобилизации (*diku:t ma:ti*), от рекрутского набора (*mišit pa:giri*), от воинской и строительной повинности (*ilku duršikku*) и от податей в пользу всех храмов Ассирии². Позже земли ашшурских горожан были освобождены Асархаддоном от всех вообще податей и повинностей³. Территория города ставилась, таким образом, в положение, аналогичное землям храмов и вельмож, имевших иммунитет. Она становилась особой землей в пределах государства.

Ясно, что город, представлявший собой как бы государство в государстве, должен был иметь и соответствующую внутреннюю организацию. Это подтверждается письмами из архива ассирийских царей, где сохранился ряд писем из переписки племен и городов с ассирийскими царями.⁴ Конечно, если письмо пишет „город“, то это значит, что пишет его какой либо административный орган города—совет, сенат или народное собрание. И действительно, в письмах от городов Кисик, Ур и Шаттена в качестве отправителей указаны „жители такого-то города, старейшины и малые“ (HABL 210, 942, 1274). Так же назван адресат в письмах к г. Уруку (HABL 296, 297). Если термин *šī:bu:ti u: ceħgi:ti* еще можно было бы понимать как „старый и малый“, то письмо HABL 240 от „жителей Ниппура великих и малых“⁵ (*gabī: u: ceħgi*) и обращение к „жителям Урука, первым и последним“ (HABL 815) не оставляют сомнения в социально-политическом значении терминов. То же положение с письмами к племенам и от племен. Так, отправители письма HABL 906—„вожди, благородные (*ma:t banu:te*), старейшины и малые (племени) реки Туплиаш“.

Таким образом, мы имеем здесь дело, внутри ассирийской державы, с полисами, быть может и не настоящего античного типа,

¹ См. мою статью в ВДИ № 4 (18), 1946.

² Winckler, Sammlung von Keilschrifttexten II, № 1=Luckenbill, ARAB II; §§ 133—135.

³ KAN I, 51, Col. II, 1—12=Luckenbill, ARAB II, § 705.

⁴ От г. Кисик HABL 210, 736; от г. Ниппур HABL 240; от г. Вавилона HABL 878 от г. Ура HABL 1274; от г. Шаттена HABL 942; к г. Уруку HABL 296, 297; к г. Вавилону, HABL 301, 403, 571; к жителям Урук; от их сограждан из Ассирии HABL 815; от племени Туплиаш HABL 906, 1112; от племени Гамбулу HABL 915; к племени Рашу HABL 295; к халдеям Страны Моря HABL 289, и др.

⁵ Не „от мала до велика“ (это звучало бы *ceħeg gabī*).

но во всяком случае близкими по типу к полисам эллинистических монархий.¹

Степень автономии и размер особых прав этих полисов были различны. Привилегии, дарованные Вавилону, распространялись на всех, кто жил в его стенах². Толкование же жителями г. Кисик дарованных им привилегий, как распространяющихся также на наемников, занятых на территории полиса, повидимому, вызвало неудовольствие ассирийского царя³. „Земля лука“ в Кисике продолжала сохраняться.⁴

V

Мы можем подвести итоги тем данным, (конечно, пока во многом предположительным), которые нам удалось извлечь из памятников ново-ассирийского периода.

Линия основного деления в обществе проходила между рабовладельческой и землевладельческой знатью, преимущественно состоявшей на царской службе и лично свободной от податей и повинностей, с одной стороны, и с другой стороны—массой „колонов“⁵—рабов особого типа, сидевших на земле.

Эта категория сливалась с категорией собственно рабов—ремесленников, домашних рабов, а также пленных, еще не посаженных на землю. Отличие между такими рабами и земледельческими „колонами“ состояло, повидимому, преимущественно в том, что рабы—не-земледельцы—могли продаваться без земли и в одиночку.

Наряду с „колонами“ существовали в значительном количестве и свободные крестьяне, быть может, уже также прикрепленные к своей *idīa*, причем продолжался, хотя и не с прежней интенсивностью, процесс их закабаления и превращения в „колонов“.

Как свободные крестьяне, так и „колоны“ подлежали общегосударственным повинностям—как строительной, так и воинской на основании предварительно составленных реестров и списков; быть может, повинности лежали и на не-земледельческих рабах. Вероятно, „колоны“, как и свободные крестьяне, платили также подушную подать.

Войско составлялось 1) из привилегированных родов войск (колесничие, личная царская охрана и, может быть, конники), вербовавшихся из представителей не-податного сословия, 2) из

¹ В связи с этим можно поставить вопрос—не было ли вообще освобождение знати от податей формально связано с их гражданством в „освобожденном“ полисе? В средне-ассирийский период это освобождение еще, повидимому, не было юридически оформлено.

² NABL 878, 8—9.

³ NABL 210, 7 сл.

⁴ Там же, строчка 3 оборота.

⁵ Употребляю, как уже упоминалось, условно этот термин за отсутствием более подходящего.

⁶ Ср. Luckenbill, ARAB II, § 304. Характерно, что иммунитетные грамоты отдельным лицам не упоминают о рекрутском наборе; вероятно, он производился только среди свободных, поэтому он и упоминается в грамоте городу Ашшуру, где речь шла об освобождении всего населения, а не только владельческих „колонов“. Что же касается рабов-земледельцев, то они мобилизовались в ополчение, или в обоз, как ца:be: хирші.

постоянного войска (kiçig şağıti), набиравшегося, вероятно, путем рекрутского набора,⁶ и состоявшего на полном царском довольствии, 3) из отрядов, состоящих из людей, сидевших на „земле лука“, освобожденной от податей и повинностей, но обязанных военной службой за землю (только в некоторых областях державы); 4) из вспомогательных отрядов, — главным образом, саперы, обоз, но иногда также, повидимому, и некоторые боевые части — состоявших из крестьян и „колонов“, набравшихся в порядке ополчения или мобилизации (diku:t ma:ti).

Какова была разница в положении населения до реформ Тиглатпаласара III и после них? Как мне кажется, Тиглатпаласар довел до логического вывода и дал законченную форму отношениям, слагавшимся в обществе до него; в частности, ему надо приписать введение системы, приравнявшей переселенных пленных к „колонам“ и, быть может, установившей права и обязанности „колонов“. В период, охватываемый рассмотренными нами документами, „колоны“ представляют собой однородную массу, наделенную большими правами, чем те разнообразные по своему характеру категории населения более древних периодов, из которых они возникли (кабальные крестьяне, пленные, рабы). Это представляется мне результатом периода гражданских войн IX—VIII веков и реформ Тиглатпаласара, завершивших его.

Черты назревающего политического кризиса заметны уже в ассирийском обществе этого времени. Несомненно, например, ожесточенное сопротивление широких масс населения всей Передней Азии переводу его в „рабское“ состояние; это сопротивление выражается в восстаниях полу-самостоятельных и уже включенных в состав державы областей, в отдельных террористических актах,¹ бегстве от повинностей² и т. д. Не случайны те малые размеры a:lu, которые мы наблюдаем на завоеванной ассирийцами территории, где расселение жителей производилось Ассирией на-ново: это, как и искусственное создание языковой и племенной чересполосицы, свидетельствует о страхе господствующего класса Ассирии перед мятежами.

С другой стороны, неопределенность юридических форм, в которые облачается новый тип эксплуатации, стремление приравнять „колонов“ к обычным рабам и шаткость различия между ними — все это показывает, что общество, хотя и совершило поворот к этому новому типу эксплуатации, но сделало это еще не с полной решительностью.

Общинное устройство остается и в этот период закономерностью общества, несмотря на сильнейшие потрясения его устоев бурными событиями времени. Члены общины связаны, повидимому, круговой порукой в отношении податей и повинностей, и имеют свою общинную администрацию в лице хаза:пи, ста-

¹ Убийство „колонами“ хозяина-купца NABL 186.

² NABL 251, 252.

росты. Характерно, однако, обилие мелких и мельчайших поселений, административно включаемых в более крупные общины или искусственные „волости“ (qe:ra:pi). Существует также множество мелких отдельных дворов (a:l ше:'i), принадлежащих или первоначально принадлежавших отдельным владельцам.

Земли на покоренных территориях—то есть основная масса земельного фонда державы—находятся в полном распоряжении царя, а в значительной части являются непосредственными доменами царя. Роль царя в распределении земель и землеустройстве вообще всего государства такова, что создается основа для превращения всей территории, за исключением особых привилегированных земель, в „царскую землю“. Так или иначе, сохраняется частное и даже мелкое крестьянское владение—земли, обложенные натуральными поземельно-подоходными податями в пользу царя; для приобретения таких земель царь прибегает к покупке.¹ Считаются ли и они формально принадлежащим к царским—неясно.

Несомненно, к царским землям принадлежат те, которые выделяются для кормления должностным лицам. Эти земли размещены так, чтобы не образовывать земельных массивов, очевидно, для того, чтобы ослабить крупную знать. В некоторых случаях, повидимому, эти земли могли переходить в собственность должностных лиц. Наиболее значительные должностные лица получали в свое управление провинции.

Представители знати стремились добиться освобождения своих земель от поземельно-подоходных податей, а своих „колонов“—от общегосударственных повинностей. Такие освобожденные земли представляли собой заметную часть всего земельного фонда.

На особом положении находилось жречество, бывшее наследственным и организованное в храмы. Храмовая земля также занимала совершенно особое положение среди земельных фондов страны. Она была освобождена от общегосударственных податей и повинностей; храмы взимали подати и призывали на повинности в свою пользу на своей собственной территории, возможно, наряду с общегосударственными сборами в пользу храмов.

Новая храмовая земля образовывалась путем дарения царем или частными лицами. Обработывалась она либо собственными „колонами“ храма, либо людьми, „посвященными“ в храм.

Также на особом положении были некоторые города, пользовавшиеся полным или частичным иммунитетом. Их земли могли быть освобождены от взыскания общегосударственных податей, а их население от вызова на общегосударственные повинности. Эти города имели свое самоуправление („старейшины и малые“).

¹ Впрочем из двух сохранившихся документов такого рода только один (ARU 3), времени до Тиглатпаласара, представляет собой, повидимому, действительную покупку; в другом (Luckenbill, ARAB II § 120) царь говорит лишь о том, что он проявил к владельцам милость, выразившуюся в возмещении им цены земли.

Положение их было аналогично положению полисов внутри Селевкидской монархии.

Все категории землевладельцев пользовались трудом „колонов“—рабов, сидящих на земле. Количество земли и рабов в одних руках могло быть очень значительным. Крупные вельможи обладали рядом отдельных имений с суммой площади свыше 1000 имеров (более 700 га), с рабским населением порядка многих сотен человек¹. Весьма распространены были имения размером 50—200 имеров с соответственным количеством „колонов“. Наряду с этим, владения свободных крестьян и держания мелких должностных лиц могли быть очень небольшими и число рабов у них насчитывалось единицами (1—2 семьи).

Храмы владели десятками тысяч имеров земли и такими же массами рабов.

Такова общая картина земельных отношений ново-ассирийского периода. В свете этой картины нам остается рассмотреть события последнего столетия существования ассирийской державы и обстоятельства ее падения.

Реформы Тиглатпаласара III, которые, как мы помним, были, повидимому, направлены по трем линиям—ликвидация запустения земель, ослабление вельмож и реорганизация армии—дали свои результаты. В 743 году был положен предел проникновению Урарту в Сирию, и в последующие годы северная Сирия была закреплена за ассирийской державой. В 735 году Урарту было нанесено сокрушительное поражение на его собственной территории. Блестящий поход 732 года превратил центральную Сирию, включая Дамаск, в составную часть Ассирии, и создал благоприятные позиции для контроля со стороны ассирийцев над торговлей с Южной Аравией. Наконец, в 729 г. Тиглатпаласар, воспользовавшись распрей между вавилонянами и халдеями, занял престол Вавилона.

Политика Тиглатпаласара, казалось, полностью оправдала себя. Из государства, быстро шедшего к упадку и гибели, он сделал Ассирию безраздельной владычицей Месопотамии, Вавилонии и Сирии, включив большую часть этих территорий в состав своей державы.

Политика эта была продолжена и углублена Салманасаром V (727—722 гг.), который отменил иммунитеты привилегированных городов—а, вероятно, и отдельных лиц. Недовольство ассирийской и вавилонской знати было тем самым доведено до высшей точки. В результате дворцового переворота на престол взшел Саргон II (722—705 гг.).

Перед новым царем встал ряд сложных политических задач

На юге правителю одного из халдейских племен, Мардукапал-иддину II, удалось объединить под своей властью всех халдеев

¹ Ср. выше документ ADD 741, где только на $\frac{3}{5}$ документа числится свыше 400 рабов, и ADD 742.

и овладеть вавилонским престолом. На севере Руса I, царь Урарту, вел усиленную подготовку к борьбе против Ассирии. Внутри самой державы предстояло пойти на уступки знати, не подорвав мощи государства, с таким трудом восстановленной Тиглатпаласаром.

Саргон пошел по линии уступок в области экономических интересов знати—в частности восстановил иммунитеты и даже распространил их на новые города, покровительствовал храмам как в Ассирии, так впоследствии в Вавилонии—и в то же время сохранил без изменения военную политику Тиглатпаласара, в частности систему переселений.

Внешне-политически его правление началось неудачно—попытка вернуть Вавилонию провалилась в результате совместных действий халдеев и Элама. Зато на западе было закончено начатое Салманасаром разрушение Израильского царства, затем разгромлена коалиция, образовавшаяся, вероятно, в связи с поражением ассирийцев в Вавилонии, и нанесено поражение Египту.

Более трудная борьба предстояла на севере, но и она окончилась удачно для Ассирии, благодаря умелой политике использования противоречий и раздоров мелких племен и княжеств, глубокой организации разведки и другим подготовительным мерам. Урарту было разгромлено в 714 г., причем была захвачена гигантская добыча.¹ Также удачно были пресечены попытки Фригии вести интриги на северо-западных границах Ассирии.²

В результате этих успехов Саргон мог снова перейти в наступление против Вавилонии, где тем временем положение Мардукапалиддина пошатнулось. Вавилоняне видели, что Саргон—сторонник совсем иной политики, чем Салманасар, лишивший их иммунитета, и чем Мардукапалиддин, раздававший земли вавилонской знати халдеям.³

Первой мерой Саргона, как только он в 710 г. вступил на территорию Вавилонии, была передача доходов от образованной им за Тигром новой провинции вавилонским храмам⁴. В начале 709 г. Саргон мог вступить в Вавилон и занять вавилонский престол. 12 вавилонских городов получили полный или частичный иммунитет⁵.

Но несмотря на внешние успехи, внутренние проблемы ассирийского общества не были разрешены. Хотя существование громадной державы, внутри которой, как никак, господствовал обеспеченный мир, должно было способствовать развитию сельского хозяйства и торговли, однако государство, укрепленное

¹ Thureau-Dangin, La 8me Campagne de Sargon.

² Мушки=Фригия, см. напр. САИ III (1925), р. 54 (по более известному ассирийцам из племен, входивших в ее состав).

³ Luckenbill, ARAB II, §§ 40, 68 (Winckler, Die Keilschrifttexte Sargons, стр. 122—124, и др.).

⁴ Ук. соч., § 31.

⁵ Ук. соч., § 40=Winckler, ук. соч., текст 62, строки 5—12.

мерами Тиглатпаласара и Саргона, не считалось с действительными интересами ни сельского хозяйства, ни торговли, для которых вечные походы и сопровождавшие их поборы, повинности и контрибуции должны были быть чрезвычайно тягостными. Ассирийская держава давно уже превратилась в военно-паразитическое государство. Господство в нем принадлежало узкому кругу военной и служилой знати, свободной от податей и повинностей. Существование его только и могло продлиться в постоянных непрекращаемых военных грабежах, питавших и оправдывавших существование его основного и столь обременительного для народа средства насилия, войска. Реформы Тиглатпаласара сводились к спасению этого государства. Сколь ни жизнеспособной оказалась впоследствии слагавшаяся внутри него социальная система, но принудительное дополнение к ней—ассирийская военно-грабительская господствующая верхушка—тяготило общество.

Интерес господствующей верхушки ассирийской державы заключался в укреплении ее военного могущества, ее войска. А для этого были нужны все новые и новые грабительские походы.

Сын Саргона, Синаххериб (705—681 гг.)¹ возвращается к политической линии Тиглатпаласара и Салманасара¹. Отказавшись от поддержки храмов и крупных владельцев, он основной своей опорой сделал войско. В связи с этим все его правление проходит в ожесточенной борьбе против Вавилона и коалиций, группировавшихся вокруг него в различных комбинациях. Уже в 702 г. Синаххериб прибег к такой мере, как выселение 200 000 жителей Вавилонии², а в 689 году, когда он после длительной и упорной, ведшейся с переменным успехом борьбы, окончательно овладел Вавилоном, он решил до основания разрушить этот город, несмотря на его традиции, священные для всей Передней Азии³.

В результате правления Синаххериба Ассирия вынуждена была покинуть целый ряд завоеванных ею ранее окраинных областей.

Правление Синаххериба закончилось мятежом и убийством царя. Асархаддон, его сын (681—669 гг.), хотя и выступает в роли мстителя за его смерть, тем не менее опять совершает поворот от политической линии Тиглатпаласара к линии Саргона. Его архитекторы приступают к восстановлению Вавилона, жители которого возвращаются из плена и получают назад свои привилегии.

¹ В своих надписях он не упоминает имени своего отца, и—в отличие от Саргона и особенно Асархаддона и Ашшурбанапала—крайне скуп на упоминания богов, чудес и знамений.

² S. Smith, The first Campaign of Sennacherib=Luckenbill, ARAB, II, § 267.

³ Delitzsch, Assyrische Lesestücke⁵, стр. 138, строка 21; ср. многочисленные тексты Асархаддона.

Повсюду ведется строительство храмов, увеличиваются храмовые подати. Город Ашшур освобождается, помимо повинностей, также и от поземельных податей.

Войны Асархаддона большей частью протекали неудачно. Правда, ни халдеи, ни Урарту больше не тревожили ассирийцев, но на севере появились опасные кочевые орды киммеров и скифов, на востоке спланивались и начинали борьбу с Ассирией мидяне;¹ волновалась Финикия; на юго-западе эфиопский царь Тахарка, объединив Египет, задумывал, как видно, восстановить азиатскую державу фараонов. Особенно серьезной была война с Египтом. Эта война затянулась и серьезно затрагивала престиж Ассирии; было ясно, что для сохранения Палестины нужно не только обороняться, но и перейти в наступление. Основательная подготовка позволила ассирийцам в 671 г. одержать победу и установить верховное владычество в Нижнем Египте. Это завоевание—результат более или менее случайного военного счастья—было непрочным, и несмотря на большую затрату сил, всего через 20 лет Египет окончательно выходит из под власти Ассирии.

Перед смертью—последовавшей во время одного из походов на Египет—Асархаддон разделил свое царство, оставив одному из своих сыновей, Шамашшумукину, Вавилон на условии подчинения другому его сыну, Ашшурбанапалу, который был сделан царем Ассирии. Царствование Ашшурбанапала началось успехами. Египет был закреплен за Ассирией; потеряв надежду на эфиопов, смирилась Финикия. Ослабленное борьбой с кочевниками, Урарту признало свою формальную зависимость от ассирийского царя². Но тем временем Шамашшумукин, завоевавший доверие вавилонян и более или менее слившихся с ними к этому времени халдеев, и одновременно, повидимому, рассчитывая на поддержку одной из партий в Ассирии, готовил мятеж. В 652 году он выступил, в союзе со всегда враждебным Эламом и некоторыми кочевыми племенами. Ассирийским полководцам (Ашшурбанапал почти никогда не участвовал лично в походах) удалось расчлнить силы союзников. Началась длительная осада Вавилона. В конце концов Шамашшумукин покончил самоубийством и город был взят. В течение еще нескольких лет продолжалась борьба с Эламом, пока наконец к 639 году до н. э. и это государство не было уничтожено и его территория включена в состав Ассирии.

За время этой войны Ассирия потеряла Египет, но в общем пределы Ассирии были не только сохранены, но и расширены. Однако ассирийская держава уже стояла перед падением.

После смерти Ашшурбанапала, последовавшей, повидимому, в 633 или 631 г., в Ассирии начинаются смуты. Новый царь

¹ См. Knudtzon, Assyrische Gebete an den Sonnengott; Klauber, Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 133—134.

Ашшурэтелилани был игрушкой в руках знати¹, и вскоре погиб. Этих внутренних неурядиц было достаточно, чтобы сильно пошатнуть ассирийское государство. Скифы проникают на его территорию², снова восстает Вавилония, вероятно, возвращают себе самостоятельность государства Палестины и Финикии.

Последнему царю Ассирии, Синшаришкуну, противостояла коалиция Вавилонии с новым государством, возникшим на Востоке—Мидией³. Эта комбинация оказалась опаснее, чем прежние комбинации Вавилонии и Элама. Через восточные горные перевалы мидяне проникают на старую ассирийскую территорию. В 614 году пал Ашшур, в 612 году—Ниневия. После нескольких лет отчаянной и безнадежной борьбы вокруг Харрана, несмотря на поддержку занявшего Сирию египетского фараона Нехо II, остатки ассирийского войска, предводимого младшим братом Ашшурбанашалы Ашшурбаллитом, были уничтожены в 605 году под Кархемишем.

Так окончил свое существование ассирийское государство. Падение его подготовлялось давно, но комбинации враждебных Ассирии сил не были до тех пор достаточно мощными, чтобы выполнить свою задачу. Благоприятное стечение обстоятельств—династические смуты в Ассирии, сопровождавшиеся ослаблением контроля над вассальными государствами и племенами, вторжение кочевников и более выгодные стратегические позиции, какими обладала Мидия по сравнению с Эламом—привело к результату, к которому стремился Мардукапалитдин II еще столетием раньше. Успехи и поражения того или иного завоевателя, игравшие столь большую роль в создании и разрушении древне-восточных государств, и здесь явились определяющим фактором, вызвавшим падение ассирийского государства именно в данный момент⁴.

Во внутренней борьбе, происходившей в Ассирии до момента ее падения, масса непосредственных производителей и рядовых воинов не выступала сознательно, как активный класс. Внешний ход событий обуславливался борьбой за власть между различными партиями господствующего класса. Однако эта борьба может быть понята по-настоящему лишь в связи с общим соотношением сил классов в державе.

Военная партия вполне справедливо считала, что условием существования ассирийского государства является войско и активная завоевательная политика. С точки зрения этой партии было необходимо подчинить внутреннюю политику задаче создания и поддержания эффективного войска. Грабежи, совершаемые этим войском, должны были быть одновременно и источником обогащения

¹ ARU 20, 21.

² Геродот, I, 103—105.

³ Gadd, *The Fall of Nineveh*, 1923.

⁴ И. В. Сталин, *Марксизм и национально-колониальный вопрос*, Партиздат, 1934, стр. 4.

и подачкой широким массам, участвовавшим в них в качестве массы рядовых воинов.

Партия знати и жрецов требовала, напротив, соблюдения интересов знати любой ценой, включая ослабление войска путем изъятия „колонов“ из-под государственных повинностей и поддержания территории державы приблизительно в существовавших границах. В этом ассирийская знать блокировалась с вавилонской торгово-ростовщической знатью, естественно желавшей обеспеченного мира на всех основных путях и рынках Древнего Востока и отмены всех тягот, связанных с активной завоевательной политикой.

Политика той и другой партии сводилась к созданию монопольного положения для узкой верхушки ассирийского государства за счет интересов как широких масс, так и землевладельцев за пределами этого узкого круга¹. Население страдало от поборов и мобилизаций, люди окраинных царств и племен жили под постоянным страхом завоевания и обращения в рабство. Существование ассирийского государства превратилось, таким образом, в помеху для нормального существования и развития того самого социального строя, который впервые создан внутри этой же ассирийской державы, и могло продолжаться лишь до первого ослабления ее военной мощи.

Разрушение ассирийского государства было равносильно уничтожению паразитической верхушки ассирийского общества. Но это не могло остановить начавшихся социально-экономических процессов, и на смену ассирийскому государству пришли другие, в общих чертах однотипные—Халдейское царство, затем держава Ахеменидов.

Внезапное уничтожение ассирийского народа, так часто поражавшее некоторых историков, вовсе не имело места: мы знаем, что уже в VII веке население Ассирии говорило по арамейски. И как часть арамейского народа ассирийцы продолжали существовать: еще и в парфянское время мы находим жителей города Ашшура поклоняющимися своему богу² и продолжающими свои традиции.

¹ Ср. Кн. Наума, гл. 2, 11, гл. 3, 16—17, из которых видно, что когда говорится об уничтожении Ассирии, то имеется в виду прежде всего узкий круг собственно ассирийской знати, угнетавшей все остальное население Передней Азии. Из гл. 1, 15 Кн. Наума видно, что главную цель в разрушении Ассирии народы Передней Азии видели в установлении мира.

² См. W. Andrae, Das wiedererstandene Assur, ст. 173 сл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы можем теперь вкратце резюмировать историю развития социальных отношений в Ассирии¹.

На начальной стадии (до середины XVIII в. до н. э.) Ашшур, будучи непосредственно и государством и сельской общиной, является коллективным собственником всей земли на территории общины. Наряду с предположительно существующей храмовой землей, существуют отдельные наделы членов общины (живущих большими семьями), неотчуждаемые и, вероятно, подлежащие периодическим переделам. Обработка земли ведется собственным трудом членов коллектива, с применением, однако, труда небольшого количества домашних рабов. Первое деление общества на свободных—потенциальных и действительных рабовладельцев—и рабов выступает здесь достаточно четко.

Члены общины, по всей вероятности, несут общинные (непосредственно общественные) повинности. Храмы, как кажется, не имеют того могущества, как в Шумере, и не только не контролируют общину, но сами контролируются ею.

Община эта управляется общинным советом, носившим вначале, вероятно, характер народного собрания, а затем постепенно превратившимся в совет глав наиболее знатных и богатых родов, хотя народ еще долго (например, в колониях) не был полностью исключен от управления. Финансами общины ведает ежегодно переизбираемое, как видно, из среды членов совета, должностное лицо „лимум“ (лимму), ряд административных функций (в частности, вероятно, по землеустройству) несет должностное лицо „укуллум“—должность, обычно занимаемая жрецом-правителем „ишшаккум“, основные функции которого—культовые и, может быть, военные.

Вследствие того, что в общей экономике Древнего Востока—основанной, конечно, на сельскохозяйственном производстве—Ашшур и его колонии выполняли функцию передаточных пунктов в межобщинном обмене, роль торговли в доходах общины в целом и ашшурской знати, в частности, временно получила преобладающее значение по сравнению с войной и земледелием.

¹ Конечно, многое в этом очерке остается еще сомнительным или неясным, и предлагаемая точка зрения на историческое развитие ассирийского общества не может считаться окончательной во всех деталях.

Вследствие этого долго не получают полного развития обычные для Древнего Востока тенденции усиления царской власти, основанной частично на функции царя, как военачальника, частично на его функции как землеустроителя и управителя ирригации. Эти функции развиваются позже (начиная с XV века до н. э.), когда изменившаяся экономическая и политическая ситуация в Передней Азии в целом приводит к усилению роли земледелия, с одной стороны, войны, с другой. Значительное имущественное расслоение общества, унаследованное от предшествующего периода, приводит к созданию крупных землевладений и к бурному процессу разорения крестьян. Нужда в рабской силе приводит к закабалению крестьянства и к переложению общинных повинностей с зажиточной части населения на кабальное крестьянство.

В этот период происходит филиация сельских общин путем разрастания больших семей и путем дробления крупных общин, что, вероятно, стоит в связи с увеличением безопасности жизни, и выходом населения за пределы городских стен. Земля вовлекается в оборот, но верховная собственность общины на землю сохраняется, а частные лица или большие семьи выступают лишь как владельцы земли, однако, хотя и с некоторыми ограничениями, обладающие правом передачи своего владения.

В области государственного строя сохраняются еще некоторые пережитки предшествующего периода, но власть царя значительно возрастает. Являя в своем лице верховное единство общин, царь имеет широкие полномочия вмешиваться в их землеустройство и даже может раздавать из общинной земли наделы в кормление своим должностным лицам и воинам.

О храмовом землевладении этого времени нам ничего не известно.

Закабаление крестьянства приводит на рубеже II и I тысячелетий до н. э. к глубокому внутреннему кризису, в результате которого мы наблюдаем к VIII веку до н. э. создание единого класса земледельцев, сидящего на земле, но лишенного, как правило, средств производства. Этот класс считается рабами, но рабами, обладающими рядом прав, ранее им не присущих. По своему происхождению это, во-первых, кабальные крестьяне, во-вторых, приравненные к ним жители покоренных стран, переселенные на новые земли, и в-третьих, посаженные на землю рабы. Они составляют основную массу населения государства, охватившего мало-по-малу почти всю территорию Передней Азии, и несут все общегосударственные повинности, в том числе и воинскую.

В состав войска входят—составляя, очевидно, его ядро—также представители сохранившегося свободного крестьянства. Эти свободные крестьяне продолжают мало-по-малу закабаляться и переходить в число рабов-земледельцев. Они также несут подати и повинности и, возможно, прикрепляются к своей *idā*. Эта *idā*—не что иное, как община, являющаяся административно-

фискальной единицей; эта община существует в данный период в довольно неустойчивых формах.

В отдельных районах существует особая „земля лука“, держатель которой свободен от податей, но обязан служить в войске. Эта земля не является типичной для собственно Ассирии, где аналогичный институт предшествующего периода, повидимому, был полностью вытеснен системой рекрутского набора и „мобилизаций“.

Раbam-земледельцам противостоит класс землевладельцев, в основном состоящих на царской службе (занимая командные должности в войске и в администрации), не связанных прямо с поместьем и лично освобожденных от податей и повинностей. Иммунизован также ряд имений, принадлежащих крупным землей владельцам.

Царь является полновластным хозяином большей части земельной территории, по праву завоевания и как верховный землеустроитель и представитель ассирийского государства—единства общин. Из царских земель выделяются наделы в кормление должностным лицам, причем цари стремятся не создавать крупных земельных массивов в руках своих вельмож.

Храмовые земли находятся на особом положении. Они не подлежат общегосударственным податям, а их люди—общегосударственным повинностям. Помимо вероятно существовавших в некоторые периоды общегосударственных поборов в пользу храмов, они взимают со своих земель свои собственные подати, и являются, таким образом, как бы государством в государстве. С другой стороны, храмы являются также крупнейшими землевладельцами, ведущими собственное хозяйство на земле. К сожалению, отсутствие материала по храмовому землевладению в предшествующий период лишает нас возможности представить себе генезис такого типа землевладения для данного периода.

Целый ряд городов—центров землевладельческой, торговой и ростовщической знати—к этому времени получили особые привилегии, изымающие их из фискальной и административной системы государства в целом. Администрация этих городов—обычные для всякой общины „градоначальник и великие“—превратилась, повидимому, в род сената (шi:bu:ti, „старейшины“), причем в ряде случаев и все свободное рабовладельческое население, вероятно, принимало какое-то участие в управлении (цехи:ti, „малые“). Таким образом, города и их земля также представляли собой как бы государство в государстве, род полисов внутри монархии.

Мы нигде, как мне кажется, не встречаем в ассирийской древности внеэкономической эксплуатации непосредственного производителя, владеющего средствами производства, то есть того, что мы называем феодальным способом производства. В начальной стадии здесь имеются „собственники и члены коллектива, которые в то же время трудятся“¹.

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Политиздат, 1940, стр. 5.

Им противостоят рабы, первоначально домашние, лишенные каких бы то ни было средств производства, и участвующие в труде в роли как бы орудий производства. Если члены коллектива участвуют в порядке повинности в каких-либо общественных мероприятиях, обусловливаемых преимущественно природными условиями, то это нельзя рассматривать как феодальную эксплуатацию, даже когда эти повинности из общинных превращаются в царские. В большинстве азиатских форм земельной собственности, говорит Маркс,¹ „связующее единство, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как высший *собственник* или *единственный собственник*...“ „Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного *лица*, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства, отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа—бога“.² Такие коллективные виды труда не превращают еще члена коллектива в крепостного крестьянина, хотя и придают особый характер восточному рабовладельческому обществу, где индивидуальность, скованная общиной и в значительной мере лишенная возможности выступать, как субъект общественной жизни, не может развиваться столь свободно и гармонично, как в античном мире. Все же, даже при переходе в ново-ассирийский период к системе, напоминающей ранние формы колоната, ассирийское общество остается в своей сущности рабовладельческим.

¹ Ук. соч., стр. 6

² Ук. соч., стр. 7.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ = Вестник Древней Истории.
ЗВОРАО = Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества.
ИГАИМК = Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры.
ИРАИМК = Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры.
МЭ = К. Маркс и Ф. Энгельс, Полное собрание сочинений, изд. Института Маркса, Энгельса, Ленина.
Проблемы ГАИМК = Проблемы истории докапиталистических формаций, изд. Гос. Акад. Истории Материальной Культуры.
СВД = А. П. Рифтин, Старо-вавилонские документы в собраниях СССР.
ТОВЭ = Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
AAA = Annals of Archaeology and Anthropology.
AARUK = G. Eisser, und J. Lewy, Altassyrische Rechtsurkunden vom Kül-Tepe, Bd. I—II, MVAG, 1933.
ADB = C. H. W. Johns, An Assyrian Doomsday-Book or Liber Censualis, Assyriol. Bibliothek, XII.
ADD = C. H. W. Johns, Assyrian Deeds and Documents Recording the Transfer of Property, Vol. I—IV.
AKA = E. A. W. Budge and L. W. King, Annals of the Kings of Assyria, Vol. 1.
AL = G. R. Driver and J. C. Miles, The Assyrian Laws.
Der A. O. = Der Alte Orient.
AOF = H. Winckler, Altorientalische Forschungen, Reihe I—III.
Ar. Or. = Archiv Orientalni.
ARAB = D. D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylonia, Vol. I—II.
ARU = J. Kohler und A. Ungnad, Assyrische Rechtsurkunden.
BA = Beiträge zur Assyriologie und vergleichenden semitischen Sprachwissenschaft.
Babyl. = Babyloniaca.
BAW = B. Meissner, Beiträge zu den Assyrischen Wörterbüchern.
BoSt = Boghazköi-Studien.
Bull. of ASOR = Bulletin of the American School of Oriental Research in Baghdad.
CAH = Cambridge Ancient History.
HABL = R. F. Harper, Assyrian and Babylonian Letters (та же нумерация писем у L. Waterman, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, Vol. I—IV).
HWB = F. Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch.
IAK I = E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner, Die Inschriften der altassyrischen Könige, Altorientalische Bibliothek, Bd. I.
JAOS = Journal of the American Oriental Society.
KAH I = L. Messerschmidt, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. I.

- KAH II = O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. II.
 KAJ = E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts.
 KAR = E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts.
 KAV = O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts.
 KB = Keilinschriftliche Bibliothek, herausgegeben von E. Schrader, Bd. I—VI.
 KH = Кодекс Хаммурапи.
 LAK = A. Deimel, Liste der archaischen Keilschriftzeichen aus Fara.
 MVAG = Mitteilungen der Vorderasiatischen und Ägyptischen Gesellschaft.
 NKRA = P. Koschaker, Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit. Abhandlungen der Philol.-Hist. Klasse der Sächs. Akademie der Wissenschaften, Bd. XXXIX, 5.
 OIC = Oriental. Institute of Chicago. The Oriental Institute Communications.
 OLZ = Orientalistische Literaturzeitung.
 QUAG = P. Koschaker, Quellenkritische Untersuchungen zu den „altassyrischen Gesetzen“.
 R (I—V R) = H. Rawlinson, The Cuneiform Inscriptions of Western Asia, Vol. I—V.
 RA = Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale.
 TCL IX = G. Contenau, Contrats et Lettres d'Assyrie et de Babylonie, (Textes Cunéiformes de Louvre, IX).
 RLA = Reallexikon der Assyriologie.
 TU = F. Thureau-Dangin, Tablettes d'Uruk.
 UAA = E. Ebeling, Urkunden des Archivs von Assur aus mittelassyrischer Zeit. Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft, VII.
 VAB I = F. Thureau-Dangin, Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, Vorderasiatische Bibliothek, Bd. I.
 WVDOG = Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Oriental-Gesellschaft.
 YOS = Yale Oriental Studies.
 ZA (NF) = Zeitschrift für Assyriologie (Neue Folge).

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
50	27 снизу	(почти 200	(свыше 200
97	21 снизу	Араталану	Араталану
98	12, 17 и 19 снизу	п[приказал (??)]	п[прикажешь(??)]
116	22 сверху	idia	idia
138	25 снизу	idia	idia
138	Примечание 6 относится к стр. 139.		

Зак. 1301.

Ответственный редактор
 д-р истор. наук *И. М. Лурье*

М-03964

Подписано к печати 21 марта 1949 г.

Тираж 2000

Печ. л. 9½

Зак. 1301

Уч.-изд. л. 12,7

Цена 10 руб

2-я тип. Трансжелдориздата МПС Ленинград. Ул. Правды 15.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

	Строка	Напечатано	Следует
10	27 снизу	(почти 200	(свыше 200
97	21 снизу	Араталану	Араталану
98	12, 17 и 19 снизу	п[риказал (??)]	п[рикажешь (??)]
118	22 сверху	idia	idia
138	25 снизу	idia	idia

Примечание 6 относится к стр. 139.

Зак. 1301.